

БОГИНЯ ЛУНЫ И ОХОТЫ

Л. ФАНДЕЕВА

16+

Лилия Фандеева

Богиня луны и охоты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48882424

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-08212-0

Аннотация

Диана в римской мифологии – богиня охоты, плодородия, женственности. Ночью она дарит свет луны, а днем покровительствует охотникам. Воплощает молодость и быстроту, все успевает и всюду появляется в нужный час. Так ли это? Не ошиблись ли родители, давая имя дочери, родившейся в Рождественскую ночь?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	34
Глава 3	56
Глава 4	74
Глава 5	100
Глава 6	123
Глава 7	150
Глава 8	172
Глава 9	193
Глава 10	215
Глава 11	235
Глава 12	256
Глава 13	277

Пролог

Сознание возвращалось медленно. Ее, как будто раз за разом выбрасывало на поверхность воды, а затем опять опускало на дно. Вода давила, воздуха не хватало, дышать было трудно. А где-то там, с поверхности воды, она слышала знакомый тихий голос: – «Леди Ди, возвращайся, пожалуйста. Я без тебя жить не могу, я дышать без тебя не могу». И ей хотелось остаться на поверхности, и не погружаться больше в водную пучину. Остаться, чтобы иметь возможность дышать вместе с ним. Голова и бок грудной клетки отдавали болью. Девушка открыла глаза. В помещении стояла еще одна пустая кровать, свет был приглушенным, и она поняла, что это похоже на палату больницы. «Живая, – пронеслось в голове. – Где же Настя?» – подумала она, когда увидела входящего в помещение мужчину в белом халате, и на ее глазах появились слезы.

– Как твои дела? Что с глазами? Плакать тебе нет причины, – говорил доктор, которому было лет сорок, присаживаясь рядом. – Голова болит? Тошнит? Какие вообще ощущения?

Она слышала вопросы, понимала смысл, хотела ответить и не могла. Рот открывался, но неслышно было даже шепота. Доктор взял ее за руку.

– Не надо расстраиваться раньше времени. Все постепен-

но пройдет. Ты, девочка, перенесла сильное сотрясение мозга, нервное потрясение, а организм не был готов к этому и взбунтовался. Не надо его обижать еще больше. Договорились? Пройдет пара недель, и ты будешь и петь, и танцевать. Ты помнишь, что произошло с тобой? Да – моргни один раз, нет – два.

Девушка опустила веки один раз, открыла глаза и, посмотрев на доктора, жестом правой руки показала, что может ответить ему письменно. Доктор вышел и вернулся с бумагой, которая была положена на папку, и ручкой. Девушка согнула ноги в коленях, взяла ручку и написала: «Где Настя Соколова? Она была со мной».

– Тебя доставили с молодым человеком. Я его, пару минут назад, насильно выставил из твоей палаты. Такой рыцарь у тебя настырный. Ему бы самому лежать, а он тебя караулил. Часов пять просидел рядом с тобой, – говорил он, читая на листе: «Сашка?» – Может и Сашка? Смирнов его фамилия. Я позвоню следователю, что ты пришла в себя. Он знает гораздо больше и сможет найти твою Настю, – сказал он, выходя из палаты, набирая номер телефона. Прошли пару минут, он вернулся и присел на край кровати. – Твоя подруга жива и здорова. Это она вызвала скорую помощь и твоего отца. Сейчас тебе сделают укол, ты часа два-три поспишь. Все разговоры со следователем утром, и родители будут с утра. Ты у нас с двадцати двух часов, а сейчас рассвет. Хочешь о чем спросить? Пиши. – «Все так плохо или терпимо?» – про-

чел он на листке. – Насилие всегда плохо. Это и физическая и моральная травма. Сотрясение, ушибы, ссадины и немота пройдут. Многое зависит от тебя. Справишься? – спросил доктор, и получил в ответ кивок. – Да, для тебя будет важно знать: говоря о насилии, я не подумал, что ты можешь понять мои слова буквально. Дело до надругательства не дошло. Тебя избили и, видимо при падении, ты стукнулась головой. Это слабое утешение, но все поправимо, Диана Авериана. Получи свою дозу допинга, я еще зайду, – пропуская в палату медсестру, сказал он.

« Все поправимо, доктор, – подумала девушка, закрывая глаза. – Настя жива и здорова, папа приедет утром, Марк оказался не только мажором, но жестоким подонком. А Санька? Доктор назвал его рыцарем. Неужели, я слышала его голос? Он ни за что мне не признается, даже если это и так. Чем дольше я его знаю, тем больше он мне нравится, а сказать ему об этом я не могу. Два года назад я, мягко говоря, поставила его на место. Мы продолжали дружить и не вспоминали об этом. А сейчас я в таком состоянии, что говорить о своих чувствах не лучшее время. Поживем, переживем, поправимся, а потом решим. Если конечно будет, что решать».

Глава 1

Диана Аверина родилась в Рождественскую ночь 1985 года, и с легкой руки отца, была названа именно в честь богини луны и охоты. С тех пор, как она себя помнила, отец очень редко бывал дома вовремя. Служба оперативным сотрудником в милиции не давала ему такой возможности, но все свободное от службы и сна время он проводил с дочерью. В основном же, воспитанием Дианы занимались мама, работавшая мастером на заводе, и бабушка – бухгалтер фабрики. Жили они отдельно от бабушки, но Диана была здесь частым гостем. Двухкомнатную квартиру в пятиэтажном доме получил отец Дианы году в восемьдесят четвертом, а бабушка получила однокомнатную квартиру, годами тремя раньше, попадая своим домом под снос. Диана не помнила, чтобы родители когда – либо ссорились и выясняли отношения. Семья жила дружно, хотя достатка особого никогда не имела. Кроме общеобразовательной школы, Дина училась в музыкальной школе с большой охотой. Ей было двенадцать лет, когда отношения в семье начали меняться. Отец вернулся из полугодовой командировки в Чечню, а, годом раньше, завод мамы закрыли. Она, как многие другие, торговала теперь на рынке китайским ширпотребом, закупаемым оптом в областном центре. Денег катастрофически не хватало, и Наталья Аверина во всех бедах винила мужа. Александр же видел

причину совсем в другом. Он не стал испытывать терпение жены, которую любил, уволился переводом и уезжал за триста километров в областной центр. «Ты подавай на развод, я возражать не буду. Причину придумай сама, но не выставляй меня дураком. Если сможешь, потерпи пару месяцев, пока я получу квартиру. Жизнь длинная, Диана растет. Может, надумает учиться в городе. Будем жить вместе», – сказал он прощаясь. Наталья не хотела даже себе признаться, что причина ее недовольства – Павел Китаев, который вернулся внезапно в город через столько лет. Он был на год старше ее, дружил с Авериным в юности, и она была в него влюблена.

Саши Аверин и Паша Китаев дружили со школы. Они были одного года рождения, между ними было много общего. Саши рано остался без отца, и с десяти лет, его воспитывала мама, которая преподавала в музыкальной школе. Для него же, чуть повзрослевшего, было большой пыткой посещать занятия в этой школе. Павел рос в семье, где мама была учителем немецкого языка в средней школе, а отец – мастером в строительном управлении. Он был на четыре года старше брата Анатолия. Его нелюбовь к немецкому языку была столь же сильной, как нелюбовь Саши к музыке. Как бы там ни было, но подросткам пришлось мириться с нелюбовью, когда родители поставили им условие. Чтобы играть в школьном ансамбле, один должен был окончить музыкальную школу, а второй, иметь не меньше пятерки за год по немецкому языку. После окончания средней школы,

Александр Аверин поступил в школу милиции, а Павел Китаев, не пройдя в институт по конкурсу, через год отправился в армию. Вернувшись из армии, по совету друга, решил продолжить службу в милиции и попытаться еще раз поступить в вуз. Возвращаясь из кино, парни ввязались в драку за «правое дело», пытаясь при этом поступать по справедливости. Эта справедливость и вышла для них боком. Возможно, закончилось бы все синяками и ссадинами, если бы не смерть одного из участников потасовки. Обе компании были под градусом и обе не из простых смертных. Две белые вороны, трезвые, как стекло, оказались крайними. Но Аверин был ментом, знал, откуда растут ноги, и крайним сделали Китаева. Нашлись даже свидетели «рокового» удара Павла. Александру удалось поговорить с другом во время следствия, но разговор результатов не дал.

– Сань, прошу тебя, не лезь ты в это дело. Там все уже давно решено. Будешь суетиться, окажешься рядом со мной. Твоим прощом тебе слить, чем согласиться. Мы оказались с тобой ни в то время и ни в том месте. Парень умер не от побоев, а от падения. Давай закроем эту тему.

– Пашка, так нельзя и ты это знаешь. Зачем брать чужую вину на себя?

– Мы оба, Саня, знаем, что я его в драке даже не видел, не говоря об ударе. Только, кому это интересно? Мне дали понять, что чем дольше я буду настаивать на своем, тем больше вероятность переквалифицировать статью на бо-

лее тяжкую. Ты видел кроме Наташи свидетелей? Нет? А они нашлись и поют хором одну песню. Как быть с этим?

– Мне, что прикажешь делать? Они не будут затягивать с судом, – возмутился Александр.

– Не суетись. Я мог бы спросить тебя о том же самом, поменяйся мы местами. Статья у меня не тяжкая и не повлияет на твою службу. Ты из ментовки не уходи, не делай им такой подарок, и Наташку не обижай. Обещаешь? – говорил Павел, прощаясь.

– Обещаю, – хмуро ответил Аверин.

Павла Китаева осудили на два года. «Наташка, ты меня не вздумай ждать. Выходи замуж за Сашку, я домой не вернусь», – говорил он ей на свидании, куда она приезжала, как невеста.

«После этих слов, через месяц, я уступила Аверину и вышла за него замуж, – думала Наталья. – Теперь Паша вернулся. Вернулся в город через пятнадцать лет, тринадцать из которых мы не виделись».

Александр встретился с другом накануне своего отъезда летом девяносто седьмого. Он был в курсе возвращения Павла. До него и раньше доходили слухи о том, что Павел бывал очень короткими наездами в городе, но они доходили после его отъезда. Встреча прошла в квартире матери Натальи. Они не обнялись, а лишь пожали друг другу руку, и Александр этот факт для себя отметил.

– Паш, я перед тобой провинился? Почему ты скрывался

от меня, приезжая к отцу в гости? Трудно было объявиться? Или здесь что-то другое? – спросил он, присаживаясь к столу.

– Понимаешь, Сань, я вроде вне закона, а ты при должности. Зачем тебе проблемы? – глядя на Александра, спросил Павел. – Это я сейчас Китаев Павел Иванович, который два года отбывал наказание за преступление, которое не совершал, а остальные годы, вроде, как и не жил, а если и жил, то на другой планете. Я не могу тебе всего рассказать, а врать не хочу. Все началось со службы в армии. Мне бы, дураку, согласиться продолжить службу, а я отказался. Мне кажется, что и суд был неким актом «устрашения». Меня приняли у ворот колонии, где я уже учил знакомый немецкий язык. Высшего образования я не получил, но немецким языком владею, прошел хорошую школу, где учат всему и учат прилично. Чем я конкретно занимался, тебе лучше не знать. Я редко приезжал домой, а не встречался с тобой не потому, что не хотел, а чтобы не создавать ни себе, ни тебе неудобства, – говорил Павел сдержано.

– Криминал? – осторожно спросил Аверин, чтобы не обидеть друга. – Можешь не отвечать, я не настаиваю.

– Хуже, Сань. Ты у нас умный, чего не поймешь сейчас, позже додумаешь. Я жил по чужим документам, в разных широтах и делал то, что иногда не доставляло особого удовольствия. Я не знаю, каким словом определить направление моей специальности, – говорил он, накрывая на стол и доста-

вая их холодильника бутылку с водкой. – Специальный агент – громко сказано, для киллера не дотягиваю, в работе своей гордиться и хвастаться не чем. Теперь мне дали «отпуск» за хорошее поведение, с проживанием на малой родине. Это не значит, что меня отправили на пенсию. Я слишком увяз в этом болоте. Дадут жить спокойно – буду жить. Займусь мирным трудом. Здесь меня знают, как бывшего заключенного и человека с криминальным прошлым, неизвестно, где прозябавшего столько лет. Пусть так и будет. Ты сам как? – поинтересовался Китаев, наполняя рюмки.

– Женился, закончил заочно институт, но дальше майора не продвинулся. После командировки, получил предложение в область, думал, Наташка обрадуется, а получилось иначе. Я ее не держу. Пусть подает на развод, возражать не буду. Я где-то читал, если не можешь сделать женщину счастливой, отойди в сторону, не мешай другим. У меня этого не получилось, – с досадой говорил Александр. – Давай за нее, – предложил он и залпом выпил водку.

– Ты знаешь, а я ведь вас ревновал. Разумом понимал, что она вроде, как мне и не нужна, а в душе оставался осадок. Я мысленно представлял, кого угодно рядом с ней, но не тебя, – говорил Павел, наполняя рюмки. – Я ведь узнал о вас года через четыре, когда у вас дочка уже родилась.

– Дурак ты, Пашка. Ты сам просил меня, ее не обижать. А помог я ей, преследуя свои корыстные цели, – ответил Александр, залпом выпивая водку. – Она приехала с последнего

свидания с тобой мало того, что расстроенной, еще и беременной. Ты знал, как я к ней относился. Она до сих пор думает, что я ни о чем не догадывался. Она любила тебя, я ее, а ты, друг, только сам себя. Женившись, я надеялся, что все изменится, а уж когда увидел дочку, совсем голову потерял. Я считаю Диану своей дочерью, нравится вам это или нет, а ты можешь, если хочешь, развеять сомнения. Наташа хорошая мать, внимательная, но нелюбящая жена, – он говорил, а Павел слышал в его голосе, ни обиду, ни упрек, а безнадёгу. – Я думал, командировка на Кавказ станет для меня шансом сохранить семью, но я ошибся. Ползание по горам не спасло ситуацию, а возвращение стало началом конца. Я думаю, она, узнав о твоём приезде, и решила на развод. Может у вас все сложится. Я не буду мешать ни тебе, ни ей, но с Дианой я буду видеться.

– Мне, Сань, водки не жалко, но ты реже прикладывайся, а иначе у нас разговора с тобой не получится, – говорил Павел, наполняя рюмки.

– Тяжело мне, но я не запью, не переживай. Так мне, Пашка, легче воспринимать сегодняшнюю реальность. Думаешь, легко на трезвую голову и ясную память отказаться от любимой женщины?

– Я не могу жениться на Наталье. Я ее не люблю, и давать лишние надежды не буду. Я не хочу, чтобы они стали моим слабым звеном. Понимаешь? Нас с ней ничего не связывает, – Павел смутился от такой откровенности и новости.

– Вас связывает дочь и ей всего двенадцать. Ты можешь ее не признавать, но и в обиду не давай. Возраст у нее сейчас сложный, переходный, а я не могу приезжать каждую неделю. Наталье не говори о том, что я давно раскрыл ее тайну. Молчит, значит так нужно, созреет – признается. Мои координаты у нее будут. Будет нужна помощь или совет, найдешь повод связаться со мной.

Они проговорили минут сорок, прежде чем расстаться. Не просто через пятнадцать лет встретиться двум друзьям, которых развела и разделила жизнь. Александр уехал в тот же вечер, а Павла, после его ухода, одолевали мысли. « Мне и в голову не приходило связывать свою жизнь с Натальей. Рога наставлять Сашке я не могу, как и жить с ней до их развода. Помогая ей с Дианой, я сам «пушу» такую молву по городу. Она не глупая женщина и должна понимать, что ее отношение ко мне тоже вызовет кривотолки. И что делать в такой ситуации? – думал он. – Наташка симпатичная, самостоятельная женщина. А что, если Сашка ошибается, и она не собирается связывать свою жизнь со мной? Начну с простой случайной встречи, а там время покажет». Мать Натальи Екатерина Васильевна, которой уже исполнилось пятьдесят пять лет, относилась к Аверину если и не с материнской любовью, то с уважением. Зять за тринадцать лет не дал повода для каких-либо упреков или претензий. « Насколько надо быть круглой душой, чтобы не любить такого мужика, – говорила она дочери. – Почему ты не поехала с ним в город?

Пашка приехал, но он может, и думать о тебе забыл, как ты забыла, что он от тебя отказался». Проходило время, и через пару месяцев, мать сама стала советовать дочери: – « Я из ума, Наташа, не выжила и знаю, что Пашка из бандюков. Но ты, дочь, подумай, для нас в этом есть и свои плюсы. Во-первых, мы перестаем выживать, а начнем жить. Ты, дурочка, перестанешь мотаться за товаром и торчать на рынке зимой и летом. Не получится, разбежитесь, живя в гражданском браке. Во-вторых, подумай о Диане, о ее безопасности. Да, вы с ним после разлуки стали другими, но ты же все еще любишь его, я вижу. Какая никакая гарантия защиты у нас появится, дочка. Павел дважды предлагать не будет», – советовала мать. Наташа рискнула и стала встречаться с Павлом в его квартире. Уже через полгода получив развод с Аверинным, она с дочерью переехала в квартиру Китаева, и у Дианы появился не только отчим, но и своя комната. Девочка не была против того, чтобы мать выходила замуж. Она любила отца, любила маму, но понимала, что вместе они уже не будут, а маму нужно беречь и как-то жить мирно. «Дина, я в отцы не набиваюсь, один отец у тебя уже есть, но я не позволю тебе обижать мать сценами ревности. Если у тебя есть претензии ко мне, я выслушаю их, но только один раз. Излагай!» – предложил он за первым ужином в новой квартире. Диане нравился Павел Иванович, и у нее не было к нему ни претензий, ни вопросов. Он не повышал голоса, не пил, хотя от него иногда и исходил легкий запах алкоголя, не ру-

гался матом, не употреблял жаргонных слов и совсем не был похож на местных «бандюков». Он интересовался ее делами в школе, покупал ей те вещи, которые она хотела, но не баловал. Он ее не воспитывал, не поучал, а, как будто, советовал. Настоял на том, чтобы она помимо музыки, занималась в любой секции борьбы. «Диана, ты должна уметь постоять за себя там, где не помогают слова. Правда, должна быть с кулаками, – говорил он. – Я очень хочу надеяться, что навыки тебе не пригодятся, но буду очень гордиться, если ты сумеешь за себя постоять». Диана не стала возражать, и пошла в секцию рукопашного боя. Сначала было просто интересно, позже втянулась и занималась больше двух лет. С отцом она встречалась не так часто, как хотелось бы ей. Он мог за год приехать раз десять, а мог ни разу за два-три месяца, но созванивались они каждую неделю в выходные дни с десяти до одиннадцати по домашнему телефону. Так, что бабушку Диана посещала каждую неделю, уходя к ней на переговоры. Окончив девятый класс и закончив обучение в музыкальной школе в две тысячи первом году, Диана с мамой поехали к морю. На обратном пути, мать оставила дочь на неделю на попечение отца, и Диана с отцом провела чудесно время на базе отдыха. Вернувшись домой, Диана узнала о сюрпризе, который им с матерью приготовил Павел Иванович. Он подарил им небольшое, но уютное кафе.

– Владейте, девчонки! Думайте, модернизируйте, включите фантазию, а Екатерина Васильевна будет вашим финан-

совым директором. Первое время, до открытия, я вам помогу, а потом, как сработаете, столько и получите карманных денег, – говорил он. – Ты, Диана готовишься два года к поступлению и помогаешь матери. Возражения есть? Ты не хмурься, подруга. Не пройдешь на бесплатное обучение, заплатишь за свое обучение сама из того, что заработаешь. Бизнес сегодня есть, завтра его нет. Я не лишаю тебя детства, оно закончилось в твои шестнадцать, и ты уже не ребенок. Смотри на мир ни через розовые очки. Если с чем не согласна, я тебя выслушаю, но только один раз. Возраст у тебя, Диана, сейчас сложный, «поперечный», а ссориться с тобой я не хочу. Излагай!

– Нормальный у меня возраст. Я буду работать, если это будет не забегаловка с пивом, а действительно кафе. Правда, я плохо пока понимаю, чем я могу помочь, но с ролью посудомойки, уборщицы или даже официантки, я думаю, справлюсь. Это даже интересно.

Кафе открыли месяца через три. Наталья Петровна нашла в помощницы себе двух кондитеров и дело пошло. Всего десять столиков в зале, а в ассортименте свежая выпечка, пирожные, кофе, чай, соки и мороженное. Шла торговля и на вынос. Кафе быстро набрало популярность, и посещаемость была высокой. В дни учебы Диана работала с пятнадцати до двадцати одного через день, и возвращалась домой с мамой. Один из выходных работала полную смену, а на каникулах – с утра до пятнадцати. За полтора года она привыкла к тако-

му ритму в своей жизни. А еще, за это время, она пережила первое разочарование в молодых людях. Владислав Мельников был старше Дианы на три года и был студентом уже третьего курса. Они учились когда-то в одной школе и встретились в кафе, куда он пришел со своею младшей сестрой ровесницей Дианы. Диана Аверина влюбилась в него с первого взгляда. Уже вечером он ждал ее у кафе на своем железном коне и подвез к дому. Они встречались недели три, пока дело не дошло до постели перед его отъездом в город.

– Влад, ты будешь мне звонить или писать? Когда мы теперь с тобой увидимся? – спросила она с надеждой.

– Нет никаких «мы» и видаться больше не будем. Ты мне понравилась, и я провел с тобой прекрасно время. Просто переспать я мог и с другой. В том, что произошло моя вина, но я мужик, а не мальчик, а о том, что я у тебя первый не мог даже предположить, иначе бы не был самцом. Зачем мне тебя обнадеживать и врать? Я не буду оправдываться. В городе у меня есть девушка. Извини.

– Это ты меня извини. Видимо я, в меру своего развития, чего-то поняла ни так и приняла желаемое за действительное. Запиши еще одну победу на свой счет, не забывая о моем возрасте. Ты ведь именно об этом сейчас думаешь? Я не стану от обиды на тебя делать глупости или жаловаться, но с условием, что ты сейчас уйдешь и никогда не попадешься мне на глаза. Не бойся и живи спокойно.

Стоя под теплыми струями душа, Диана плакала. Это бы-

ли слезы разочарования и обиды. Обиды на саму себя. «Причем здесь он, если я сама позволила ему ВСЕ. У меня и мысли не возникло сопротивляться. Это был даже не интерес, а какое-то желание продолжения поцелуев. Каждое его прикосновение вызывало во мне нечто необыкновенное. Я не знаю, сколько длилось состояние невероятного наслаждения. Насилия не было, а значит, и упрекать мне его не в чем. Мало того, я должна быть благодарна ему за сексуальный урок, который не принес негатива. Возможно, он прав в том, что не обещал лишнего и сказал все как есть. А как быть мне, чтобы вычеркнуть его из головы и сердца?» – думала она. Выйдя из ванны, она не застала Мельникова в квартире. Наверное, Диана страдала бы дольше, но у нее появилась новая проблема в лице местного мажора. Марк Золотов, окончивший школу в прошлом году, приехал на зимние каникулы две тысячи третьего года и «воспылал» любовью к Диане. Он караулил ее повсюду. Терпеть его присутствие было бы возможным, если бы ни его поведение. Он вел себя так, как будто Диана была его девушкой и довольно давно, причем с близкими отношениями. Домой Диана возвращалась без настроения, обиженная поведением Марка и Китаев это заметил.

– Что у тебя случилось? Ты, как будто не рада каникулам? – спросил Павел Иванович. – Если это дела любовные, поговори с матерью, а если нет – выкладывай мне.

– Марк Золотов достал меня не только своим вниманием,

но и нездоровым интересом. Я иногда его боюсь. Откуда он взялся на мою голову? Заявить нагло мне такую гадость: – «Сказал, что ты будешь моей, значит, будешь. Тебе меня ни за что не остановить». Вы считаете его заявление нормальным?

– Сынок мясного короля? Я разберусь с ним. На глупых людей не стоит обижаться, а сказать и сделать разные вещи.

– Да, принц мясного королевства. Вам нужны неприятности? Он же в городе неприкасаемый, от того и ведет себя так, – сказала Диана. – Не связывайтесь с ним. Лучше я дома посижу.

– Тебе не надо его бояться, а тем более портить себе отдых. Я просто с ним поговорю, не устраивая потасовок, между делом. Все будет нормально, – успокаивал ее Павел Иванович.

Вечером следующего дня, проводя время с друзьями на катке, Диана заметила отчима, который на коньках «выписывал» фигуры, а он, в свою очередь, наблюдал за действиями такого назойливого «ухажера». Между катанием он подъехал к Марку.

– Ты Марк? Поговорить надо, – сказал Павел Иванович и, не дожидаясь собеседника, отъехал чуть в сторону.

– Ну? – спросил Марк, подъезжая следом. – О чем базар?

– Я не лошадь, можно без «ну». Вы, юноша когда-нибудь слышали или может, случайно, видели старый художественный фильм с названием «Ворошиловский стрелок»? Очень

советую посмотреть для общего развития и послушать сейчас меня очень внимательно. Если, с головы Дианы упадет, хоть один волосок, а на лице появится, хотя бы одна слезинка по твоей милости, поступлю, как герой фильма, и пристрелю тебя, как собаку. Ты меня понял?

– Ты, дядя, знаешь, кто мой отец в городе? – надменно и нагло спросил Марк, сплевывая на лед. – Рука не дрогнет?

– Я не только знаю, кто он, но и имел честь отсидеть по его милости два года. Так что он мне еще должен за свою трусость и спокойствие. Интересуют подробности – спроси у него об этом сам. Рука не дрогнет, обещаю. Отстрелю все то, что ниже пояса. Понял? Можешь не прятаться за папину спину, я тебя и там достану. Я тебя предупредил, а выводы сделаешь сам.

– Ты чего за нее заступаешься? Кто ты такой вообще и кто она тебе? Или сам глаз положил? С тебя же песок сыплется.

– Диана моя дочь, а я, Павел Китаев. Отстань от девочки и не делай лишних телодвижений в ее сторону. Я говорю с тобой по-хорошему в первый, но и в последний раз, – сказал он и продолжил катание.

То ли разговор Китаева подействовал на Марка, то ли каникулы у него закончились, но он перестал преследовать Диану. Она успокоилась и забыла эту историю. В январе две тысячи третьего года ей исполнилось восемнадцать, а впереди ее ждали экзамены за курс средней школы. Ей нравились молодые люди, но, ни к кому из них, она не испытывала чув-

ства влюбленности и не считала это своим недостатком. При росте сто шестьдесят пять, она весила пятьдесят пять килограмм. Длинное каре из густых темных волос, правильные черты лица, карие глаза. Если чего и не хватало в ее внешности, так это одного-двух размеров груди. Симпатичная, молодая, здоровая девушка, которая знала, чего хочет и что может, о чем стоит мечтать, а о чем на время лучше всего забыть. Она сдала экзамены и подала документы в университет на юридический факультет. Узнав из приказа о своем зачислении на первый курс бюджетной формы обучения, она начала готовиться к переезду в областной центр. Мать и отец, еще с зимы, настаивали на том, чтобы она жила в квартире с отцом, где было две комнаты, но Диана отказалась наотрез. «Мама, ты замужем, наверняка, у папы тоже есть женщина. Зачем я буду создавать своим присутствием им неудобства? Пусть она будет самая распрекрасная, но мне будет спокойнее в общежитии», – обосновала она свой отказ.

– За хорошую учебу и примерное поведение, будешь, Диана, жить в съемной квартире, – говорил Павел Иванович, пакуя ее вещи в машину. – Будут жаловаться соседи, съедешь в общежитие без всяких разговоров. Уяснила, студентка? – Он купил эту квартиру, недалеко от университета, специально для нее. По документам, она и принадлежала ей, но раскрывать карты Павел Иванович пока не спешил. – Я оплатил за полгода вперед. Тебе не придется ни о чем беспокоиться. Отвезем твои вещи вдвоем, а мать приедет поездом в выход-

ной, купите, чего не будет хватать. Квартира однокомнатная, но с мебелью, после ремонта. Тебе в ней будет удобно и спокойнее.

Павел Иванович помог перенести ей вещи из машины, передал ключи от квартиры и попрощался со словами: – «Я обязательно приеду, но позже, когда ты немного обустроишься, а сейчас мне пора ехать. К вечеру я должен быть дома. Будешь скучать, звони или приезжай. Вечером села, утром дома и наоборот. Увидишь отца, передавай привет». Проводив Китаева, Дина прошла по квартире, где она была первый раз. Квартира была однокомнатной и располагалась на пятом этаже девятиэтажного кирпичного дома. Справа от входной металлической двери, замаскированной под дерево, была красивая деревянная застекленная дверь в комнату. Комната была метров двадцать с большим окном. У стены, соседствующей с прихожей, за дверью стоял плательный шкаф, вдоль правой стены расположился большой диван, за ним кресло, ближе к окну компьютерный стол с креслом и настольной лампой. Вдоль левой стены стоял небольшой набор для гостиной, с дверцами и ящиками, а между ними, на импровизированном столе стоял небольшой телевизор. «Здесь уместилось бы мое пианино, которое продала мама», – подумала Диана, выходя из комнаты. Напротив комнаты, слева от входа, небольшая вешалка на стене, а под ней тумбочка под обувь. Дальше, вдоль стены, был большой встроенный шкаф на всю высоту с зеркальной дверью. На-

против входа расположился совмещенный санузел. Небольшая ванная, унитаз, раковина и стиральная машина «Сибирь». На стене большое зеркало и полочка. На полу и стенах светлая плитка, на потолке пластик. Рядом с санузлом была дверь в небольшую кладовую. Здесь не было ничего кроме деревянных полок. Дальше комнаты располагалась кухня, из которой вела дверь на лоджию. Лоджия выходила во двор дома, была большой и застекленной, с деревянным полом. Кухня была мечтой любой хозяйки. Она занимала метров двенадцать. По левую сторону набор из столов и шкафов, мойки, плиты и холодильника. С правой стороны стоял небольшой обеденный стол с угловым диванчиком и двумя табуретами. Вся квартира была в светло-бежевых тонах от обоев, плитки, линолеума, мебели и дверей. Белыми были пластиковые окна, холодильник, плита и ванная комната. Все светильники были очень гармоничными, хотя без бронзы и хрусталя. Диана присела на табурет и улыбнулась собственным мыслям. «Повезло мне с отчимом. За пять лет, прожитых с ним под одной крышей, у меня не было к нему претензий. Он меня не баловал, покупая подарки, но и не воспитывал, – думала она. – После нашего с мамой переезда в его квартиру, он только раз за ужином и сказал: – «Дина, я в отцы тебе не набиваюсь, и покупать твое отношение к себе, не думай, не собираюсь. У меня только одно условие для нашего совместного проживания: либо ты принимаешь меня без сцен ревности к матери, либо возвращаешься к бабуш-

ке. Обижать мать я тебе не позволю, а общаться с отцом ты можешь в любое время вне стен этого дома. Я понятно объяснил?» Что мне было думать? У меня была своя комната, в холодильнике всегда была еда, мама была рядом, бабушку я видела часто. Моей единственной работой по дому была уборка, с которой я справлялась и учеба. Так что жили мы с Павлом Ивановичем дружно. Это он устроил поездку на море, где я побывала в первый раз, а потом подарил кафе маме. Теперь мне снял квартиру, а это не дешевое удовольствие. Здесь недавно сделали ремонт и мебель с техникой новая. Еще чувствуется запах. Он не похож на бандита, больше похож на бизнесмена средней руки в нашем городке, а иначе меня еще в школе бы доставали. Человек он хороший. Маму не обижает, с бабушкой дружит. Свой автосервис у него. С папой мы виделись не часто. Он приезжал на день-два раз в два-три месяца, но сейчас мы будем жить в одном городе, а значит и встречаться можно будет чаще. Сделаю уборку, разложу все по местам, проверю, чего мне не хватает до полного счастья, наведу порядок, куплю продукты, позвоню ему и приглашу в гости. О моем поступлении он знает, теперь будет знать и о месте моего проживания».

Бытовые проблемы у Дианы начались практически сразу. В квартире не оказалось ни тазика, ни ведра, чтобы начать уборку. Обойдя квартиру еще раз, она заметила много мелочей, без которых не обойтись в дальнейшем. Штора для ванны нужна в первую очередь, как прищепки и веревка для

белья. Тазик, ведро и ни одно, пакеты под мусор, тряпка для пола, швабра, салфетки и туалетная бумага, ершик для унитаза, чистящие средства, мыло, стиральный порошок – все это она записывала на листке. «Зачем я буду ждать приезда мамы, если не смогу напоить ее даже чаем. Нужно купить все до ее приезда. А папу, как я напою чаем, если чайника нет? – рассуждала она, собираясь покинуть квартиру. – Зайду в супермаркет и куплю то, что попадется на глаза, и без чего я не обойдусь до завтра. Завтра пойду целенаправленно за всеми остальными покупками». Она позвонила отцу в начале пятого, после полудня.

– Пап, есть свободная минута? Я в городе. Будешь свободен, приезжай посмотреть, как я устроилась, – сказала дочь, назвала адрес и подумала об отце: «Пять лет прошло, а он и не женился. Нельзя ставить на себе крест в сорок лет».

Отец приехал в начале восьмого вечера, позвонив в домофон и поднимаясь на лифте. Диана ждала его у открытых дверей. Аверин обнял дочь, поцеловав ее в макушку.

– Это нам к чаю, – протянул он ей упаковку с тортом. – Ставь чайник и показывай свои хоромы, – улыбаясь, сказал он, обходя квартиру. Он не мог сказать дочери, что бывал здесь и ни раз, что ремонт контролировал сам, а мебель куплена исключительно на его вкус. «Павел купил квартиру, ремонт решили сделать сообща, а мебель он доверил выбирать мне», – думал он. – Диана, тебе самой нравится, дочка?

– Мне нравится здесь все и не надо иронизировать. Твои

апартаменты не намного больше. Повешу шторы, и она оживет.

– Ты на что их вешать собралась? К шторам нужны гардины, гардины крепятся к стене, либо к потолку. Так что шторы твои отпадают, пока не определишься с крепежом. Зачем они тебе вообще? Этаж высокий, дома напротив метрах в ста, но ты хозяйка тебе виднее. Ты город немного знаешь. Садись на маршрутку и шопингуй хоть целый день.

– Пап, как думаешь: во сколько обошлось такое удобство и комфорт? – спросила она, глядя отцу в глаза.

– Тебе это так важно? Весь спрос с Павла. Он это затеял, ему и ответ держать. Приедет, у него и спросишь, – ответил отец, помыв с мылом руки под краном. – Давай мы с тобой будем пить чай и отмечать твое новоселье. Мать, когда приедет?

– В субботу. Но я думаю все сделать до ее приезда. Мама у нас, попадая в магазин, забывает, зачем конкретным мы туда приходим, Бывает, что возвращаемся с теми покупками, которые мы даже не планировали делать, – с улыбкой рассказывала Диана. – В первую очередь мне нужны такие мелочи, которые не нужны ни в чьей подсказке.

Они проговорили больше часа, прежде чем отец собрался уходить. Пройдя в комнату, он открыл ящик набора и положил в него конверт.

– Это что за фокусы? – спросила Дина, зная ответ на свой вопрос.

– Согласно приметам, проверишь утром. Там не так много, но на шторы, думаю, хватит, а на гардины добавишь, – шутя, ответил отец. – Будет нужна помощь, обязательно звони. Быстрый приезд не обещаю, но буду знать, что ждешь.

– Пап, я сняла деньги со счета. Ты зря беспокоишься. Я обязательно попрошу, в случае необходимости, у тебя помощи. Мы с тобой говорили об этом.

– Не заводись. Если мама уедет в субботу вечером, позвони мне, и мы попробуем провести воскресенье вместе. Пока, дочка.

До приезда мамы Диана купила не только мелочи, и продукты, но и заказала шторы. Уже на завтра мастера укрепили гардины для штор, а через день, к вечеру, шторы висели на своих местах. В комнате они были плотными, однотонными светло-коричневого цвета с ламбрекеном из шелка, а тюль белого цвета с вышитым рисунком в тон. На кухне висел только тюль в форме арки с рисунком. На лоджии была натянута бельевая веревка, а в ванне штора для ванн.

– Как у тебя уютно, – сказала мать дочери, обходя квартиру. Паша мне не говорил о шторах. Я, можно сказать, приехала, чтобы тебе помочь в этом деле. У меня будет к тебе только одна просьба: не устраивай здесь дом свиданий или ночной клуб. Пусть тебя любят и дружат с тобой, а ни с твоими квадратными метрами.

– Не переживай, я умею выбирать себе друзей. Ты с какой миссией приехала? Можешь дать совет, помочь, но решения

я приму сама. У меня папа был в гостях в среду.

– Ты знаешь, мне кажется, в комнате нужен ковер на пол. Пусть он будет не натуральный, и пылесос. Что у тебя с одеждой? – говорила мать, пропуская мимо ушей слова дочери. – К осени надо купить пальто или куртку, сапоги или ботинки. Подумай.

– Я посмотрю, в чем ребята ходят на занятия, и определюсь. Верхняя одежда у меня есть, а вот обувь надо купить на осень. С ковром я согласна. Давай позавтракаем и часов в девять поедем на рынок. Сможешь приехать через пару месяцев, посетишь сама мой университет, все увидишь и поймешь, что мне нужно. Не будем раньше времени ссориться по поводу моего гардероба. Хорошо?

– Я не буду с тобой спорить. Имей в виду, что в октябре уже будет не прохладно, а холодно по-осеннему. Покупать посуду будем?

– Мам, я купила две кастрюли, тарелки, сковороду, чашки и прочую мелочь. Пройдись по ящикам и шкафам, сама все увидишь.

Они купили красивый овальный ковер на всю длину комнаты и небольшой пылесос, которые должны доставить ближе к вечеру. Мама не навязчиво предложила дочери несколько вещей, которые Диана даже примерила, а мама купила их без ее согласия. А вот обувью Диана осталась довольна. Теперь у нее не было проблемы на осень. Они пообедали в ресторане, а ужин приготовили дома. Ковер расстелили, пыле-

сос и вещи убрали. Мать вручила дочери конверт с деньгами со словами: – «Это тебе за шторы и, давай, без разговоров». Вечером Диана проводила мать на вокзал и позвонила отцу. Полноценного выходного у них не получилось, но с десяти до пятнадцати они провели его вместе.

– Пап, возьми меня в помощницы по хозяйству. Я могу до занятий готовить тебе обед, раз в неделю наводить порядок в квартире, – говорила Диана, сидя напротив отца в кафе и глядя на него.

– Ты думаешь, я совсем безрукий и ничего не умею? Гододаю и живу в хлеву? – с улыбкой спросил отец.

– Ничего я не думаю. Мне просто хочется тебе помочь. Пап, почему ты не женишься?

– Я уже был женат, если ты не забыла. Перевоспитывать меня уже поздно, а такого, как есть, выдержит не каждая. Я считай, живу на службе. Любой женщине нужно внимание. Достаток не заменит нежности, а нежность не всегда оправдывает нищету. Мы с мамой не прошли это испытание. Я сказал ей, что не могу без нее, а она ответила, что не может со мной. Влюбишься, сама все поймешь. Только не позволяй себя обижать и сама не обижай. Обида иногда затуманивает разум, и человек делает необдуманные поступки. Ты мне скажи: почему ты выбрала юрфак?

– Пап, если честно, то я не знаю. Мне показалось, что он самый «живой» и интересный. Я не вижу себя ни учителем, ни врачом, ни экономистом по разным причинам. Юрист ну-

жен и в милиции, и в гражданских службах. Другое дело, нужны ли будут эти профессии через пять лет. Вот готовят инженеров разного направления. А кому они нужны среди развалившихся заводов и замороженного строительства? Я глупая, да?

– Тебе всего восемнадцать. Передумаешь, можешь сменить профессию. Целуй вечно занятого отца. Я тебе буду звонить. Надумаешь навестить мою квартиру в мое отсутствие, ключ в соседней квартире номер сорок четыре у Людмилы Ивановны.

Отец и предположить не мог, что дочь нанесет ему визит уже на следующий день. «Изнывать одной в квартире от безделья не хочу, а болтаться по городу без цели не интересно, – решила Диана. – Деньги у меня есть. Устрою полковнику инспекцию». Она начала с рынка, и сделав покупки, приехала к дому отца, у которого здесь была двухкомнатная квартира, на маршрутке. Позвонив соседке в домофон, она поднялась на этаж, где та, любопытства ради, уже ее ожидала. Диана коротко рассказала о поступлении, о съемной квартире и о визите к отцу инкогнито.

– Ты почему не стала жить с отцом? Не пришлось бы тебе приезжать специально?

– Тетя Люда, я взрослая, а ему жениться надо. Ревности не будет, а вот неудобства я ему создам, – говорила Диана, открывая входную дверь. – А если сама замуж соберусь? Как папа отнесется к моему выбору? Будем жить отдельно, будем

роднее.

– Так не водит он сюда никого, но ты, девочка, в чем-то права.

Диана начала с холодильника в кухне. «Ох, как не прав был полковник, когда говорил, что не голодает», – подумала она, протирая практически пустой холодильник. Здесь лежал кусочек мумифицированного сыра, стоял открытый пакет с кефиром, срок годности которого трудно было определить. Пара пожелтевших огурцов и пять яиц. Все это добро Диана сложила в пакет на выброс. Разобрала пакет со свежими продуктами, определив их на полки холодильника. Поставила варить бульон и только после этого прошлась по квартире. В комнатах был порядок, если не считать тонкого слоя пыли. Квартира отца была похожа на ее съемную, только напротив кухни была еще одна комната. Она прошла в ванную, где в корзине для белья обнаружила постельное белье и вещи отца. Диана помнила, что отец всегда, после душа, сам стирал свои носки и трусы. Среди белья их не было. Она проверила шкаф, обращая внимание на манжеты и воротники рубаш. В шкафу висели кителя и пиджаки отца после химчистки. Он не убрал с них ни чехлы, ни бирки. Все вещи лежали аккуратными стопками. « Кто же тебе стирает и утюжит?» – подумала она, снимая с кровати белье. Набрала горячей воды в машину и начала стирку с рубашек и маек. Между приготовлением обеда и ужина, стирались полотенца и постель, сушилось белье после центрифуги на лоджии и в

ванне, а под занавес, стирались темные футболки и джинсы, пока протиралась пыль и мылись полы. Поутюжив и разложив белье и вещи по местам, она написала отцу короткую записку, убрала в холодильник приготовленную еду и покинула квартиру в 18:30, прихватив с собой пакет с мусором и передав ключи соседке. «Мне не трудно это делать раз-два в неделю, а папа будет чувствовать заботу», – думала она, садясь в маршрутку. Отец перезвонил ей в двадцать два часа.

– Спасибо, дочка. Я так вкусно давно не ужинал. А чем пахнет белье? – спрашивал довольный отец.

– Я одолжила несколько капель твоей туалетной воды. Тебе не понравилось? У тебя плохой стиральный порошок. В следующий раз я принесу хороший. Заеду в среду или в четверг, и не надо со мной спорить. Если мне эта затея надоест или станет в тягость, я тебе сообщу об этом. Спокойной ночи.

Глава 2

Время до начала занятий пролетело быстро. Группа оказалась дружной и на редкость «одного поля». Складывалось впечатление, что всех иногородних студентов отделили от городских именно таким образом. Иногороднего студента, будь он отпрыском родителя трижды состоятельнее городского, всегда недолюбливали. Диана училась, встречалась с друзьями, но два раза в неделю навещала квартиру отца. Был он дома или отсутствовал, для нее разницы не было. Спорить с дочерью отец посчитал излишним, и выдал ей дубликат ключей. Виделись они не часто, а созванивались каждый день. Новый 2004 год, Диана встретила в своем городе. Она очень скучала и приехала за четыре месяца в первый раз всего на три дня. У нее начиналась сессия. Она встретила свою первую, но несостоявшуюся любовь у кафе.

– Здравствуй, Диана, – сказал, явно удивленный, Владислав. – Ты превосходно выглядишь. Как твои дела?

– Все хорошо. Учусь и живу в городе. Приехала на три дня, очень скучаю. Ты, извини, у меня дел много.

– Давай я тебе помогу, – он протянул руку, чтобы взять пакет.

– Это лишнее. Я отлично справлюсь сама. Если ты помнишь, я просила тебя не попадаться мне на глаза. Тебе нужны проблемы?

Она, не дожидаясь ответа, пошла прочь. Мельников смотрел ей в след и думал: «Девочка выросла и знает себе цену». Уже на следующий день он знал, где учиться Диана, чем занимается и с кем из местных дружит в городе. Диану эта встреча и обрадовала, и огорчила. Ее одолевали сомнения. правильно ли она поступила, не поговорив с ним? «Что стоило просто послушать его, узнать: чем занимается и как живет? Окончил ли обучения? Женат ли? За семестр я так и не нашла «предмета» обожания, – думала она. – Один Смирнов обратил на меня внимание, а точнее на мои квадратные метры», – она улыбнулась, вспоминая свой разговор с Александром Смирновым. За неделю до отъезда домой, они компанией выбрались в выходной на каток. Сашка, живущий в общежитии, взялся ее проводить домой и даже напросился на чай.

– Леди Ди, а ты неплохо устроилась, – оглядывая квартиру, говорил он. – Не скучно одной? – спросил он, глядя в ее глаза. – Если у тебя нет друга, может, я на что сгожусь? Обещаю, скучать не будешь, а за аренду можно платить пополам.

– Сань, тебе нужна я или мои, несколько уютные, квадратные метры? Как-то ты внезапно воспылал к моей персоне и чувствую, что неспроста. Почему? – включая чайник, спросила Диана.

– Почему? Мы с тобой взрослые люди. Ты мне нравишься не меньше, чем твои квадратные метры. Предложение ра-

зумное, если ты, конечно, его примешь. Будем вместе жить, вместе учиться. В чем проблема?

– Спать мы тоже будем вместе? – улыбаясь, спросила Диана.

– Я тебе не симпатичен, не подхожу? – напрямик спросил он, глядя ей прямо в глаза. – Что со мной не так? Давай начистоту.

– Дело во мне, Сань. Для того чтобы, мне, как ты говоришь, совмещать приятное с полезным, я должна испытывать к сожителю хоть какие-то чувства, кроме дружеских, а не быть просто объектом сексуальных потребностей. Я не многое теряю? Ты хороший друг, но партнера я в тебе не вижу, извини.

– На нет и суда нет. Я был на девяносто процентов уверен, что ты откажешься, но десять процентов оставались. Не обижайся. Я предложил, ты отказалась. Это не отразится на нашей дружбе?

– У нас с тобой впереди больше четырех лет учебы. Мы будем с тобой дружить с одним условием: мы не возвращаемся больше к этой теме. Согласен? Тебе эта мысль, когда пришла в голову? Сам придумал или кто подсказал?

– Согласен. Тебе напомнить о том, что у нас в группе живут парами и ничего. Я подумал: почему бы и мне не рискнуть?

– То-то и оно, что ничего: ни хорошего, ни плохого. Квартиры снимают ребята, а девчонки перебираются к ним ни

все от большой любви, и ты это знаешь. Ты уверен, что такой тандем у половины из них надолго? Я лично сомневаюсь. Мне девчонок искренне жаль. Ни у всех ребят слова и поступки совпадают. Очень удобно всегда иметь под рукой и подружку, и кухарку, и прачку. Но наступает такой момент, когда нужно не только брать, но и отдавать, и здесь начинается перетягивание каната. Мы знакомы с группой меньше полугода, мало общаемся вне стен университета, мы не знаем друг друга. Они быстро влюбляются, теряют голову, привыкают к хорошему, а гарантий на продолжение, даже короткого, нет. Дай, Бог, чтобы такое проживание заканчивалось без взаимных упреков и вражды. Возрази мне, если я не права.

– Ты спрашивала, почему я тебя называю леди Ди. Отвечаю: во-первых, из-за имени, во-вторых, из-за рассудительности. Так рассуждали в прошлом веке. Ты слышала выражение: «Жить здесь и сейчас»? Вчера уже прошло, завтра еще не наступило. Когда ты собираешься жить? Да, можно ошибиться, обжечься, ты живой человек, но не выстраивать вокруг себя забор из колючей проволоки. Я говорю тебе ни о себе лично, а вообще.

– Я действительно, со стороны, выгляжу несовременной? – задала вопрос Диана, разливая чай.

– Мыслишь ты несовременно. Ты симпатичная, модная, и, поверь, многим нравишься. Но ты, мало того, что практичная и умная, еще и очень самостоятельная девушка, а

это, как раз, и не приветствуется моими современниками.

– По твоим выводам, я должна стать проще, доступнее и народ ко мне потянется. А что я буду с ним делать? Я согласна жить, ошибаться, но с человеком, который мне дорог, к которому я буду испытывать интерес, влюбленность, страсть. А ты мне предлагаешь жить без чувств, на природных инстинктах.

– Дин, ты даже не заметила, что я тебя, последней частью нашего разговора, провоцирую. Остынь! Успокойся, дуреха! Я не думал, что тебя это зацепит за живое. Извини. Меня иногда заносит не по делу, – говорил Александр, явно довольный собой.

– Чего тебя вообще занесло в мою обитель? Чай допивай и дуй к себе в общежитие, провокатор несчастный.

Александр Смирнов был обычным успевающим студентом. Он не выделялся ни внешностью, ни высоким ростом, но, как-то так получалось, что был среди однокурсников «своим» парнем. С ним если и не дружили, то относились уважительно. Его ценили за ум, за фантазию, за коммуникабельность, за то, что он мог разрешить любой конфликт или недоразумение. Одевался просто, но, что немаловажно, со вкусом. Он, простую карамель, мог преподнести девушке так, как будто это был букет роз. «Держи, это тебе!» – говорил он, и девушка не могла не обратить на это внимание. О нем вздыхали, но он не выделял, ни одну из них, не давал надежд и не обижал девчонок. Он не посещал спортзал, клу-

бы, а все свободное время работал в автомастерской.

Проведя три выходных и встретив Новый 2004 год с мамой, отчимом и бабушкой, Диана вернулась в город, готовиться к первой сессии. Свой девятнадцатый день рождения она встречала в ресторане с отцом. Он специально затеял это мероприятие, чтобы на пару часов отвлечь дочь и поужинать. Ресторан был небольшой, уютный с живой музыкой, которую «выдавал» пианист. Он играл классические произведения и современные композиции. Музыка звучала негромко, и было ощущение домашней атмосферы. Люди отдыхали. Посетителям было от тридцати до шестидесяти лет.

– Пап, неужели такие места еще бывают? – оглядывая все вокруг, спросила Диана. – Здесь домашняя атмосфера. Как будто мы с тобой в гостях у знакомых.

– Тебе здесь нравится? – спросил отец, принимая меню у официанта. – Я здесь иногда ужинал, до твоего переезда.

– Мне очень нравится. Уютно, а главное тихо и спокойно. Люди действительно пришли поужинать, пообщаться, отдохнуть, а не отплясывать под громкую музыку.

– Ты бы так смогла сыграть, как маэстро? Ноты не забыла? – глядя на нее пристально, спросил отец.

– Так, как он, я не смогу. Он профессионал, а я любитель. Мы с бабушкой на Новый год устроили хоровое пение. Смеху было.

– Дина, спой для меня что-нибудь, пожалуйста. Здесь это практикуют, – попросил отец.

Дина не стала перечить отцу, вышла из-за столика, подошла к пианисту, сказала ему что-то тихо, и он уступил ей место. Удобно устроившись за инструментом, взглянула на отца и улыбнулась.

– Простите мою самодеятельность, я хочу спеть для своего папы песню Анастасии Чешегоровой. Она так и называется «Папа». – Она пробежала пальцами по клавишам, давая себе возможность почувствовать инструмент, и негромко запела:

– «На тебя смотрю с улыбкой – как похожи мы с тобой.

Для меня ты самый близкий, самый добрый и родной.

Ты глазам своим не веришь – стала взрослой дочь твоя.

Я хочу сказать спасибо. Папа я люблю тебя.

Стала взрослой я уже, но ребенок я в душе.

Для тебя – я дитя.

Дочкой папиной была и останусь навсегда. Навсегда».

Диана пела и смотрела ни на клавиши, а на отца, который подперев голову рукой, смотрел на нее с восхищением и отцовской любовью. «А в минуты, когда слёзы заполняли всё вокруг, ты учил

меня быть сильной. Папа, ты мой лучший друг!» – продолжала она, не замечая никого в небольшом зале. Были аплодисменты, еще одна негромкая песня, были танцы, и был вопрос Дины:

– Пап, у тебя неприятности? Я вижу. Что случилось?

– Думаю, зря ты пошла на юрфак. Может случиться так, что я не смогу тебе помочь с трудоустройством, – ответил грустно отец.

– Это не все, мой дорогой, рассказывай. До окончания учебы больше четырех лет. За это время или ишак сдохнет, или падишах, как ты говоришь. Здесь что-то другое. Ты знаешь, я иногда смотрю фильмы по НТВ и знаю, что, как минимум пятьдесят процентов в них, суровая правда: взятки, поборы, развал дел, оборотни. Тебя что в этом напрягает? – спрашивала дочь, надеясь на правдивый ответ.

– Я устал бороться с ветряными мельницами. Я сам далеко не святой, но то, что происходит в данное время, ломает все понятия о чести. Дальше будет только хуже. Берут все: от постового до начальника, от прокурора до судьи, при этом вылавливают мелкую рыбешку, а осетры продолжают держаться на плаву. Если ты не подходишь по нужному калибру, тебя выщелкивают из обоймы, как холостой патрон. Когда было, чтобы милиция крышевала притоны, поставщиков пальной водки, наркотиков, контрабанды? Десять лет назад были бандиты, воры, их группировки и милиция. Сейчас приличные бизнесмены разного уровня, вышедшие из криминала,

диктуют условия этой милиции, платят приличные деньги и сами съедают неуютную рыбешку. Я боюсь за твое будущее, дочка. Дослужу до осени, если дадут и уйду на пенсию.

– Могут не дать? – спросила Диана, внимательно глядя на отца. – Зачем тогда ждать осени?

– Они все могут: и уволить без выходного пособия, и под статью подвести. Ты сама говоришь, что смотришь кино и новости. В новостях пять процентов реальной информации, остальное можно домыслить, просматривая очередной фильм. В кино есть одна неправда: после драки, от некоторых ударов, ты уже не встанешь, а пулевые ранения, чаще приводят, если не к смерти, то, как правило, к инвалидности и списанию на пенсию, – говорил расстроено отец.

– Пап, а ведь ты разговор этот не просто так затеял. Тебе реально что-то грозит?

– Успокойся! Я пока нужен родному ведомству. В ближайший год, два меня не тронут, а вот, если я сам себе пулю пущу в лоб, ты будешь знать, что я не собирался заканчивать жизнь так рано и таким образом. Мы с тобой видимся не так часто, разговоры о службе не ведем и я не хочу, чтобы начали действовать через тебя. У меня кроме тебя нет никого. Будь осторожна в новых друзьях, знакомствах, по ночам старайся быть дома. Дина, это могут быть ненужные меры предосторожности, но мне будет спокойнее. Ты мне обещаешь?

– Я буду осторожна и осмотрительна. Я даже запишусь в тренажерный зал в соседнем доме. Когда-то я занималась

борьбой и надо только форму набрать. По вечерам я не гуляю. Нет повода для волнения, – пыталась успокоить Диана отца.

– Давай сменим тему, и ты расскажешь, как у тебя дела на личном фронте, – улыбнулся отец.

– Ты не поверишь, но пока без перемен. Встретила недавно свою первую неземную любовь, но расстроилась или потерялась, что даже не поинтересовалась: где он и как? Среди сокурсников есть друзья, но не близкие, есть подруга. Мне всего девятнадцать. Какие мои годы?

Отец отвез ее после ресторана домой и, уступив уговорам дочери, остался ночевать.

– Ляжешь на диване, а я разберу себе кресло. Чайник только поставлю.

Чайник вскипел, а отец уснул, положив голову на диванную подушку. Диана осторожно подняла его ноги на диван и прикрыла спящего пледом. Приготовила себе кресло для ночлега, погасила свет в комнате, оставив свет ночника в прихожей. Переодевшись, она пила чай в гордом одиночестве, переваривая разговор с отцом. Диана знала, что работа для отца на первом месте, и если он завел разговор именно о ней, значит, система дает сбой. Она легла спать с надеждой, что проведет выходной день в его компании. Разбудил ее звонок телефона отца.

– Вот тебе и Рождественский выходной, – проговорил он недовольно. – Пока глаза продеру, доберусь, переоденусь,

доеду – полдня пройдет.

– Пап, брюки снимай, пока ты будешь в ванне, я приведу их в порядок. Здесь щетка, бритва, чистое полотенце и трусы с носками. Майку я не купила, а вот новая рубашка у нас есть.

Отец поцеловал ее в макушку, бросив брюки на диван, и пошел в ванную. Он отсутствовал минут семь-десять. За это время на плечиках уже висели отутюженные брюки, темно-синяя рубашка с длинным рукавом и черные носки. Кофе был сварен, бутерброды сделаны.

– Хорошо иметь умную и дальновидную дочь, – говорил отец, присаживаясь к столу и начиная свой завтрак. – Спасибо.

– Спасибо – это много, лучше деньгами, – шутила Диана. – Особо не обольщайся. Рубашку я купила к празднику, а носки дали на сдачу. С майкой вышла промашка, буду исправляться.

– Я согласен. Пусть это будет подарком к Рождеству. Держи, вместо спасибо, как просила, – сказал он, достал из внутреннего кармана пиджака конверт и протянул его дочери. – Вчера до этого дело не дошло, а сегодня получилось очень кстати.

Проводив отца, Диана взглянула на часы, висевшие на стене. Они показывали семь часов утра. Бросив конверт в ящик, она легла на диван, пытаясь уснуть. Ее «хватило» минут на двадцать. Поняв, что сон отменяется, поднялась с дивана,

собрала постель и кресло, и с рубашкой отца направилась в ванную. Здесь витал в воздухе запах туалетного мыла, и источали его носки и трусы отца, которые после стирки висели на сушилке. « Привычка – вторая натура, – подумала она, набирая воду в тазик с порошком и замачивая в нем рубашку. – Надо посмотреть ему еще рубашку форменную, белье и носки. Они есть не просят, а могут пригодиться. – С чашкой кофе и бутербродом, она прошла еще раз по квартире, заглянула в холодильник. – До двенадцати занимаюсь, потом перерыв. Сегодня у меня день закрытых дверей». Постирала рубашку отца вручную, она повесила ее на плечики в ванне, взяла конспект и уселась с ногами на диван. Прошли не больше трех часов, и ожил домофон. Она не ожидала увидеть на пороге квартиры мать и ее мужа Павла. Меньше недели прошло с тех пор, как она их навещала.

– Что-то случилось? – спросила с тревогой она. – У вас дела в городе?

– Не волнуйся. Ничего не случилось, а дела у нас в городе действительно есть. Ставь материны гостинцы на стол, вари кофе и будем отмечать твой день рождения, а за подарком поедem позже, – говорил Павел Иванович, снимая верхнюю одежду и помогая жене сделать то же самое. Они втроем прошли в кухню и присели к столу. Диана включила чайник. – Это документы на твою квартиру. Теперь ты здесь хозяйка. Держи, – он протянул Диане небольшую папку. – Квартиру я купил еще весной, отец твой контролировал ремонт, заво-

зил мебель. Одним словом, это общий наш подарок к твоему поступлению. Скрывать дальше нет смысла. Скоро начнут приходить квитанции об оплате за услуги на твое имя, так что ты будь готова к этому и не удивляйся.

– Ну, вы, родители, даете. У меня даже слов нет. Почему не сказали дома, а ехали специально?

– У нас другие планы, дочка. Ты помнишь, я говорила тебе о куче полированных дров, когда продавала твое фортепиано? Вот мы сегодня и купим тебе хороший синтезатор. Сама выберешь, – говорила мать, проходя в ванну. – Диана, это что? – спрашивала она, показывая на рубашку.

– А ты не догадываешься? Мам, из мужчин в моей квартире бывает только папа и то редко. Ты на сушилку взгляни. Мы с ним вчера были в ресторане, где я даже пела, и я его оставила на ночлег. Утром его подняли ни свет, ни заря. У меня есть его тревожный комплект вещей и белья. Это плохо?

– Это хорошо, что вы живете дружно. Давайте к столу. У нас есть дела, а вернуться назад мы должны сегодня, – распорядился Китаев.

– Мам, я против дорогостоящей покупки. Я обойдусь без музыкальной игрушки. Учусь я не в музыкальном училище, не пою на сцене. Зачем она мне?

– Мы так с Пашей решили. Будет тебе подарок ко дню рождения. Места он много не займет, а радость доставит. Давай, не будем спорить. Выпечка вся вечерняя, девочки ста-

рались, зная, что для тебя. Привезем инструмент, и нам споешь.

Когда инструмент доставили домой, у Дианы уже не было сомнений в целесообразности подарка. Расцеловав мать и Павла Ивановича, она села играть. Теперь зимними вечерами ей было чем себя занять. Сдав на «отлично» зимнюю сессию, она возобновила свои визиты к отцу и начала посещать спортивный зал, купив абонемент, где занятия проходили с трех до пяти два раза в неделю. После летней сессии она уезжала до начала занятий домой и помогала матери в кафе.

Прошло два года. Диана окончила второй курс, а все остальное в ее жизни оставалось без перемен. С Александром Смирновым они дружили, но до близких отношений дело не дошло. Оба помнили разговор перед Новым 2004 годом. Сегодня, они компанией шли в ночной клуб. Летняя сессия была сдана, практика пройдена, можно было отдохнуть. Настя агитировала подругу давно, но Диана не разделяла ее стремление «оторваться».

– Я могу свой двадцатый день рождения отметить так, как мне хочется? Сделай и ты мне такой подарок, – говорила Настя. – Я разговаривала с ребятами. Мне не нужны подарки, мне нужна компания, но каждый платит за свои коктейли.

– Настя, я не выдержу всю ночь танцев и грохота музыки. Как ты этого не можешь понять? Не люблю я этого, – убеждала она подругу.

– Надоест, я сама тебя посажу на такси и отправлю домой.

Сборы были недолгими. На дворе стояло лето, а на календаре было восьмое июля две тысячи пятого года. Легкая блузка и юбка – шорты, в карман которых Диана положила телефон, ключи от квартиры и деньги. На ногах были легкие босоножки на каблуке. Они приехали в клуб рано, в 20:10. Времени прошло часа полтора, когда к их столику подошел Марк Золотов. Вот уж кого бы ни хотела здесь встретить Диана, так это его. Настроение, которое и так было на нуле, двинулось к жирному минусу. «Нашел, – подумала она. – Все это ни к добру», – сделала вывод, вспоминая последнюю встречу с ним.

Полгода назад они встретились у кафе матери. Марк сидел за рулем своей машины, а увидав Диану, вышел.

– Привет! – сказал он, пытаясь ее поцеловать в щеку. – Давно не виделась. Как дела, учеба?

– Все нормально. Извини, мне нужно идти.

– У меня тоже все в ажуре: квартира, машина, диплом получу через полтора года. Ты мне скажи: как мы могли не видеться, если учимся в одном университете?

– У меня только один ответ на твой вопрос: либо наше обучение проходит в разных корпусах, либо ты редко посещаешь занятия. Прощай.

– До свидания, Аверина. Я обязательно найду тебя в городе.

– Что студенты отмечают? Я раньше вас здесь не видел. Как настроение? Как вам «Глобус»? – спрашивал он, кон-

кретно ни к кому не обращаясь, и обводя каждого презрительным взглядом. – Вы немые? Что у тебя Аверина за компания? Чего они в рот воды набрали?

– Марк, у нас своя компания и нам посторонние ни к чему. Ты пришел отдохнуть или скандалить? – спросила Диана.

– Ладно, ухожу, отдохайте, – ответил он, подходя к другой компании.

– Настя, проводи меня, я поеду домой, – попросила Диана, поднимаясь из-за столика. Следом за ней встала Настя и Санька. – Саш, оставайся, мы справимся.

За девушками двинулись следом два приятеля Марка и он сам. Саша направился следом, но «шкаф» его остановил.

– Парень, собирай свою компанию, и уходите, если не хотите неприятностей. Этот мажор оставляет в клубе денег в двадцать раз больше чем вы все. Девчонок он в покое не оставит, – говорил он, придерживая рукой Сашу.

– А ничего, что одна из них дочь полковника милиции? – задал вопрос Саша.

– Извини, я этого не слышал, – сказал «шкаф», нанес Саше удар и теперь придерживал его за плечи.

Настя у входа набирала номер такси, но заказать не успела. Телефон друга Марка, смеясь, забрали. Они вели себя так, как будто играли в увлекательную игру, перебрасывая телефон друг другу. Потом, обняв Настю, о чем-то говорили. Марк же взял Диану за руку выше локтя.

– Ты долго будешь от меня бегать? – зло спросил он, ведя

девушку на улицу.

– Пусти, мне больно. Я не бегаю, я просто хочу уехать, мне здесь не нравится. В клубе достаточно девушек, чтобы не скучать, – говорила она, чувствую от него запах алкоголя.

– Зачем мне другие, если я сегодня встретил тебя?

– Чего ты добиваешься?

– А ты не догадываешься? Твой отчим далеко, а я здесь. Ты помнишь, о чем я тебе говорил? Садись в машину и все будет хорошо. Отдохнем, расслабимся, а домой я тебя доставлю чуть позже, если захочешь, – говорил он, обхватывая ее одной рукой за талию и прижимая к себе. – Чувствуешь? А ты говоришь другие.

– Нашел утеху на ночь? А как же твои друзья? – спросила Диана, понимая, что по-хорошему, с Марком не договориться, как впрочем, и по-плохому. Марк был на голову выше Дианы, и весом килограмм под семьдесят.

– Им достаточно твоей подружки, – улыбнулся он. – Ты за нее не волнуйся. Она, в отличие от тебя, все понимает с полуслова. Тебя привела в клуб всего за двести баксов.

– Ты заплатил деньги и знал о том, что я приду? Дай мне две минуты, я скажу ей пару слов и поедем. Садись в машину, – говорила Диана, идя ближе к входу и мысленно сообщая, что делать. Кроме их пятерки на улице никого не было. Она видела камеры, но не была уверена, что это, ни муляж. – Настя, подойди на минутку, – попросила она. Парни отпустили Настю, расслабились и теперь стояли в метре от

девушек. – Беги, дура, назад в клуб, предупреди наших ребят и звони в милицию, Иуда, – говорила она тихо. – Беги! – крикнула она громко и ударила одного из приятелей в пах, вцепившись другому в длинные волосы. Она видела, как Настя вбежала в двери клуба, еще успела нанести слабый удар длинноволосому приятелю, который теперь хватал ртом воздух, но рядом оказался Марк.

– Ты дура, Аверина, – говорил он, нанося ей удар, от которого Диана увернулась, и он прошел вскользь. – Все могло закончиться красиво, а ты все испортила. – Он замахнулся, но Диана увернулась и устояла. Ее подвели высокие каблукы на босоножках. В очередной раз, не удержав равновесия, она пошатнулась, а удар Марка добавил ей скорости для падения назад. Она упала на спину и потеряла сознание. Марк пинал ее ногами и приговаривал одно и то же: «Сука, сука, сука». Охранник оттаскивал Марка от Дианы, а тот продолжал наносить удары, не понимая, что они уже не достигают цели. «Ты убил ее, придурок. Вали отсюда, пока менты не приехали. Ты, парень, на этот раз попал», – говорил он, ослабив хватку и давая возможность Марку уйти. Длинноволосый приятель дрался с Санькой, и охранник поспешил на помощь, видя, как Сашка оседает на землю. Милиция и скорая помощь приехали одновременно. Настя позвонила отцу Дианы, и тот приехал, когда дочь укладывали в карету скорой помощи, а Саньку осматривал врач.

– Кто этот поддонок, что бил мою дочь? – спросил Аверин

Сашу.

– Диана его называла Марком, а эти двое Золотой, – ответил Саша. – «Шкаф» его намерено отпустил. Видно кормился с руки.

– Грузите его с приятелями в отдел и запись с камер заберите. Я заеду после больницы, начинайте без меня, – раздавал приказы Аверин. –

Пока Саше накладывали швы на неглубокую рану, а Диану осматривали врачи, Аверин и Настя сидели в коридоре, тихо разговаривали. Он задавал ей вопросы, она отвечала и все время всхлипывала. Смирнова заштопали раньше, чем к ним вышел доктор с диагнозом Дианы.

– Головой она приложилась основательно, когда падала или ей помогли. Били старательно, но, судя по следам ударов недолго. Боли от побоев она не чувствовала, потеряв сразу сознание. Состояние тяжелое, можно сказать, критическое. Сотрясение мозга сильное. Я боюсь делать какие-то прогнозы. Переломов нет, как и внутреннего кровотечения, а вот ушибы на теле, говорят о силе ударов. В сознание она не приходит. Вот все, что я могу сказать. Заключение я напишу, а вещи ее можно забрать. В любом случае, здесь ей находиться ни один день, так что принесите что-то вроде пижамы или сорочки. Сейчас езжайте домой, возвращайтесь утром. Что касается молодого человека: ножевое ранение поверхностное, ни один орган не задет. Подержим его пару дней, а там посмотрим. Доброй ночи.

– Ночь будет не доброй. Настя, я отвезу тебя в общежитие, а ты с утра привезешь Саше ту одежду, которую он скажет. Я жду тебя в машине.

Аверин спустился к машине и с телефона Дианы позвонил ее матери. Отвез Настю в общежитие и вернулся в отдел. С друзьями Марка показания уже сняли. Оба задержанные далеко не были отморозками. Они учились с Марком в одной группе, дружили и были менее жестокими и человечнее. Аверин читал протоколы и невольно делал свои выводы: «Парня, получивший от Дианы удар в пах, вообще привлечь не за что. Он, как согнулся, усевшись на землю, так его и приняли в дежурную машину. Рассказ, какой складной: «вечеринки раза три в неделю начинались в клубе, заканчивались в квартире Марка, девчонок мы не обижали, до чертиков не напивались, Марк не знал слова «нет». Когда же вы ребята учились? На видео видно, как девчонок удерживают, как Диана наносит удары и как потом бьют ее». Теперь полковник беседовал со «шкафом». Он не мог официально заниматься делом об избииении собственной дочери.

– Скажи мне, гусь лапчатый, почету ты отпустил Золотова? Чем этот парень так для тебя хорош? Молчишь? Ответь мне без протокола: такое раньше было?

– Было. Они знали слепые зоны и на камеры не попадали. Все обходилось даже тогда, когда девчонку забил до смерти. Эти двое лишь подражатели, а Марк монстр. Он звереет, получив отказ. Я давал показания, по гибели девушки, но его

даже не арестовывали, а мне заплатили и потребовали молчать. Вы и сейчас его не сможете наказать, он вывернется с помощью отца.

Аверин сидел в своей машине, ожидая результатов обыска, переваривая сказанное и прочитанное. В городе объявили план перехват, теперь наведались в квартиру Золотова. Хозяина в квартире не было, а вот обыск дал результаты. Еще не закончив с протоколом обыска, к машине подошел опер.

– Товарищ полковник, Александр Николаевич, это может понадобиться вашей дочери, – тихо сказал он, уронив на колени начальника корешок сто долларовых купюр. – Так будет со всех сторон правильно. Мы все надеемся, что Ваша дочь поправится. Что касается наркотиков и денег, есть протокол изъятия. Там ни квартира, а дорогой современный притон для избранных, причем, весьма нездоровых на голову. Езжайте домой, я обо всем доложу подробно завтра.

Аверин запустил двигатель и поехал к дому дочери, всю дорогу переваривая случившееся. В квартире он собрал для нее вещи, вспомнив, как это делал лет пятнадцать назад, собирая ее в детский сад и тут его «прорвало». Он плакал навзрыд, уткнувшись лицом в полотенце. Так продолжалось минуты три-четыре. Он умыл лицо под краном холодной воды и позвонил в больницу. «Состояние тяжелое, но стабильное. Изменений нет», – ответили ему. Часы показывали 03:15. Он поставил будильник на 06:15, проверил свой де-

журный гардероб, лег на диван и мгновенно уснул.

Глава 3

Звонок телефона Натальи Петровны Авериной прозвенел в двадцать два сорок. Звонила дочь. Она ответила на входящий звонок и услышала голос бывшего мужа.

– Наташа, извини за поздний звонок. Пашка далеко? Он мне нужен.

Наталья передала трубку гражданскому мужу и теперь с тревогой смотрела на него. «С Дианой что-то случилось, иначе, зачем Александру звонить с телефона дочери», – думала она. Павел слушал бывшего друга, не перебивая, и задал только два вопроса: – «Кто он?» и «Где она сейчас?», получив на них исчерпывающий ответ: – «Золотой мальчик. В городе объявили план «Перехват», но есть вероятность, что он рванет под крыло своего папы. Кто хозяин в городе, тебе объяснять не надо. Вывод очевиден: он наказан не будет. Диана в седьмой городской больнице. Состояние тяжелое, даже критическое. Паш, я впервые не знаю, что мне делать. А, если она не придет в себя? Ты Наташе всего не говори». « Не раскисай. Будем надеяться. Я выеду с рассветом», – сказал Павел, отключая телефон.

– Что с Дианой? – с тревогой спросила Наталья. – Почему Аверин звонил с ее телефона? Где моя дочь?

– Успокойся. Были в клубе компанией, там их и поколотили. Все обошлось ушибами. Подробности пока не знают.

На рассвете поедем с тобой в город. Ты своим подругам позвони, что на работу не выйдешь завтра. Волноваться преждевременно. Свари кофе, а я сделаю пару звонков.

Наталья не слышала, о чем говорил Павел, и не догадывалась, кому он может звонить. Чувство тревоги за дочь не покидало ее. Павел вошел в кухню, обнял жену за плечи, поцеловав в щеку.

– Наташ, ты способна, осознано, воспринимать то, что я сейчас буду тебе говорить? – спросил он, усаживая ее за стол и наливая себе сваренный кофе.

– Что я должна сделать? Я соображаю, хотя и волнуюсь очень, – отвечала она, присаживаясь на стул и глядя на него глазами, полными слез.

– Выслушай меня внимательно. Повторять дважды, у меня нет времени. Ты сейчас соберешь свои и мои вещи на два-три дня. Возьмешь деньги, которые есть в доме и свои документы: паспорт, права, – говорил он медленно и спокойно. – На моей машине, которую я заправлю, ты должна выехать из города до пяти утра. Скажем, в четыре тридцать. Камера на посту ГАИ должна это зафиксировать. Езжай с превышенной скоростью. Проедешь километров десять, станешь на обочине, включив аварийку, и будешь меня ждать в машине. Ты все поняла? Повтори.

– Понятно. Вещи на три дня, деньги и документы. Четыре тридцать, превышение скорости, десять километров. Долго ждать?

– Часа два, но я постараюсь управиться раньше. Наташа, очень прошу тебя, никакой самодеятельности. Делай только так, как я прошу.

– Почему мы не можем поехать сразу вместе? – задала она вопрос, глядя на мужа.

– У меня неотложные дела, сделав которые сейчас, я смогу отсутствовать два-три дня. Так тебе спокойнее? Сделай кофе в термос и положи в сумку мой телефон, – он оставил телефон на столе и начал переодеваться. – Все будет хорошо. Меня нет, я ушел.

Павел, спускаясь по лестнице, уже не думал о Наталье. Теперь его голова была забита другими вопросами. Он ехал на встречу с братом в дом отца. Брат Анатолий был на четыре года моложе его и занимал пост начальника службы безопасности у бывшего криминального авторитета, а ныне крутого бизнесмена в городе Тихонова Андрея Степановича. Единственным конкурентом Тихона был Золотов Виктор Николаевич, или мясной король, бывший директор местного мясокомбината. Прожив в городе восемь лет, Павел мог оценить масштабы бизнеса обоих, как и их человеческие натуры. «Если бы пришлось выбирать между бывшим уголовником и бывшим интеллигентом, я бы выбрал первого. Если первый придерживался, хоть каких-то своих законов, второй не признавал ни один из существующих. Он считал себя, если не Богом в этом провинциальном городке, то его неким посланником. Брат, как бы, между прочим, поинте-

ресовался: есть ли у меня знакомые для непыльной, но хорошо оплачиваемой работы, чтобы как-то распилить кусок золота? «Знаешь, Пашка, всему есть предел. Эта мразь не останавливается не перед чем. Город вымирает от наркотиков и паленой водки. В нашем местном детском доме, девственниками остались дети не старше семи лет. Ни милиция, ни местная власть не реагирует на этот беспредел. Они кормятся с его руки. Его не взять ни близко, ни далеко. Бронированная машина, охрана из бывших ментов, свою работу знает. Был один Робин Гуд, которого положили на месте. Ты можешь себе представить, что он способен закопать в землю человека живьем? А, что, в присутствии десятка свидетелей, застрелить человека из пистолета охранника и списать все на него? Он держит в страхе половину городка. Помоги, хотя бы советом», – говорил Анатолий. Я твердо обещал подумать. Четыре дня я потратил на наблюдение и анализ. Вариант нашелся, но с большой долей риска. Рисковать, когда моя жизнь приобрела смысл, было не только неразумно, но и глупо. Теперь у меня нет выбора. Оставить все, как есть, значит, подонок избежит наказания, а что будет с Дианой? Что вообще будет, если она не выживет или останется инвалидом? Так ли оно на самом деле, как сказал Санька? А если все гораздо хуже? Я себе этого никогда не прощу. Надо работать самому. Не согласится Тихон, я отработаю даром, получив хотя бы моральное удовлетворение», – думал он, подъезжая к дому отца, рядом с которым уже стояла машина брата. По-

здоровавшись за руку с отцом и братом, прошли в комнату.

– Батя, ты извини, что так поздно, раньше не получилось. – Вот что, Анатолий, передай Тихону, если он не передумал, все будет сделано в течение суток. Ему ведь неважно, где и как? Мне нужно либо его согласие и деньги, либо его отказ. Это срочно. Теперь второе: сын Золотого избил Диану, девчонка в больнице, состояние тяжелое. Сынок, скорее всего, примчится под крыло папаши, – взволновано говорил Павел.

– Ты здесь, каким боком? – спросил отец. – Ладно, Наташка, а ты причем? Пусть Санька и разруливает ситуацию, – сказал отец с ноткой недовольства в голосе.

– Не шуми, батя. Диана моя дочь, и мстить сыночку за нее буду я, а заодно и папаше долг верну, – возразил отцу сын.

– Не дури, Павел. Все знают, что у тебя претензии к Золотому, хотя ты повода так думать и не давал. Еще посидеть захотелось?

– Погоди, Паш. Наташка тебе призналась? Откуда ты это взял? – удивился Анатолий.

– Аверин перед своим отъездом поведал. Я эту новость восемь лет назад узнал, а год назад сделал анализ. Моя это дочь. Наташка молчит, и Диана не знает.

– Что ты собираешься делать? Чем я могу помочь? – спросил брат.

– Если Тихон даст добро, будет нужен помощник на машине с левыми номерами, лучше соседней области. Деньги

в банковской упаковке. Сумма не меняется.

– Паш, ты за лоха меня не держи. Нет ни какого другого. Он – это ты. Справишься? – глядя брату прямо в глаза, спросил Анатолий.

– Если поможешь и сделаешь, как скажу, постараюсь. Меня в нашем городе не будет уже часа в четыре. Я уеду в область в больницу вместе с Натальей. А ты, того другого вывезешь из города с деньгами. Был человек в маске, ты приехал за кладбище, его ждала машина, рассчитался, вернулся. Это легенда для твоих друзей, мне она не поможет. Мне нужны будут два телефона левые. Часа в три заступай на дежурство у въезда в город. Я должен знать, что мажор проедет пост до шести утра. Отзвонишься и будешь ждать меня на проселке за кладбищем в шесть двадцать, плюс пять-десять минут.

– Ты офонарел? Оттуда до дома больше десяти километров, – возмутился брат. – Ты будешь ждать сына или отца?

– Тебе повторить или ты с первого раза понял? Не будет в шесть тридцать, уезжай. Это от дома десять, а там где буду я, половина, – говорил строго Павел. – Ранний приезд сына, может нарушить планы. Моя головная боль его папаша. Без него, этот урод долго не протянет. Его уже ищут и найдут. Дело времени.

– Дальше что? – спросил нетерпеливо брат.

– А дальше, повезешь меня в сторону областного центра. Проедем с десятков километров, меня высадишь, снимешь левые номера и вернешься окольными путями. Все! И не пе-

реживай. В машину сяду чистый, как стекло.

– Он еще и шутит, – с грустью сказал отец. Выросло два бандюка на мою седую голову. Утешение на старость лет.

– Батя, ты вспомни беспредел. Какие мы бандюки? Может, стариков разводим на деньги, малолеток насилуем, наркотиками торгуем? Ты нашей милиции доверяешь? Что она сделает против Золотого, если он ее с руки кормит? Или ты забыл за кого Пашка срок отсидел? Кто девчонку избил? Тихон казино держит, ресторан, клуб. Кто туда деньги носит? Те, которые на взятки да на откаты жирует. Такие, как мы с Пашкой, туда не ходят. Так что, кто из нас бандюки большой вопрос. Телефон я тебе, Паш, сейчас принесу и поеду. С Тихоном вопрос решу, перезвоню на него. Мажора не пропущу, о въезде доложу. Удачи тебе, брат, – он обнял брата, пожал руку отцу и вышел из дому.

– Паш, я все о Диане думаю. Выходит у меня внучка есть, о которой я и не догадывался, – говорил отец старшему сыну. – Она девчонка хорошая. Как думаешь, выкарабкается? А если понесет от насильника?

– Не было насилия, отец. Я же ее не зря в секцию гонял в свое время. Видимо силы были не равны. Она справится, и я справлюсь. Ты не переживай, я позвоню из города, когда все узнаю. Держись, батя, прорвемся! – Он обнял отца и покинул родительский дом.

Сыновья разъехались. Каждому следовало заняться своими неотложными делами, а отец, заперев калитку, не раз-

деваясь, лег на свою постель. Ему предстояло пережить часов пять до рассвета. Анатолий ехал на встречу с Тихоном. Он был уверен, что босс даст добро на подобную операцию. Младший брат думал о Павле. « Он никогда не воспринимал меня всерьез. Он уходил в армию, мне было четырнадцать, вернулся, я уже учился второй год в ПТУ на автослесаря. Вот тогда он мне дал прозвище Митрофанушка, даже не поинтересовался: почему я принял такое решение? А я, как будто задницей чувствовал, что он либо останется в армии, либо уедет в город учиться. Я не мог оставить отца одного, после смерти мамы. Но выпал третий вариант, который не мог предположить никто. Пашка на два года сел в тюрьму. Я, уходя в армию осенью восемьдесят четвертого, его так и не дождался. Не было даже его адреса. Первый раз он появился, как снег на голову, зимой, через семь лет. Это был совсем другой Пашка. Либо он стал «меньше», либо я вырос. Из бравого десантника восемьдесят второго, он стал похож на ботаника в своих очках с толстыми стеклами. Теперь я уже посмеивался над ним, а зря. « Извини, брат. Внешность бывает, обманчива», – говорил он мне, спецназовцу, во дворе дома отца после поединка. Вот тогда я понял, что он пропал столько много времени не просто так. Наш Пашка из ОПГ. А иначе, откуда у него такие деньги. Он пробыл три дня и опять пропал, явившись на три дня летом девяносто третьего. Вернулся в девяносто седьмом. Разговоры о своей жизни пресекал в корне. « Ты, Толян, поговорку помнишь:

«Меньше знаешь, лучше спишь»? Вот и спи спокойно, без кошмаров. Я же не спрашиваю: как и на каких условиях, ты попал к Тихону? Каждому свое, брат. Ты можешь посмотреть мою трудовую книжку, где уже вкладыш от записей завели. Но было бы лучше, если ты найдешь мне недорогой автосервис. Хочу работать на себя, а не дядю», – говорил он. Понятно было, что деньги на покупку квартиры, ремонт дома отца и сервиса, не с неба для него свалились. Но, кто будет задавать вопросы через пятнадцать лет? Взяв в жены Наташку, он стал семейным человеком. Мы стали чаще общаться, но говорили только о настоящем. Теперь выходит, что Павел в свое время сам отказался от Натальи, а мы навешали на нее ярлыков, когда она вышла замуж за Аверина, который принял девчонку. Да, дела. То, что Пашка киллер со стажем, я просек еще года два назад. Мы отмечали день рождения отца с баней и пивом. Я увидел в предбаннике его очки и примерил ради любопытства. Мало того, что они оказались с простыми стеклами, они работали, ближе к дужкам, как зеркало заднего вида в авто. А добил меня, пожелтевший, синяк на правом плече, оставленный прикладом. При всей своей внешности, Пашка не был слабаком. Да его мышцы не были мышцами «качка», но сила в его руках была немалая. Митрофанушка сложил его отсутствия в городе по две недели два-три раза в год, и его пазл сложился. Это был снайпер со «слабым» зрением. Что, если у Пашки это не получится? Риск очень велик. Он помогает нам, а я должен помочь ему,

и сделать так, как он просит. Уйти гораздо труднее, чем нажать на курок», – думал Анатолий, тормозя у дома Тихона.

Павел заехал на заправку, залив полный бак, и припарковал машину у подъезда. В одном окне его квартиры горел свет. Тяжело вздохнув, он проверил наличие ключей и зашагал в сторону от дома. В километре от него, Павел арендовал гараж лет пять назад, но из транспорта там был только старенький велосипед, висевший на одной из стен. Это была его «штаб-квартира». Здесь он проводил время перед своими «играми», так он называл свою работу. Они случались не часто в разное время года, в разных часовых поясах. Часы показывали четыре нуля, когда он закрыл за собой дверь и включил свет. Чужих, в его отсутствие здесь не было. Метки, известные только ему, были на месте. В гараже был, порядок, хотя и неидеальный. Он снял с крючка пакет со старыми кедами на толстой подошве и тонкими перчатками. Здесь же у порога переобулся, натянул на руки перчатки, засунул снятую обувь в пакет. Прошел, присел на диван, откинувшись на спинку, прикрыв глаза, задумался: « Миссия, Пашка выполняю. Но надо, очень надо, Павел Иванович, постараться, постараться, как никогда. А самое главное, суметь уйти. Меня давно не мучает совесть, я не испытываю ни жалости, ни сострадания, не ищу оправдания для себя и не раздаю вину по заслугам. Я перестал давно перечитывать сценарии, выданные мне режиссером. Это не только бесполезное дело, но далеко и бессмысленное. Есть теоретики, есть прак-

тики, а есть нечто среднее. Вот с этим средним я и сталкивался ни раз, после чего перестал читать, и постарался сам стать сценаристом. Возможно, благодаря этому, без всякой надежды на дядю, мне и удавалось то, чего требовали. – Он поднял диван и достал оттуда некий предмет, завернутый в промасленную тряпку и пакет. – Прости, подруга. Ты пойми меня правильно: сегодняшние враги – мои личные враги. Мне нельзя сегодня оплошать. Другого шанса у меня не будет, – говорил он негромко вслух. – Я позволяю себе игру в драмкружке, а не на сцене, и вряд ли мой режиссер это одобрит. Только выбора у меня нет, а причина очень серьезная. Дело касается моей дочери. Дай Бог, чтобы она поправилась. Это похоже на кровную месть, и мерзавец, которого я предупреждал, должен быть наказан. Моя совесть молчит, и рука не дрогнет». – Он, достал из пакета и прямо поверх своей одежды, надел на себя комбинезон темно-синего, почти черного, цвета. Разобрал и собрал винтовку, сложил ее в твердый чехол вместе с глушителем. Он был похож на чехол для удочек, и эту похожесть дополняла имитация трех удилиц, торчащих из него сантиметров на семь-десять. Чехол с лямками удобно размещался за спиной мягкой стороной. Проверив карманы комбинезона, он добавил их только телефоном, переданным братом. Павел взглянул на часы, присел на диван, закрыл глаза и мысленно, еще раз, прошел весь свой маршрут. Прошло минут десять. Оглядев гараж, он снял со стены велосипед, повесил на руль пакет с обувью,

в которой пришел, надел на спину чехол, выключил свет, запер гараж и, оседлав велосипед, взял направление на объект. «При удачном раскладе, до места мне добираться минут тридцать пять на коне, двадцать пешком, но быстрым шагом. Полнолуние хорошо, только проезжая часть там не для велосипеда. Эти двадцать минут мне, на обратном пути, надо сократить вдвое и больше, – думал он, крутя педали. Город спал, и улицы освещали только редкие фонари. Он знал этот маршрут, проехав по нему дважды туда и обратно. – Все ли я предусмотрел? Я становлюсь безрассудным или самоуверенным? Что меня так расслабило? Провинция не так глупа, как мне хочется думать. В охране Золотого работают не дураки, и должны были предусмотреть все варианты возможного покушения. Другое дело, что они его не ждут. Среди местных не найдется кандидата в самоубийцы, и, в открытую, никто не пойдет против мясного короля. Чужого вычислят в два счета. Поселок всего в две длинные улицы. Первая улица с фасадами домов на город и участками к соседям. Вторая – дома смотрят в противоположную сторону, а участки на участки, напротив их соседи, участки которых соседствуют с кирпичным забором. Дом Золотого находится на второй улице, в середине поселка, почти в самом центре. С крыши недостроя работать удобнее, но уходить сложнее. Остаются деревья перелеска. От них, даже от третьего ряда сосен, до дома, по прямой, метров пятьсот-шестьсот». – Павел Китаев анализировал, думал и работал ногами. Доехав до тыльной

стороны кладбища, вокруг которого была вырыта неглубокая траншея, отделяющая его от проселка, он слез с велосипеда, снял с руля пакет и опустил коня вниз. Поправив на спине чехол, он двинулся быстрым шагом к перелеску. Пройдя его поперек, он шел теперь по берегу речки к выбранному месту. Брат позвонил, сказав только одну фразу: «Все в силе. Работай». Поселок находился в редком лесном массиве. Территория коттеджного поселка была огорожена глухой стеной с трех сторон и охраняема. С тыльной стороны, вдоль кирпичного забора, высотой больше двух метров с колючей проволокой, шла проселочная дорога. По ней давно никто не ездил, она никуда не вела, параллельно ей был перелесок из смешанных деревьев, шириной метров тридцать-сорок, за ним небольшая речушка, и дальше опять редколесье. Речка, своими размерами, жителей поселка не заинтересовала, отсюда и глухой забор. А мальчишки на велосипедах приезжали сюда купаться. Павел знал, что в доме находятся, кроме хозяев, прислуга, водитель и четыре охранника. Один – при хозяине, один – на входе и два – перед мониторами камер. Помещение охраны располагалось недалеко от въезда во двор. По периметру участка есть камеры, но могут быть и муляжи. Для Павла было большой удачей то, что тучный хозяин дома поддерживал форму «на дому». Помимо бани, он каждое утро делал пробежки по территории участка три-четыре круга в шесть часов. После чего, минут пять, делал нехитрые упражнения и шел в дом. Выпадал из поля зрения

минут на десять-пятнадцать, и появлялся в своем кабинете минут на сорок. Потом спускался, видимо, к завтраку и выезжал из дому на работу. « У меня есть два варианта: достать его за бегом, физкультурой или в кабинете. В противном случае я не успеваю к Анатолию. Будет надежнее, если все же во дворе. Кто знает, какие стекла в окнах? Моя основная цель отец, без него сын ноль. А, если мажор приедет чуть раньше зарядки и спутает все карты? Ладно, время до рассвета у меня есть, сейчас 03:40, – подумал он, спускаясь к реке. Погода стояла безветренная, а луна и звезды позволяли ему шагать свободно, не присматриваясь под ноги. Присев на берегу, он закурил и мысленно вернулся в далекое прошлое. – Когда это все началось? – снимая очки, убирая их в карман комбинезона, подумал он. – Я к ним так привык, что не замечаю неудобств, и никто не догадывается, что это бутафория. Я впервые не перевоплощаюсь и не маскируюсь, как положено, хотя меня этому и учили. Мало кто знает, где и кем я служил, каким образом одолел немецкий язык и где постиг уроки актерского мастерства. Меня «приняли» прямо у ворот колонии. Я этого ждал и знал, кто устроил мне «легкую жизнь». Здесь мне дали кров и псевдоним Китаец. Почему Китаец, а не Кит, мне не объясняли. Больше года я постигал премудрости «вольного» стрелка. Потом были Казань и Питер, Москва и Киев. Через пять лет я впервые попал за границу. Потом, считать и вспоминать свои поездки мне, как-то не хотелось. Стрелок я посредственный, а вот

артист хороший. Видимо, это качество гораздо важнее зоркого глаза и твердой руки. Я вживался в роль и не выходил из нее до конца. Платили мне исправно, а в качестве вознаграждения выдали отпуск, с условием проживания на малой родине, не сбросив со счетов. Это моя самодеятельность, может мне выйти боком, – глядя на восходящее солнце, думал Павел. Он влез на дерево, пристроил винтовку и взглянул в прицел. Спустился вниз и осмотрел землю вокруг своей позиции в радиусе десяти метров. Анатолий позвонил в 05:50. – Парень, видимо, спал в дороге. Вместо шести часов поездки, явился через восемь, – подумал он, залезая на дерево и занимая на нем удобную позицию, если такое было возможно. – Ему ехать десять-пятнадцать минут. Пока все складывается удачно». – Павел видел в прицел, как Золотов старший вышел на пробежку и делал уже последний круг. Он начал делать свои упражнения, когда охранник открыл калитку и впустил Марка. Тот направился к отцу, явно в возбужденном состоянии. Прильнув к прицелу, Павел по губам прочел: « Я убил ее... » и понял, что удачнее момента не будет. Звук выстрелов поглотил глушитель. Они прогремели с разницей в секунды. Отец и сын падали на траву газонов почти одновременно, а стрелок уже был внизу, разбирая и складывая в чехол винтовку, собирая гильзы. Надевая лямки чехла на плечи, он сразу шел, а потом побежал, держа пакет с обувью в руках. Теперь он бежал прямой проселочной дорогой, не думая о том, что может быть кем-то замечен. Он бежал так, как

не бегал в армии на марш-бросках и кроссах. Ему казалось, что расстояние сокращается, но слишком медленно. Когда впереди из-за деревьев показался угол кладбища, успокоился, продолжая бег. Он лишь на мгновение остановился, аккуратно засунул чехол под спиленные и уже засохшие ветки деревьев, сухой травы, кучей наваленные в траншею. Анатолий увидел бегущую фигуру в черном, и, понимая, что это никто иной как Павел, завел мотор, открыл дверь и сдал машину назад.

– Гони, брат, из города по максимуму, – тяжело дыша, говорил пассажир с заднего сидения, снимая перчатки и обувь, выбрасывая их на ходу через окно. Он снял с себя комбинезон, свернул его и положил в пакет, из которого достал обувь. Протер влажными салфетками руки и лицо. Вернул брату телефон и одел очки. Теперь пассажир имел совсем другой вид. Светлое поло, джинсы и мокасины.

– Отдышался? Держи воду, – брат протянул бутылку с водой. – Деньги в пакете, как просили. Подробностей я не жду. Позвонишь из больницы, я доложу обстановку.

Они ехали с максимальной скоростью минут двадцать, когда Павел увидел на обочине свою машину. Попрощавшись с братом, он забрал из машины два пакета, занял водительское место в своей машине и выехал на дорогу. Жена встретила его молча. Прикуривая на ходу сигарету, он взглянул на жену.

– Не надо делать из меня монстра. Подумай о дочери. Или

ты доверяешь местной доблестной милиции и суду? Пристегнись, – говорил он, набирая скорость. – Доедем до леса, сделаем остановку минут на пять. Потерпишь?

– Потерплю. Ты никогда не водил машину с такой скоростью. Я и не предполагала, что ты можешь быть Шумахером. Это еще один секрет, тайна? – тихо спросила Наталья.

– Ты, Наташа, тоже не все тайны раскрываешь, и я узнаю о них от других.

– Ты о чем? – удивленно спросила жена, глядя на мужа.

– О тебе, о себе, о Сашке Аверине. Сашка был прав, когда говорил, что я люблю только себя. Сейчас я люблю не только себя, но и свою дочь. Я знаю об этом давно. Почему ты не рассказала всей правды ни ему, ни мне? – спросил он ее, глядя на дорогу. Ты использовала его, обвинив во всех смертных грехах. Катерина Васильевна мне многое поведала. Да, Наташа, я выполнил грязную работу. Зачем тебе подробности? Мы прожили с тобой в браке, пусть и гражданском, по твоей инициативе, семь лет и я не мог не сделать этого. По вине отца, я стал тем, кем стал. По вине его сына пострадала моя дочь. И если я смог бы простить отца, после стольких лет, его сын не заслуживает моего прощения. Дай, Бог, чтобы с Дианой все обошлось. Сейчас я остановлюсь и подожду тебя пять минут. Ты кофе не забыла?

– Я тебя ни в чем не обвиняю, а кофе в термосе, термос в кармане чехла с твоей стороны, – ответила она, выходя из машины.

Остановка у леса заняла минуты четыре-пять. Павел спрятал полученные деньги в примитивный тайник между двумя толстыми паралоновыми подушками сидения, сложил аккуратно комбинезон в пакет, положил его в багажник, выпил кофе и закурил, ожидая, пока жена займет свое место в машине.

– Постарайся вздремнуть. Впереди у нас трудный день, – сказал он Наталье, запуская мотор машины.

Они до самого города не проронили больше ни слова. Наталья делала вид, что спала, а Павел гнал машину, пристально глядя на дорогу. Он знал, что километров триста можно ехать, не опасаясь постов. Их на этом участке дороги просто никогда не было.

Глава 4

Александр Аверин проспал меньше трех часов и проснулся раньше будильника. Позавтракав и переодевшись, он прибыл в больницу в 07:40, где его ожидал следователь. Они начали с кабинета врача, который передал им официальное заключение о травмах Авериной Дианы и ее состоянии на текущий момент.

– Как я буду снимать показания, если она не говорит? – сетовал следователь.

– Молча! Пусть напишет сама, а ты вставишь свои вопросы. Мне тебя учить надо? Есть заключение, есть запись, приложишь ее показания. Дальше твоего кабинета эти бумажки не уйдут. Папа выручит подонка в очередной раз. Идем. Я лицо заинтересованное. Больше двух минут не задержусь.

Отец вошел в палату первым, прошел, поцеловал дочку и взял ее ладони в свои руки, присел на край кровати.

– Терпимо или совсем хреново? – спросил он. Увидав большой палец правой руки, поднятый кверху, улыбнулся. – Держись! Тут к тебе гости пожаловали. Напиши все, что видела, с чего началось и как закончилось. Я проведу твоего боевого товарища и вернусь. Мама с Павлом приедут еще до обеда. Вещи я тебе привез.

Александра Смирного он нашел в палате мирно спящим.

– Что, полуночный ковбой, не спалось? Мне врач доложил

о нарушении режима. Пойдем, поговорим, – сказал Аверин, выходя из палаты. – Как рана? Ты, я смотрю, наряд сменил. Настя была?

– Да какая там рана. Испортили шкуру немного и неглубоко. Он махал ножом от страха или для страха. Сам оплошал, винить не кого. Настя тайком пришла, оставила вещи и удалилась. Я ее и не видел. Как Диана? Меня пока к ней не пускают. Что врач говорит? – рассказывал и спрашивал Смирнов одновременно.

– Врач говорит, что сотрясение и немота пройдет. Молчит она. Сейчас у нее следователь. Саш, я не могу тебе навязывать своего мнения, но хочу посоветовать. Дело, скорее всего, до суда не дойдет. Одного привлечь вообще не за что. Он, как получил от Дианы по яйцам, так и сидел, пока его не взяли под руки. Обидчик Дианы сбежал и пока поиски ничего не дали. Охранник под протокол не скажет ни слова. Запись есть, видно, что девчонок удерживали, и драка зафиксирована и избивание. Только есть одно маленькое «но». Начала ее Диана. Ты можешь написать заявление, но я не дам гарантии, что оно дойдет до суда. При хорошем адвокате тебя сделают нападавшим, ему организуют самооборону. Я думаю, что уже сегодня тебя навестят и адвокат, и его родители. Постарайся получить от визита или моральное, или материальное удовлетворение. Реальнее будет материальное.

– И сколько просить? – поняв, о чем идет речь, улыбнулся Смирнов. – Вы выяснили, кто они такие?

– Просить, Саша, не надо. Пусть предлагают и просят они. Парни не отморозки или наркоманы, они не оправдывают Марка, но и не сливают. «Прилежные студенты» богатых родителей, таким образом, организуют свой досуг. В клубе знают, чем троица эта занималась, но, ни разу не попалась или откупалась. Возможно, что случай с Дианой ни первый эпизод в их похождениях. Думай сам, я все сказал.

В десять часов Павел Иванович припарковал машину на стоянке седьмой городской больницы. Они с Натальей Петровной поднялись в отделение, где медсестра попросила их сразу пройти в кабинет врача. После разговора с доктором, родители входили в палату дочери с тяжелым сердцем. Диана лежала с закрытыми глазами и, казалось, спала. На тумбочке у кровати стояла упаковка с соком, лежал телефон и ключи от квартиры. Увидав родителей, она улыбнулась и жестом показала Павлу Ивановичу на выход, а матери на пакет, стоявший у тумбочки, откинув край простыни. Мать поняла, что Диане нужно помочь одеться. Справившись с пижамой, они пригласили в палату Китаева. После визитов отца и следователя, Диану навестил Санька, который снабдил подругу небольшим блокнотом и ручкой. Теперь она могла «беседовать». После получасовых переговоров, забрав список необходимых вещей, написанный дочерью, и ключи от квартиры, родители уехали. Им стоило подумать о том, что привезти для нее помимо вещей и продуктов вечером. Свой второй визит они нанесли втроем после тихого часа, привезя

передачу на двоих с Сашей. Здесь были фрукты, домашний ужин, много сладостей и напитков. По совету психолога, они должны были попробовать прием шоковой терапии. Сообщить ей новость, о которой она не знает и которая, возможно, ей поможет. Первым заговорил Павел Иванович, присев к ней на кровать и положив на край тумбочки три большие алые розы.

– Дина, я думаю, ты должна уже узнать, что я не просто Павел Иванович, я твой отец. Так уж случилось. Все подробности с мамы. Это ее тайна. Я не претендую на место Александра, ты должна это знать и помнить. Мы все это время жили дружно. Может, не будем ничего менять? Я звонил своему брату и отцу, твоим дяде и деду, рассказать о твоём самочувствии и узнал не совсем приятную новость. Рано утром, Марк и его отец были застрелены во дворе собственного дома.

В палате наступила тишина, и посетители уже сомневались в правильности принятого решения. Через двадцать секунд они услышали тихий голос:

– Хорошо, что мама у меня только одна, а с двумя отцами я разберусь, – сказала Диана и заплакала, услышав свой голос.

– Ты чего, дуреха, реवेशь? Радоваться надо, что заговорила, – смеялся Аверин. – Два отца из ларца, лучше, чем один. Или ты по Золотову слезы льешь? Поверь, ты ни первая им битая, были и до тебя случаи, причем летальные.

– Такие новости надо дома отмечать, а не в больнице. Сколько я здесь пробуду? Вы надолго приехали? – спросила Диана, вытирая слезы. – Я домой хочу.

– Доктор сказал не меньше недели. У тебя постельный режим. Пока ты здесь, я побуду в городе, а Паша поедет через день. Тебя выпишут, отец заступит на смену, а я уеду, – говорила мать.

– Бабушка не в курсе твоих подвигов. Будешь себя хорошо вести, поедешь, как поправишься, скажем, недели через три, на море, только с провожатым, – говорил Павел Иванович.

– Хорошо Паша придумал. Только, где взять для тебя, дочь Дианка, сопровождающего? – улыбнулся Аверин. – Возьмешь с собой Саньку? У него ранение, хотя и несерьезное, но отдых и ему требуется.

– Саньке работать надо. Он для этого и остался в городе.

– Пусть работает до отъезда и твоего выздоровления. – Паш, ты зайди в третью палату, пригласи к нам Смирнова, мы с ним поговорим, – попросил Аверин друга.

Пригласив в свою большую компанию Александра, родители обсудили возможную поездку и удалились, оставив принесенные передачи и дав молодежи поесть без своего присутствия. Ребята устроили настоящий пир, поставив розы в банку с водой. Павел Иванович уехал на следующий день, а мама Дианы осталась до выписки. Настя пришла навестить подругу через день. Вид у нее был виноватый.

– Дина, прости меня, пожалуйста. Я не думала, что все так

обернется, – говорила она, стараясь не встречаться с Дианой взглядом.

– Почему ты мне не рассказала всей правды? Я бы дала тебе не двести долларов, а пятьсот и не пошла бы в клуб. Ты продала меня, подставила Саньку и думаешь: наши отношения могут остаться прежними? На что ты рассчитывала? Возможно, ты и нужна была им на одну ночь, только не факт, что для тебя она стала приятной.

– Мне хотелось, чтобы тебя забрали у Сашки, и он остался свободен. Мы были на первом курсе с ним, потом я увлеклась Славкой, и Сашка перестал обращать на меня внимание. Я хотела его вернуть. Ты что, действительно, ничего не замечаешь? Смирнов давно потерял от тебя голову, а ты в нем видишь только друга.

– Я не вещь или игрушка, которую можно забрать. Я не слепая и многое вижу. Только и Санька не слепой и не глупый. Не спи ты со всем курсом подряд, его отношение к тебе было бы другим. А теперь, уходи. Учиться мы вместе сможем, а вот дружить, извини, нет. Мы больше с тобой не подруги.

Саша через три дня выписался на амбулаторное лечение, получив «отступные» от владельца ножа, отказавшись писать заявление. После выписки Дианы, он проводил Наталью Петровну на вокзал. Теперь Диана находилась под «приглядом» верного рыцаря и отца. Александр Николаевич из разговора с Сашей понял, что тот влюблен в его дочь и дал

всего один совет: – « Ты ее не торопи, Саш. Пусть она сама примет решение. Тебе, в этом случае, будет либо вдвойне больнее, либо вдвойне радостнее». Диана сама позволила ему остаться в квартире до отъезда на море, выделив ему для ночлега кресло. Работая в мастерской, он, возвращаясь с работы, покупал продукты. Диана готовила ужин, и они ужинали втроем, дождавшись отца. Жили, как два добрых соседа, и Санька не делал поползновений в сторону Дианы. Через три недели Диана и Александр поднимались на борт самолета, доставившего их в Адлер. Две недели с 29 июля по 12 августа они проведут на берегу Черного моря. Два одноместных номера на пятом этаже с видом на море и ресторан внизу. Вторая береговая линия и всего пять минут ходьбы до хорошего пляжа. Еще не разобрав вещи, переодевшись, они спустились к воде. Берег был пуст, морская вода спокойной и прохладной.

– Давай наперегонки, – предложил Саша, заходя в воду.

– Я плаваю чуть лучше топора, – ответила Диана, брызгая на него водой из ладоней и громко смеясь. – Посмотри, как здесь здорово. Только не заплывай далеко, мне будет страшно.

– Я не поплыву, я поныряю, не трусь, – ответил он и нырнул. Показавшись из воды, он проделал это еще и еще. В очередной раз он вынырнул прямо перед девушкой. Встав на ноги, обнял ее и поцеловал в соленые губы. Поцелуй был далеко не дружеский, и Диана вдруг почувствовала свое острое

желание и его возбуждение. «Дурак», – сказала она, освободившись из объятий и направляясь к берегу. Вернувшись в номер, она приняла душ, обернулась полотенцем. « Это ни он дурак, это я дура», – думала она, разбирая свои вещи и развешивая их в шкаф, когда услышала негромкий стук в дверь. На пороге стоял Саша.

– Извини меня. Не сдержался, – говорил он, входя в номер. – Мы завтракать пойдем? – спросил, беря ее за плечи. – Ну не сердись. Я не хотел тебя обидеть и уж тем более расстроить.

– А чего ты хотел? – задала Диана вопрос и, не дожидаясь ответа, задала свой, глядя ему в глаза. – Ты мог бы повторить то, что было на море, сейчас?

Александр не ответил. Он подошел к ней совсем близко и поцеловал так, что голова Дианы пошла кругом, а полотенце упало к ногам, оголив стройное тело. Двигаясь в сторону кровати, Саша не прекращал своих поцелуев, а Диане хотелось, чтобы это не заканчивалось. Сколько длилась прелюдия и сама любовная игра они не знали. Не было сказано ни слова, при этом на теле Дианы не осталось места, которого не коснулись бы губы Александра. Они так и забылись в объятиях друг друга. Диана пробудилась от ароматного запаха кофе и острого ощущения голода. Она открыла глаза и увидела, что Саша держит открытую банку с кофе прямо у нее под носом.

– Принцесса Диана, вам кофе в постель или в чашку, –

спросил он своим обычным голосом.

– Лучше в чашку, и лучше с сахаром, – отвечала она, вставая с кровати, подхватывая полотенце и тунику, и скрываясь в душе. Через пять минут она уже сидела в кресле и рассуждала. – Ладно, кофе и сахар мы привезли с собой. Где ты взял остальное?

– Чайник в номере есть, как и холодильник, пусть и не очень большой, и бар с вином. Правда, холодильник пуст, – говорил он, подавая ей чашку с кофе. – Пойдем на прогулку в город, купим себе фрукты. Плюшки я купил еще горячими, брать бутерброды не рискнул. Ты ешь, не стесняйся. До обеда час с небольшим, – он протянул ей бумажный пакет с еще теплой выпечкой.

– Саш, я...

– Тебе сейчас хорошо? – перебил он ее.

– Да, но...

– Будет хуже – скажешь, лучше – промолчишь, – вновь перебил он ее. – Если есть чувство, его не стоит скрывать, а дать ему волю. Оно может меняться в ту или иную сторону, может исчезнуть, вот тогда и поговорим. Идет? Я испытываю к тебе сильное чувство, назови его, как хочешь. Какая будет разница, если мне с тобой безумно хорошо? – он, лишь на несколько секунд забрал из ее рук чашку с кофе, нежно поцеловал ее в губы и вновь вручил чашку. – Ешь и не думай ни о чем. Набирайся сил, они тебе понадобятся. – Он вел себя так, как будто ничего необычного между ними

не произошло. Его выдавали лишь глаза, которые светились.

Больше к этому разговору не возвращались. Они тянулись друг к другу и слова были лишними. После завтрака они шли к морю, активно отдыхали, возвращаясь часа через три. До обеда гуляли по городу. Могли пропустить обед, если он был в их плане второстепенным пунктом. Обязательно купались вечером, пили вино и спали в одном номере. Одним словом, активность, начатая с утра, к ночи сменялась состоянием удовлетворения и покоя. Они смотрелись очень гармоничной парой. Стройная брюнетка Диана была на восемь-десять сантиметров ниже слегка накачанного шатена Александра. Им было по двадцать лет, они были влюблены, беззаботны и счастливы. За две недели они слегка загорели, и светлая одежда оттеняла этот загар. Уже в самолете, сидя в кресле, по дороге домой, Саша, держа ее за руку, спросил:

– Как мы теперь будем жить дальше, принцесса?

– Регулярно, если ты не будешь против этого, – ответила ему на ухо Диана. – Если откажешься, я пойму и не буду настаивать.

– Я с тобой согласен. А как к этому отнесутся твои родители? Мои, точно, будут против. Они не одобряют подобных отношений без свадьбы.

– Прилетим, сообщим и узнаем, – прижавшись к нему, улыбнулась Диана, глядя на него своими карими глазами, в которых «прыгали чертики». Именно эти чертики свели его с ума два года назад.

Новость о том, что Диана и Александр намерены жить вместе, приняли спокойно все, включая бабушку. «Пусть живут, учатся, а для семьи созреют, поженятся. Сейчас штамп в паспорте никого не спасает и не дает гарантии на долгий брак», – сказала она, узнав эту новость от дочери. Прежде чем перевезти свои вещи к Диане, Саша наведалься к своим родителям.

– Я не буду больше жить в общежитии. Переезжаю к де-вушке, которую люблю, – сказал он отцу с матерью за обе-дом. – Ее семья не против моей персоны, я с ними знаком. О свадьбе мы пока не думаем. Не обижайтесь, если буду при-езжать реже.

– Квартиру снимать будете? А кто за нее платить будет? Не надорвешься, оплачивая жилье? – строго спросил отец.

– Квартира у нее своя однокомнатная. Отец полковником служит в городской милиции, мать с отчимом живут в обла-сти. Она, как и я приезжая. Не переживай, на шею ее род-ственников я не сяду.

– Чего мне переживать, если ты уже нашел выгодную пар-тию. Поживешь, пока учебу окончишь, папаша ее пристроит на службу. А ты подумал, что сделает с тобой ее отец, если дочь обидишь? Не по себе дерево рубишь, Саня.

– Я люблю ее, батя. Мне двадцать лет, мы два года учимся вместе и дружим. Причем ее отец? Диана сама так решила, а я это решение с радостью принял. Она не капризная, не избалованная, умная, красивая. Хороший друг и отличная

хозяйка. Посмотри, – протягивая отцу фото, говорил Саша.

– Оставь его, отец. Чтобы ты сейчас ему не сказал, он тебя не услышит. Парень влюблен и сделает так, как велит сердце. Прими уже это, как должное. Наш мальчик давно вырос, – сказала мать. – Ее родители мирно живут, хотя и в разводе?

– Павел Иванович и Александр Николаевич дружили в юности. Потом долгое время не виделись. Когда отец и мать Дианы разошлись, ей двенадцать лет было. Отец уехал в город, а мать вышла замуж. Квартиру купил отчим, а ремонтом занимался отец. Люди они простые, хотя и не бедные.

– Девушка симпатичная, особенно когда улыбается, – говорил отец, возвращая фото. – Домой ее привезешь, не постесняешься?

– Привезу обязательно, но года через два. Раньше не могу. Вы ее своими вопросами «спугнете», а мне ее терять нельзя. Она знает и то, чем вы занимаетесь, и как живете. Я от вас никогда не отказывался и не откажусь. Я денег привез немного, разберешься на что нужнее.

– Откуда? – спросил с удивлением отец, увидав стопку купюр.

– Заработал! Калым получил за невесту наперед, чтобы не сбежала, – смеялся сын.

– И где же так хорошо платят? – спросил отец, пересчитывая тысячные купюры. – А главное, за что?

Начав жить вместе, Диана поставила вполне приемлемые для Александра условия: она не прекратит свои визиты к от-

цу, а он должен навещать своих родителей хотя бы раз в месяц. Саша был согласен с такой постановкой вопроса. Пара почти не расставалась. Саша оказался расторопным малым. Он многое знал, многое умел. Он хорошо разбирался в двигателях и мог по звуку определить поломку в автомобиле. Работал в автомастерской на совесть и получал зарплату не зря. Павел Иванович приезжал с женой раз в два-три месяца, с полковником молодежь виделась часто. Летом две тысячи шестого они втроем отдохнули две недели в горном Алтае. Неприятные моменты в их жизни начались с весны две тысячи седьмого. В апреле умер отец Павла Ивановича, быстро «сгоревший» от рака, а в мае Катерина Васильевна, бабушка Дианы, не пережила инфаркт. Сдав летнюю сессию и перейдя на пятый курс, молодые люди проходили практику в разных районных отделах ВД. Отец Дианы подал рапорт на пенсию и собирался в октябре принять должность начальника службы безопасности в компании, но не говорил в какой. В один день многое изменилось в их жизни. Третьего июля две тысячи седьмого года, в три часа с минутами, после полудня, Диану, возвращавшуюся с практики, похитили посреди улицы. Ей сунули под нос тряпку и затолкали в машину. Через час на телефон Китаеву позвонили с требованием выкупа и передачи денег в городе. Павел Иванович сразу позвонил Александру Смирнову, рассказав обо всем, просил связаться с Авериным и выехал в город на машине. В квартире Дианы, два Александра провели бессонную ночь, в ожида-

нии Китаева. Если Александр Смирнов даже не догадывался о цели похищения, то у Александра Николаевича Аверина уже взрывался мозг от мыслей, догадок и предположений и требовал перезагрузки. Саша, видя его состояние, старался не мешать и, молча, включал чайник, для очередной порции кофе. Павел Иванович прибыл еще до рассвета и теперь делился своими мыслями с Александром Авериным.

– Кому-то я спутал карты в свой последний вояж в Питере. Либо сам наследил, либо меня сливают. Возможно, Диану вернут местные, они же и выполняют работу. С одной стороны, они все это смогли сделать на месте, по дороге в город, особенно через лес. Стреляй, устраивай ДТП, вариантов много. С другой стороны, похитили Диану и запросили «смешной» выкуп, и обмен должен состояться в городе. Ты, сам посуди: зачем такие сложности? – спрашивал он не только Аверина, но и себя в который раз.

– У меня, Паша, мозг уже закипает. Я рассмотрел даже версию о том, что крайний я, но не вяжется с выкупом. Зачем им ты, если эти деньги они могли запросить и с меня? Ты прав, что убрать тебя можно было по дороге в город, без свидетелей и без проблем. Бред какой-то! И в этом бреде кроется что-то, что я не могу уловить, – с каким-то отчаянием говорил Аверин. – Паш, а если это звенья одной цепи? Диану похитили одни и это отвлекающий шаг. Они тебя выманили из городка, и должны быть уверены, что ты не соскочишь. Что, если им нужна быстрая, достоверная и наглядная

информация об исполнении? Именно наглядная, Паш. Похитители получают свой выкуп, киллер делает свою работу, но не думаю, что ты будешь единственной мишенью. А это означает только одно: твой куратор находится здесь, и возможно ни один.

– Кроме куратора должен быть и исполнитель, лучше снайпер. Это и надежнее, и незаметнее для окружающих, – говорил Павел. – Возможно, ты прав. Только зачем эта показательная «казнь»?

– Не скажи. Без наших доблестных органов здесь ничего не делается. Раздуют громкое резонансное дело, кого-то уберут, кого-то под шумок назначат, – усмехнулся Аверин. – Ты представляешь заголовки газет: «Отчим похитил дочь начальника РВД» или «Успешная ликвидация киллера со стажем». Я уже склоняюсь к тому, что ты, милый друг, только повод для чьих-то грязных игр, а я пойду вместе с Дианой прицепом к этому составу.

– Мы можем с тобой, Сань, думать и гадать сколько угодно, но одно я знаю точно: будет работать снайпер, и скорее всего из ваших, – удрученно сказал Китаев.

– Если это так, Паша, мы проиграем. Нам не вычислить снайпера, если они позвонят за час до обмена. Мы даже не догадываемся: где и когда это может произойти, в какое время суток? Мы не знаем: что с Дианой и где ее искать?

Их разговор прервал звонок телефона Павла Ивановича.

– Да. Деньги к вечеру будут. Я хочу услышать дочь, – ска-

зал он. – Дина, девочка моя, как ты? – «Пыльно, но пахнет карамелью», – услышал он голос дочери. – Послушайте: зачем ждать еще день? Верните мне дочь сегодня. – «Жди звонка», – услышал он в ответ и связь прервалась. – Они проследили за мной и знают, что я уже в городе. Звонили с ее телефона.

– Павел Иванович, а если Диану похитили вам в наказание? – спросил Саша. – Чтобы вы морально надломились, помучались. Мало кто знал о том, что Диана ваша родная дочь, а деньги почему – то потребовали с Вас, а не с Александра Николаевича. Если охота идет на Вас, а Диана моральное давление, значит, кто-то из близких людей слил информацию.

– Санька где-то прав. Ты теперь будешь себя чувствовать виноватым, потеряешь бдительность и будешь думать только о ней. Надо ее найти до срока. Едем в отделение, я позвоню, соберу ребят и поговорю с ними. Официально, заявление о похищении принять могут и должны, только волынка затянется, а времени у нас нет и добровольцев тоже. Паша, остаешься в квартире и не геройствуй. Машина твоя пусть стоит на месте, так будет спокойнее. Санька доедет на маршрутке, а я своим ходом. Все.

– Я только съезжу в банк, они мне это позволят, – сказал Павел Иванович. – «Ну вот, Китаец, теперь и ты попался на их крючок, – думал он, проводив соратников. – Они нашли мое слабое место, мою болевую точку. Дай, Бог, чтобы Саня

смог вычислить это место, которое пахнет карамелью».

Аверин приехав в свое отделение, дождался и пригласил к себе трех оперативников.

– Ребята, у меня дочь похитили вчера среди белого дня, выкуп требуют ни с меня, а с отчима, который живет в области. Значит, центральная фигура он, а обмен планируют завтра здесь. Есть два непонятных момента: сумма выкупа за Диану до смешного мала, всего полмиллиона рублей. Они либо не знают его финансовых возможностей, либо это дело рук дилетантов, как отвлекающий маневр. Я не знаю, кто они, не знаю зачем, но дочь я должен найти раньше. Вы сможете мне помочь? Диана по телефону сказала, что пыльно, но пахнет карамелью. Какие могут быть предположения?

Совещались часа два, прежде чем прийти к единому выводу: карамелью может пахнуть с кондитерской фабрики, большой кондитерской или завода по производству лимонада. Пыльно там, где идет стройка, либо там, где долго не бывает людей. С учетом направления ветра и места расположения предприятий сузили круг поисков до минимума. В этом месте располагался карьер, где по утрам, до рабочего дня, гоняли мотоциклисты и недостроенный корпус завода. Уже через час байкер доложил, что в корпусе человека спрятать негде. «Кроме колонн и плит перекрытия, там нет ни единой стены. Есть старая, обветшалая бытовка практически без крыши и стен, которые кое-где зашиты досками и фанерой. Но самое главное, за ней, кажется, стоит машина, замаскирован-

ная высоким бурьяном, из-за которого видна крыша. Полной гарантии в том, что это машина, а не ржавый металлолом нет. Незаметно подойти к бытовке с обратной стороны проблематично, все как на ладони. Надо просить помощи у байкеров, – говорил Степан. – Их человек десять. Если двое сядут сзади, вся компания проедет до бытовки, сбросит двоих и вернется назад, подозрения не будет. Других вариантов я не вижу. А если это ни то место? Если мы ошиблись? Надо попробовать, у нас мало времени». Уже через час двенадцать мотоциклов ехала от карьера в сторону замороженного строительного объекта. Шум моторов байков был оглушительным. Проехав бытовку, сбросив скорость, доехали до самого бурьяна, развернулись, перекрикивая шум моторов, и повернули назад. Два человека остались лежащими под бытовкой, рискующие быть ей раздавленными. Прошли пару минут, бурьян зашевелился и из-за него показался молодой человек лет двадцати пяти.

– Чего они сюда приперлись? – задал он вопрос в никуда. – Только сон нарушили.

– Тебе еще и сны сняться после всего? – спросил второй, выходя следом. – Когда она нам жрать привезет?

– Не раньше обеда. Места не могла приличнее найти? Торчим тут в полной антисанитарии, даже девку не трахнешь от скуки. Как она там?

– Интересно, пойди, проверь, а заодно и узнай: кончились ли у нее месячные? – усмехнулся напарник. – Маску надеть

не забудь.

Один скрылся в бурьяне, второй нехотя побрел к бытовке, вернее к тому, что от нее осталось. «Пора», подал напарник знак Саше. Парень, стоявший у двери, схваченный с силой за ноги, упал с высоты своего роста на спину. Степан засунул в рот ему маску, перевернул его на живот, не интересуясь «здоровьем», защелкнул сзади наручники. Вдвоем с Сашей они двинулись в бурьян. Со вторым пришлось повозиться. Он никак не хотел покидать салон старенькой девятки.

– Иди к ней, я сам справлюсь, – сказал он Саше, сковав и второго наручниками и набирая номер телефона.

Саша вернулся к бытовке, импровизированная дверь которой была закрыта на толстый согнутый гвоздь. Он открыл дверь и увидел в углу сидящую на полу Диану, руки которой были заведены назад. Глаза ее были закрыты, волосы распущены.

– Принцесса, это я, Сашка, – сказал он, наклоняясь к ней и обнимая. – Все кончено. Сейчас я тебя развяжу, – говорил он, развязывая ее шейный платок, которым и были связаны руки.

Она открыла глаза, в них появились слезы, и у Дианы началась истерика. Прижав голову Сашки к своей груди, она не плакала, она рыдала. Слезы с ее щек падали на волосы его короткой стрижки, он их чувствовал и, как мог, успокаивал подругу.

– Все позади, родная моя. Успокаивайся и мы поедем до-

мой. Они тебя не били? Как ты? Встать сможешь? – спрашивал он.

– Ноги совсем не слушаются меня, и руки я свои почти не чувствую. Парни оказались не столько привередливы, сколько брезгливы к моим критическим дням. А дни, видимо, от моего страха закончились, – всхлипывала она. – Саш, прости, у меня не только вид, но и запах бомжа. Я, услышав рев байков, решила, что меня сейчас перевезут в другое место.

Александр поднял ее на руки, вынес из места заточения, и посадил на землю, поросшую невысокой травой. Степан накинул на нее чужой тонкий плед. Два злоумышленника сидели у бытовки скованные наручниками. Диана смогла рассмотреть их лица. Где-то совсем рядом уже слышалась милицейская сирена.

– Не хочешь раздать мужикам долги? – спросил Степан Диану. – Попинай их, дай по роже, а я сделаю вид, что всего этого не заметил. Оторвись по полной!

– Я хочу забыть прошедшие сутки, как страшный сон, – тихо сказала она. – Они шестерки, есть кто-то третий.

Через три минуты отец обнял сидящую дочь и поцеловал ее в макушку.

– Саша, бери мою машину и вези Диану домой. Дальше мы сами. Вечером я заеду. – Я знаю, девочка моя родная, ты сильная и, ты справишься. Езжай домой, там тебя Паша ждет, – говорил отец.

Саша усадил Диану в машину и поехал в сторону дома.

По дороге она не могла сдерживать слез. Не было уже истерик, рыданий и всхлипываний, были только слезы, которые сами по себе текли из глаз. Она спрашивала, он отвечал или наоборот. Он видел, что Дине не до разговоров, но надо было ее чем-то отвлечь. Обнявшись с Павлом Ивановичем, она направилась в ванну. Снимая одежду с себя, она бросала ее в пакет, чтобы выбросить. Ей казалось, что этот запах будет преследовать ее всегда. Стоя под душем опять плакала. Плакала от волнения и страха, которые испытала, плакала от радости, что все закончилось, от жалости к Павлу Ивановичу. Александр рассказал ей многое, но казалось не все. Она не стала настаивать, ей хватило того, что она узнала.

– Саш, ты иди к ней. Сделай так, чтобы все плохое сменилось хорошим. Иди, сынок, а я покурю на лоджии, – попросил Павел Иванович. Ему было жаль Диану, которая пережила все это из-за него. А еще он знал, что просто словами ее не выведешь из этого состояния. Ей нужен был либо новый стресс, либо нежность и близость любимого.

Александр вошел в ванную и закрыл за собой дверь.

– Ты чего, Саш? Я уже не плачу и скоро выхожу. Сань, не надо, мне нельзя, – сказала она, видя, что он снимает джинсы и футболку. – Что отец подумает?

– Тебе это нужно, – ответил он, становясь в ванную и задергивая штору. – Тебе это поможет. Иди ко мне...

Она давно не стеснялась Саши. Два года, прожитые вместе позволили им не только лучше узнать друг друга, но и

рассмотреть. Просто раньше им и в голову не приходило заниматься любовью в ванной комнате. Им достаточно было дивана или ковра. Это оказалось не самое плохое и неудобное место, если есть острое желание и богатая фантазия. Саша вышел раньше и вернулся с вещами Дианы. Он вынес ее из ванны удовлетворенной, пахнувшей шампунем, но голодной и сонной. Немного перекусив, она уснула. В это время двое неудачных похитителей давали показания, когда привезли Настю Соколову. Она многого не рассказала, но главного от нее добились. Она назвала адрес предполагаемого киллера. Это был боец ОМОНа.

– Мужики, у вас на меня ничего нет. Мало ли что можно сболтнуть молодой девушкой в постели. Это может быть бравада, хвастовство, называйте, как хотите. Я не стрелял, денег не получал, а если на то пошло, скажу: в таких делах всегда есть дублер и объект будет ликвидирован по-любому.

Полковник Аверин прибыл на служебной машине в начале второго после полудня. В квартире дочери было тихо. Павел с Сашей соображали обед, а Дина спала.

– Как она? – спросил он обоих мужчин, присаживаясь к столу.

– После душа и легкого перекуса спит часа три-четыре, – ответил Саша.

– Паш, тебе надо уехать. Уехать тайно в другой город, страну, – начал Аверин. – Ты не первый раз пусть ни в такой ситуации, а подобной.

– Сань, мы с тобой говорили об этом еще десять лет назад. Ни смена внешности, ни места жительства не помогут. Ситуация знакомая, но не простая. Я никак не улавливаю конечной цели, а это плохо.

– Ты работал на контору?

– А ты большую разницу видишь между группировкой и конторой? Я ее уже лет десять не вижу. Я даже не уверен в том, продолжает ли она существовать или давно поменяла «цвет». Вы поломали чей-то план, но они обязаны взять реванш.

– Ты не первый день в этой роли, думай. Тебе дочь не простит бездействия. Ищи выход, напряги извилины, думай, – не унимался Александр Аверин. – Буря негодования через пару дней уляжется, ты должен успеть за это время исчезнуть. Дело о похищении Дианы закроют, а больше ничего и не было.

– Пап, ты сам говоришь, что ситуация не простая, но знакомая, – сказала Диана, появившаяся на пороге кухни. – Я тебя очень прошу: попробуй из нее выбраться. Я не хочу тебя терять. Пусть ты будешь далеко, но ты будешь. Сделай это ради меня, ради всех нас.

Диана впервые назвала его при всех «папа», и голос ее был не столько уверенным, сколько просительным, что Павел Иванович сдался.

– Хорошо, дочка, я попытаюсь и постараюсь. Неси Санька чемодан из моей машины, держи ключи. Давайте обедать, а

потом у меня для вас будет небольшой сюрприз. Ты дома, жива и здорова, и мне нужно брать пример с тебя и не раскисать, – Китаев пытался улыбнуться.

Александр принес из машины чемодан, и они сели обедать. Всем было интересно, чем закончилось дело. Аверину пришлось коротко обо всем доложить. Диане вопросов старались не задавать, но она сама рассказала, что слышала и какие выводы сделала. Когда убрали со стола посуду, Павел Иванович достал из чемодана папку.

– Все документы, что находятся в этой папке, я оформил три месяца назад. Не смотри на меня так, Саня. Я спиной чувствовал недоброе. Они просто хранились в банковской ячейке, а сегодня я поехал и забрал их. Это, – он протянул несколько бумаг Аверину, – передадите брату Анатолию через Наташу. С ним я распрощался вчера, он в курсе. Это – доверенность, оформленная на Наташу, по которой она сможет продать нашу квартиру. Это – доверенность на мою машину, тебе дочка.

– Ты же ее купил весной, она новая, можно быстро и выгодно продать, – перебила его Диана.

– Вот и получишь новое авто, а не старье. Это – номер счета, открытый на твое имя. Деньгами можешь поделиться с отцом, я не жадный, хотя их там не миллионы. А это Санька, на реабилитацию вам с Дианой, деньги, которые предназначались для выкупа. Свози ее в Турцию или Грецию. Куда захотите, туда и езжайте. Вам следует отдохнуть от всего

пережитого. Вроде никого не обделил. У меня к вам просьба будет: переманите Наташу в город. Пусть продает кафе и переезжает, а вы о ней позаботитесь. Вот как-то так. А теперь, мне нужен билет на любой прямой рейс на завтрашнее утро до крупного населенного пункта. Пусть это будет Казань, Нижний Новгород, Екатеринбург. Сделаешь, Санька? Паспорт настоящий, человек реальный, – он протянул паспорт и деньги Саше. Дальше я сам. Займитесь ребята делами и захватите что-нибудь вкусное к ужину на обратном пути.

Проводив двух Александров за порог, он обнял дочь за плечи.

– Диана, переедет мама в город, а она переедет, подтолкни ее к отцу, или его к ней. Санька ее любит, и она, похоже, его тоже. Я это заметил еще тогда, когда ты попала в больницу с побоями. Они должны быть счастливы вместе. Ты меня прости, если что было не так. Я обещаю, что дам о себе знать месяцев через пять-шесть. И еще, иди в комнату, – сказал Павел Иванович, вставая из-за стола. Он прошел в комнату, взял диванную подушку, расстегнул молнию на ее чехле, засунул руку внутрь и достал оттуда пачку долларов. – Таких здесь десять штук в каждой подушке и под спинкой сидения. Они лежат в этой квартире два года и в будущем тебе пригодятся. Распорядись ими по своему усмотрению.

– Пап, это твоя очередная работа? – спросила она, прижавшись головой к его груди. – Я тебя не осуждаю. Если они были похожи на Марка с его отцом, мне их не жаль. Кто-то

должен остановить этот беспредел. Без них дышится легче.

– Это, дочка, компенсация за бесцельно прожитые годы. Я себя не оправдываю, я не судья, но и не палач. На моей совести нет невиновных. Я редко брался за работу, которая вызвала у меня сомнения, – глядя ее по голове, говорил Павел Иванович. – Ты не можешь знать, что тебя ждет впереди, а с ними, пусть небольшая, но гарантия, не остаться без средства к существованию. Думаю, возражений не будет? Тогда давай посмотрим, в кого мне завтра преобразиться, чтобы своим видом шокировать не только вас всех, но и случайных людей. До ужина у нас есть с тобой время.

Глава 5

Ночь с пятого на шестое июля, для всех обитателей квартиры, выдалась беспокойной. С рассветом из подъезда дома Дианы вышел мужчина лет тридцати пяти-сорока, от которого голубизной несло издалека. Таксист, выйдя из машины, сплюнул, но чемодан пассажира погрузил в багажник. Заказ был в аэропорт. Александру и Диане оставалось ждать и надеяться на удачный перелет и посадку за тысячи километров. Аверин контролировал посадку на рейс в аэропорту. Диана справилась со своим состоянием после похищения. Теперь все ее мысли были об отце, и волнения она испытывала именно по поводу его отъезда. Она позвонила матери, и та обещала приехать на выходные дни.

– Саш, дождемся сообщения о «мягкой посадке» и давай поедем куда-нибудь недели на две, – предлагала Диана.

– Согласен. А что мне делать с деньгами, которые передал мне твой отец? Там на десять поездок хватит.

– Открой счет на свое имя, можешь два. Один под проценты, второй «работающий» на карту.

– А куда бы ты хотела поехать? Павел Иванович предлагал Турцию. Но у меня есть к тебе предложение: пока Наталья Петровна будет в гостях, я на пару дней съезжу к своим родителям. Потом переформишь машину, найдем ей, если ни гараж, то место на стоянке. Тогда мы можем отдыхать с

чистой совестью, не имея головной боли. Я у тебя молодец?

– Ты у меня гений. А куда поехать, решим, когда узнаем, что нам могут предложить. Зайдем в турфирму завтра, хотя продукты нам нужны уже сегодня. Ты, друг мой любезный, не забыл, что у нас с тобой еще день практики? Давай завтракать и вперед. Знаешь, учитывая последние события, нам уже сегодня подпишут отчеты, и мы до вечера все успеем.

– Балует тебя Павел Иванович. Боюсь, мы с тобой на зарплату не проживем, – говорил он, обнимая подругу, прижимая ее к себе. – Если у Павла Ивановича все получится, можно будет считать, что большие неприятности мы пережили.

– Будем держать за него кулаки, и перестраиваться сами, – улыбнулась Диана. – Я девушка избалованная только твоим вниманием, других недостатков, как и повышенных запросов, у меня нет. Мы же, как-то прожили два года и не умерли. Правда, с отдыхом нам все время помогали. На хлеб ты зарабатываешь, а на масло, попросим у папы. Хочешь, давай не полетим далеко, а своим ходом заберемся туда, где кроме нас не будет никого, – говорила Диана, прижавшись головой к его груди.

– Вариант хороший, но не лучший. Мне приказано свозить тебя на отдых, а не на пикник. Мы можем выбрать экономичный вариант, но главное с хорошей кухней и широкой кроватью.

– Вариант широкой кровати, устраивает меня больше всего, – смеялась Диана. – Полетим туда, куда предложат.

Так они за шутками позавтракали и отправились на службу. Диану встретили в отделе с любопытством и интересом. Такое событие, как похищение не просто практиканта, а дочери шефа, не могло остаться незамеченным. Получив все бумаги по практике, Диана зашла к отцу и поделилась планами и новостями. Отец планы одобрил и пообещал быть к ужину. Диана предложила Саше переоформить машину и вдвоем на ней поехать к его родителям до поездки на отдых. Саша ухватился за это предложение. Он давно собирался познакомиться ее с родителями, но боялся отрицательной реакции. Теперь для него все складывалось удачно.

– У Ани день рождения десятого. Просила в подарок не что иное, как мультиварку. Я плохо соображаю, для чего она ей нужна, но возражать не могу.

– Темнота. Большая кастрюля, в которую загружаешь все продукты, задаешь программу, и она сама выдает готовое блюдо. Мне больше нравится обычный способ приготовления пищи. Готовишь дольше, но результат лучше. Платону можно купить недорогой планшет, а Оле – куклу. Остаются родители и зять. Здесь тебе лучше знать, что кому нужно, – рассуждала Дина.

Вечером за ужином отец сообщил, что Павел Иванович час назад приземлился в аэропорту Хитроу.

– Вы с утра занимайтесь машиной, а я мать встречу и привезу сюда, а дальше решение примем все вместе. Будем ее агитировать переезжать в город, – говорил он, уезжая в де-

сятом часу вечера.

– Как бы мне хотелось, чтобы меня любили так, как мою маму любит отец. Почти тридцать лет прошло, а чувства его не прошли. Папа однолюб, мама, на этот раз, смирится с его службой. Без Павла Ивановича ей будет сложнее, с папой легче, но беспокойнее.

– Я буду любить тебя еще крепче...

– Только сегодня или завтра тоже? – смеясь, спросила Диана, перебив его и повиснув у него на шее.

– Умеешь ты все повернуть в свою сторону, – подхватывая Диану на руки, говорил Александр.

– А о чем я могу еще думать на каникулах, когда рядом со мной умный, молодой человек, решающий все вопросы? Такой родной, близкий и сексуальный...

Утром, встретив маму, которую привез отец, они позавтракали и отправились переоформлять машину на новую владелицу, неспеша возвращаться домой. Они давали возможность родителям выяснить отношения. Наталья Петровна выслушав бывшего мужа, не была сильно удивлена отъездом Павла и его решениям. Она догадывалась о его прошлом и настоящем, а его расправа с отцом и сыном Золотовых только подтвердила это. После расстрела отца и сына, город вздохнул спокойнее. О неизвестном стрелке целый год ходили легенды, в которые верили, если не все, то большая часть населения. Перед своим отъездом, он признался, что может не вернуться назад, и она предположила худшее.

– Паша никогда меня не любил. Он заботился о нас и позволял себя любить. Мне казалось, что моей любви хватит на двоих, но я ошиблась. Мне особо и упрекнуть его не в чем. Жили мы мирно, он уважительно относился к моей маме, отношения с Диной были хорошие. Кафе мне купил, чтобы я и работала и не напрягалась. Уезжал раз-два в год на пару недель, а потом опять работал в своем сервисе. Со стороны наша жизнь с ним казалась идеальной, за исключением одного. Он редко вспоминал о том, что я не только его соседка по месту жительства, но и его, пусть гражданская, но жена. А мне хотелось не только его внимания, но и его самого. Мне было тридцать пять, теперь сорок четыре, – говорила она, вставая с табурета и подходя к окну. – Возможно, я старею и не вызываю того интереса, как раньше, но мне хотелось и ласки, и нежности и близости. Жив, и хорошо. У меня к нему нет претензий, но и любви тоже нет, – говорила Наталья Петровна чуть взволновано.

– Не умение любить, ни его вина, это его беда. Он просил позаботиться о вас. О Дине есть, кому позаботиться, а я позабочусь о тебе, – говорил Аверин, подходя к ней и нежно обнимая за плечи. – Ты не можешь не знать, как я к тебе отношусь. Мы с тобой давно ни дети, чего ходить кругами.

Его поцелуи сводили женщину с ума, и она доверилась ему...

– Я низко пала в твоих глазах? – спросила Наталья, не глядя на Аверина. – Прости. Мне этого хотелось.

– Наташка, глупая. Для нас все только начинается. Что нам стоит попробовать еще раз? Я тебя не тороплю. Приму любой вид брака. Хочешь официального предложения, я готов его сделать. Нет у тебя уверенности в завтрашнем дне, продавай там квартиру, покупай здесь, если тебя не устраивает моя жилплощадь. Осенью выйду на пенсию, найду работу в городе. Выбор за тобой, Наташа.

– Как на все это посмотрит Диана? – нерешительно спросила она. – Мне как-то неловко говорить с ней об этом.

– Она за нас порадуется. Ей не придется разрываться между нами, чтобы другого не обидеть. Два дня в неделю она не будет напрягать Саньку, опекая своего отца. Она четыре года готовит мне, стирает, убирает и даже вещи покупает. Один комплект вещей хранит у себя, на непредвиденные обстоятельства.

– Ты сейчас говоришь серьезно? – с удивлением спросила она.

– Я похож на шутника? Все так и есть. Отказавшись жить в моей квартире, она могла пропустить ее посещение только в случае моей командировки. Два раза в неделю приезжала, как на работу. Она берет с меня деньги только на продукты, а я, зная, где она хранит свои, понемногу подбрасываю. В свою зарплату «выдаю» ей стипендию. Она никогда не просит в долг. Сашка подрабатывает. Они и отдыхать едут исключительно на «шальные» деньги.

– Значит, ты настроен на мой переезд? – спросила Наталья

Петровна, глядя ему прямо в глаза.

– На твой скорейший переезд, – обнимая ее, отвечал Аверин.

– Я перееду, Саша, обязательно перееду. Обещаю не тянуть, а теперь давай я буду готовить молодежи обед и ужин. Как ты думаешь: у них это серьезно? Почему они не женятся?

– Вопрос, Наташа, не ко мне. Александр парень хороший и Диане нравится. Мне кажется, она до конца не уверена ни в нем, ни в себе. Опасается, что он может встретить другую, или наоборот она. Хотя, я могу и ошибаться. Живут они дружно. Пусть так и будет. Собираются вместе ехать к его родителям в гости. Как там примут нашу дочь?

– Диана выросла не в роскоши и достатке. Ты сам говоришь, что она самостоятельная и непривередливая. Просто-то нельзя достоверно сыграть, где-нибудь сфальшивишь. Ты к обеду вернешься или к ужину? – провожая Аверина, спрашивала Наталья.

– Вечером я заберу тебя с собой, а вернусь, как получится. В моей службе ничего за это время не изменилось, но срок службы закончится осенью. Я тебе это обещаю, потерпи немного, – целуя ее, уходя, говорил полковник.

Молодежи понадобилось больше полдня, чтобы переоформить право на машину, получить документы и новый номерной знак. Они съездили на автосервис, где Саша подрабатывал и даже нашли место на охраняемой стоянке неда-

леко от дома. Диана, умеющая водить машину, поинтересовалась:

– Саш, Лексус дорогое удовольствие? Как она с точки зрения надежности? То, что у нее четыре ведущих и литраж три и пять, это я понимаю.

– Она или он, как правильнее? Короче: машина класс, но одно плохо. Запчасти на нее очень дорогие. Заметь, я сказал: очень. Делай выводы: лучше чаще проходить осмотр и предотвращать возможные неприятности. А, вообще, учитывая время ее покупки и эксплуатации, тебе не о чем беспокоится лет пять. Уяснила? У меня к тебе условие: пока я не буду уверен в том, что тебе эту игрушку можно доверить, твое водительское удостоверение побудет у меня. Поедем обедать, узнаем, что решили родители и повезу тебя на короткие курсы вождения.

Наталья Петровна сама начала разговор с ними за обедом.

– Мне Саша многое рассказал и пригласил переехать к нему. Он меня не торопит, но настроен решительно. Согласен на поход в загс второй раз. Думаешь, мне стоит принять его предложение? – глядя на дочь, спросила мать.

– Это будет правильным решением, мам, – обнимая мать, говорила Диана. – Женщине нужно мужское плечо. Меня Павел просил: вам двоим помочь. Ты не сильно сопротивлялась? Папа у нас настырный, а с возрастом становится, как кремень. Что решила с переездом?

– Перееду, как только продам квартиру бабушки и Пав-

ла. Кафе предложу купить Анатолию. Думаю, он согласится сделать жене такой подарок. Ты сможешь мне помочь с переездом за пару недель до занятий? Я не буду брать ничего лишнего.

– Мам, у меня весь август свободен. Я помогу, чем смогу. Ты мне скажи откровенно: ты с желанием хочешь переехать или по необходимости, чтобы не оставаться там одной?

– Не заставляй меня краснеть. Я не просто переезжаю в город, я переезжаю к нему. Думаю, вопросов больше не будет к матери?

– Будет и ни один. Посоветуй, что можно купить нужного Сашиним родителям для первого знакомства?

Они долго перебирали один вариант за другим, а Саша выступал независимым экспертом. Он лучше знал, что нужно его родителям. Позже они уехали на уроки вождения, потом был ужин вчетвером. После него отец увез мать к себе. В воскресенье Дина и Саша купили подарки всем членам семьи. Утром во вторник, они купили цветы и поехали в поселок к родителям Саши, попав к его сестре на день рождения. Вернувшись из гостей, Дина поговорила с отцом, сумев его убедить, и тот помог устроить ей свидание с Настей. Она шла к бывшей подруге с одним вопросом.

– Скажи, Настя, чего ты хотела добиться? Я поняла, что деньги здесь дело второстепенное. За что ты меня так ненавидишь? Чем я тебя обидела? Ты первый раз предала меня, как Иуда, теперь хотела смешать с грязью? – спросила Дина,

не надеясь на честный ответ.

– Ты сама отказалась от меня, обвинив в предательстве. А что такого я сделала? Да, привела тебя в клуб, а во всем остальном я не виновата.

– Виновата! Ты предала и продала меня, зная зачем. Ты и теперь ухватила за возможность унижить меня в глазах Саши. Это все из-за него? Ты так его любишь, что идешь на любую подлость? Что с тобой случилось? Когда?

– Когда? Когда вы начали жить вместе. Это для меня был удар ниже пояса. Я не могла с этим смириться. Кого угодно рядом с ним я бы пережила, но не тебя, такую честную и правильную. Помнишь рейд милиции на третьем курсе? Они должны были найти наркотик у тебя в сумке. Но тебе в очередной раз повезло. Как и куда ты его дела? – задала Настя вопрос так, как будто спросила о конспекте. – Я перевелась в другую группу, чтобы не видеть ваших довольных физиономий, но не рассталась с мыслью тебе насолить.

– Значит, мелкие пакости твоих рук дело? Все из-за ревности? Настя, зачем тебе Санька? Он не богат, не тусовщик, как ты. Да, перспективы у него есть, но ты бы не стала их ждать? Тогда что?

– Ты все равно не поймешь. Зачем ты пришла? Прочитать мне лекцию «Что хорошо и что плохо»? Опоздала.

– Глупая. Разве можно кого-то заставить себя любить? Чего тебе не жилось спокойно? Ты, бакалавр, имеющий юридическое образование, представление имеешь, сколько тебе

светит за твою глупость? Ты довольна своими подвигами?

– Я тебя ненавижу, как и этих двух придурков, которые не сделали того, что должны были сделать. Не надо сейчас мне читать мораль. Я знала, на что шла. В этот раз вы все выиграли, но я еще возьму свой реванш, не сомневайся, дай время, – с вызовом сказала Настя. – Запомни это, Диана Аверина.

– Ты оказалась глупее, чем я думала. Ты так и не поняла, что влезла в последнее дело добровольно-принудительно, и времени у тебя на реванш не будет. Тебе его просто не дадут, дурочка. Мне тебя жаль, хотя ты этого и не заслуживаешь. Прощай.

Отдых в Турции, куда они прилетели четырнадцатого июля, им понравился. Во-первых, они никогда не были за пределами России. Сочи они считали «домашним» отдыхом. Своеобразная кухня, обычаи, культура – все было в новинку. Про теплое море и обилие экзотических фруктов разговоры были лишними. Во-вторых, их отношения, как будто перешли на новый уровень с тех самых пор, как самолет совершил посадку. Возможно, «заграница» так повлияла, но столько внимания и нежности они еще не дарили друг другу. Вернувшись из Турции, они узнали, что Наталья Петровна продала кафе брату Павла, что на квартиру бабушки, которая сдавалась в аренду, уже есть потенциальный покупатель, а квартиру Павла Ивановича купят, как только продадут свою. Что все свои вещи она перевезла к Аверину, с ко-

торым неделю назад подали заявление в загс вторично. С началом учебного года Диана перестала посещать квартиру отца. Теперь о нем было кому позаботиться. Молодые люди жили дружно, оканчивая учебу на пятом курсе. Бывали в гостях у родителей по выходным, но старались не надоедать. В октябре родители Дианы оформили брак. Чуть позже их ожидал еще один сюрприз. Отец ушел на пенсию, но работать он продолжит за тысячи километров, точнее в Москве. Сразу после Нового 2008 года они уезжали, и мать была не против еще одного переезда.

– Диана, ты знаешь, что я получал эту квартиру на семью? К моменту развода она была уже наша. Потом мама отказалась от доли в приватизации, и у нее стало два собственника в твоём и моём лице. Там мне предоставят служебную жилплощадь, а мама хочет вложить деньги, полученные от продажи недвижимости, не в сомнительное дело, а в покупку жилья. Вы с Сашей можете занимать эту квартиру на законных основаниях, – говорил перед отъездом отец.

Молодежь не торопилась с переездом. Нынешняя квартира была в десяти минутах ходьбы от университета. Им хватало места в своей квартире, а в скором времени их ожидала практика, после чего государственные экзамены. Они приняли решение: получить дипломы, сделать после этого ремонт в квартире отца и до выхода на службу переехать, а уж потом продавать свою старую квартиру. «Новая» квартира им обоим очень нравилась. И нравилась не столько лишни-

ми метрами, сколько расположением. Тихий район, отличная транспортная развязка, в шаговой доступности все социальные объекты, своя крытая стоянка, а самое главное, сам дом был моложе лет на двадцать. Хотя метры тоже значили немало: кухня метров двенадцать, отдельная спальня около пятнадцати квадратов.

Экзамены были сданы, дипломы получены и с первого августа их ждала служба. Диана не догадывалась, она знала наверняка, с чьей подачи она будет служить в правовом отделе городского управления внутренних дел. Отец перед отъездом раскрыл карты.

– Начни там, а потом решишь свое это или нет. Ты можешь пойти по стопам Сани и пойти в угро, но тогда вы будете видеться еще реже.

Выпускной решили отметить в доме отца однокурсника за городом. На свежем воздухе, но не на природе. Компания собралась большая, больше двадцати человек.

– Мы с вами проучились вместе пять лет, но, ни разу не собирались все вместе. Чтобы избежать неприятных моментов, хочу вас предупредить: по периметру участка стоят камеры, но есть и муляжи. Кому как повезет, друзья мои, – говорил приятель.

Все мероприятие началось с гостинной, потом переместились в сад. Было не просто весело, а интересно. Хозяин дома, после танца с Дианой, положив ей руку на талию, отвел в сторону.

– Аверина, скажи честно: почему ты выбрала Смирнова? Что в нем есть такого, чего нет, к примеру, во мне? – спросил Стас, глядя на нее пристально. – Хорошо, не будем брать меня конкретно. Пусть это будет Свиридов или Терновский. Парни из приличных семей, заметь, не бедных. Сейчас твой отец живет и работает в Москве, а ты не едешь туда и остаешься здесь. Из-за него? Сашка хороший мужик, я не спорю. Чем ты его взяла и зачем?

– Скажу тебе честно: это он меня взял, а не я его, – пыталась пошутить она. – К чему этот вопрос?

– Постой со мной здесь минут пять, сама поймешь. У твоего Ромео не так много достоинств перед нами. Он такой же, как мы все. Смотри.

Диана стояла рядом и видела, как Саша шел в обнимку с девушкой, но не из их компании.

– Ты это имел в виду? И что ты этим хочешь мне сказать? – спросила она, расстроенная увиденным.

– Тебе пора сменить партнера, а ему партнершу. Я готов за тобой начать ухаживать, – говорил он. – Согласна?

– Идиот! – сказала Диана, влепив Стасу пощечину, и неспеша направилась к сладкой парочке. Александр прижал девушку к дереву, целуя ее в шею и запуская свою правую руку ей под короткую юбку. – Ты не ошибся в выборе? – спросила тихо Диана. – Забыл о камерах в порыве страсти? Подсунули профессионалку, а ты этого, дурак, даже не заметил, – сказала она и направилась к выходу.

Такси ее доставило домой. Она приняла душ и сидя на кухне с бокалом вина и сигаретами вспоминала жизнь крайних трех лет. Именно столько они прожили со Смирновым. Вспоминалось только хорошее, и хотя внутри было пусто, слез не было. Ей казалось, что она в квартире ни одна, но ее этот факт мало беспокоил. Она так и уснула за столом, положив голову на руки. Александр, открывший дверь своим ключом, появился в квартире минут через десять после Дианы. Он просел на пол в прихожей и ждал, сам не зная чего. Прошло больше часа, когда он прошел в кухню и увидел до селе неизвестную ему картину. Он был уверен в том, что Диана не простит ему случившегося, но не мог уйти, не поговорив с ней. Он поднял девушку на руки и перенес ее на диван. Он не знал, что скажет ей. Записи с камер комментариев они не требовали. «Диана дала Стасу пощечину только за слова, а я полез под юбку ночной бабочки, и это видела не только она», – думал он, присаживаясь на ковер у дивана, положив на него голову. Они проснулись почти одновременно.

– Давно сидишь, – спросила Диана каким-то чужим голосом.

– Давно. Сначала сидел в прихожей, потом перенес тебя из кухни на диван и сел рядом.

– Я чувствовала, что в квартире кто-то есть, но мне был безразличен этот факт, – она говорила, глядя мимо него. – Зачем ты пришел? Мне так больно не было даже тогда, когда меня Марк пинал. Иногда, поступки говорят гораздо больше

слов. Это, как раз тот случай. Тебе лучше уйти. – Она встала с дивана и прошла в кухню.

– Диана, я сделал глупость из-за ревности, но ведь измены не было, – нерешительно начал говорить Александр.

– Но могла быть, да еще на глазах приличного числа зрителей. Ты об этом подумал? Ты, гребаный юрист, сам был удивлен предложением Стаса. Неужели не ожидал подвоха? О камерах он признался сам и всем, значит, с него вопроса нет. И ночная бабочка там появилась не случайно. Не ты, так другой попался бы в ее сети, но честь выпала тебе, как самому несдержанному.

– Дина, прости меня. Что я должен сделать, чтобы ты забыла эту выходку? Если бы Стас насильно уводил тебя, я набил бы ему морду, но ты сама пошла с ним. Я поторопился с выводами.

– Простить? Я попробую, – говорила она, вставая с табурета и подходя к окну. – А ты, для начала, продемонстрируй мне то, что собирался сделать под деревом с ней, не помешай я тебе. Смелее. Я хочу знать, как далеко ты бы зашел.

Александр растерялся. За три года, прожитые с Дианой, она никогда не отказывалась от близости, но и не была ее инициатором, кроме самого первого случая на море. Могла его спровоцировать, пошутить над той или иной позой, но никогда не просила о чем-то откровенно. Теперь она ждала от него того, что могла наблюдать со стороны, и ни одна, случись это на самом деле. В этом было что-то неправильное.

Александр подошел к ней вплотную, надеясь на то, что Диана говорит несерьезно.

– Дина, прости, но я бы не смог зайти слишком далеко на виду у публики. Ты считаешь меня совсем безголовым? Я не был пьян на столько, чтобы не соображать. Это все моя ревность.

– Тогда сделай это без свидетелей. Не можешь или не хочешь?

Для нее долгий и страстный поцелуй Александра не был чем-то необычным, но когда рука Саши коснулась тела под туникой, надетой на голое тело, она вздрогнула...

– Ты действительно меня ревнуешь? – спросила Диана, глядя на него своими карими глазами, в которых «прыгали чертики».

– Я тебя очень люблю. Ты всегда была рядом, и я не мог даже представить с тобой кого-то другого. Уже отпуская тебя на танец со Стасом, я понял, что совершил ошибку. Дальше, чуть не вылез из собственной шкуры, а позже понял весь его замысел, – прижав ее к себе, тихо сказал он.

– Саш, ревность плохое чувство, а если она без повода, сильно обижает. Если ты мне не доверяешь, к чему нам продолжать отношения? Я дорожила нашими чувствами, а если и позволяла себе быть чуть распушеннее, то только с тобой.

– Почему в прошедшем времени? Ты меня совсем не любишь?

– Ты был мне нужен, очень нужен, – сказала Диана, гля-

дя ему в глаза, – а любовь это, влюбленность или страсть, я не знаю. Каждый по-своему понимает любовь. Я просто не представляю свою жизнь без тебя. Меня, как будто лишили ни руки или ноги, а части души, – призналась она честно.

– Мне кажется, нам пора пожениться, – обнимая Диану, сказал Александр. – Я не могу и не хочу тебя потерять. Возможно, новый статус придаст мне уверенности в том, что ты только моя. По натуре, я жуткий собственник.

– Ты жуткий зануда. Ни один штамп в паспорте еще не дал гарантии долгого и счастливого брака. Я не буду против него, но у меня есть к тебе одно предложение. Я за долгий и счастливый брак, но если один из нас вдруг увлечется, давай не будем делать из этого тайну. Все тайное когда-то становится явью. Лучше будет сразу признаться. Это больно, неприятно, но честно.

– Вот так просто, взять и честно сказать? А если это минутная, скажем, слабость или порыв, о котором ты уже сам жалеешь? Если это искушение от лукавого? – улыбаясь, спросил Александр.

– Я не вижу в этом особой разницы. Измена, она и есть измена, и не важно, длительная она или кратковременная. А чтобы особо остроумным было понятнее, задам всего один вопрос: тебе, какие рога больше нравятся, молодого олененка или ветвистые рога взрослого оленя?

– Ты могла бы наставить мне рога? – удивился Александр.

– А ты о чем подумал, когда увидел меня со Стасом? Разве

не о том? А я о чем подумала, когда увидела тебя с девицей? Все это неправильно. Если между нами не будет доверия, то грош цена нашему браку. Я понимаю, не сказать о тех вещах, которые не касаются нас двоих, возможно. Можно не посвящать в рабочие моменты, в тайны, доверенные тебе кем-то. Но в наших личных отношениях не должно быть недоговоренности и тайн.

– Я с тобой согласен, пусть не во всем. За что ты влепила ему пощечину?

– Он собрался за мной ухаживать. Намерений своих не скрывал, а девица, видимо, должна была открыть мне глаза на твою измену. Вот так все просто.

– Поговорим о свадьбе? Какой ты ее видишь?

– Чего о ней говорить? Распишемся, но только без всяких пышных церемоний и торжеств. И, давай уже займемся ремонтом квартиры, а не пустыми разговорами. Нам через месяц выходить на службу. Отметим торжество через год в отпуске.

Они подали заявление в загс и начали косметический ремонт. Дело доверили специалистам, учитывая вкус и желание хозяйки, и руководила всем Диана. Часть мебели они перевезли из старой квартиры в новую. Заменяв на кровати матрас на новый, получили целый спальный гарнитур. Кухонный уголок хорошо вписался на новом месте, а кресла, отлично уживались с их диваном. Даже ковру нашлось место. С бытовой техникой оказалось еще проще, ее сдали. Ис-

пользуя программу утилизации, они, таким образом, заменили: две стиральные машины на машину-автомат, два холодильника на один большой, два телевизора на одну плазму, сэкономив часть денег. Переехав окончательно, Диана выставила квартиру на продажу. Кроме «новой» жилплощади, для Александра был еще один приятный момент. Теперь он мог пользоваться машиной Тойота Ленд Крузер Прадо, оставленной ему Авериним. Он стоял на крытой стоянке прямо у дома. Нашлось место и для Лексуса Дианы. Теперь они жили в другом районе города, на приличном расстоянии от старой квартиры, но гораздо ближе к местам работы. Первого августа они оба вышли на службу. Брак зарегистрировали девятнадцатого сентября две тысячи восьмого, отметив это событие с родителями Дианы в ресторане. Родители прилетели утром. Регистрация была в шестнадцать. Отец сам пригласил фотографа. Кольца молодые выбрали скромные, чтобы не бросались на службе в глаза.

Изначально, Диана была против, какой бы то ни была, свадьбы. «Саша, распишемся, посидим в кафе, ты подарешь мне цветы, и довольно. Хочешь меня видеть нарядной, я куплю себе, так и быть, свадебное белье. Все, дорогой! Посуди сам: чтобы прилететь моим родителям на два дня, на одни билеты уйдет немало. Членов твоей семьи, а их много, где-то нужно размещать. Все эти расходы понесут родители. Мы с тобой только начали работать», – говорила она. Точку в споре поставила старшая сестра Александра

Анна. «Дина, ты не права. Родители будут большие переживать, если не устроят сыну свадьбу. Как они это объяснят родственникам? – говорила Анна. – Невестка взбрыкнула и не уважила деревенских родичей. Своих родителей пожалей. Единственная дочь тайно вышла замуж и не пригласила родителей. Со стороны это так и выглядит. Вы регистрируетесь здесь, как положено с ужином, фотографией, а на следующий день, утром, приедете в поселок своим ходом. Мы все приготовим. Чего не будет хватать, привезете. Родители наши познакомятся между собой. К вечеру можете уехать, можете остаться. Наши родители тебя знают, а родственники только и твердят: «Не по себе шапку Санька себе выбрал». Развей сомнения, сделай, как я советую». Диана поставила в известность своих родителей, передав разговор с Анной, которые ее поддержали, и твердо обещали приехать. Платье в пол с длинным рукавом без всяких излишеств из мягкого кружева, белое и нарядное, приобретено было ей в свадебном салоне, как белье и туфли. Костюм Саши выбирали вместе.

– Диана, дочка, ты не беременная? – спросила смущенно мать. – Как-то неожиданно. Жили, не планировали, а теперь все наспех.

– Нет, мам, не беременная. Поживем, поработаем года три, а там подумаем. Какие наши годы? – ответила она. – Мы были не связаны обязательствами, а теперь в ответе за тех, кого взяли в супруги. У Саши работа не сахар, а у меня ха-

раक्टर не подарок. Вдруг, один из нас «сломается». Я вообще не хотела никакой свадьбы. Считай, поддалась на уговоры сестры Саши.

Двадцатого сентября в восемь утра «свадебный» Лексус выехал из города. За рулем сидел Аверин, рядом с ним жена, а сзади молодожены. Костюм Саши и платье Дианы аккуратно висели на плечиках. Прическу «невеста» сделала с утра. Они приехали в дом сестры в десять с минутами, а в двенадцать подъезжали к дому родителей Саши уже при параде. Столы были накрыты прямо во дворе под брезентовым тенем. Гостей собралось человек тридцать-сорок, не считая зевак за забором. «Санька себе невесту из городу выбрал, а родители девчонки из самой Москвы прилетели», «Машина какая, под стать невесте. Ее она или отца?», «Ее, она еще в прошлом годе приезжала с Санькой», «Вот тебе и Санька! Такую девку отхватил с квартирой и машиной. Повезло», «Можя, это ей повезло. Санька парень хороший. Таких в городе не делают. Учились они вместе» – слышалось из-за забора. Родители Дианы, да и она сама выросли в небольшом городке и совсем недавно стали горожанами, поэтому быстро нашли общий язык со сватами. А то, что было не по вкусу, так в чужой монастырь не идут со своим уставом, а часов пять-шесть можно потерпеть ради детей. Свадьба прошла весело и с деревенским размахом. Они выехали в шесть вечера. Пока было светло, машину вела Диана, а вторую половину пути за рулем сидел Александр. Родители мирно поса-

пывали на заднем сидении. Отдохнув и собрав вещи, забрав гостинцы в виде продуктов сельского хозяйства, они уехали в аэропорт на такси в два часа ночи. Впереди был выходной.

Глава 6

Прошло чуть больше пяти лет. За это время ежегодные отпуска Александра и Дианы редко совпадали полностью. Но они умудрялись использовать их частично, отдыхая вдвоем на море. Диана летала к родителям в Москву, а Саша ездил к своим. В две тысячи одиннадцатом им присвоили очередные звания. Реформа, связанная с переходом милиции в полицию, принесла только материальное удовлетворение. Но получив повышенное денежное содержание, они лишились льгот, а форменную одежду получали в течение двух лет, как и удостоверения. Александр в конце января собирался в двухмесячную командировку в Сочи, где в марте две тысячи четырнадцатого открывалась зимняя Олимпиада. Шестой год они были женаты и около года Диана не предохранялась. С врачебной точки они были оба здоровы, им было по двадцать девять лет и пора было подумать о наследнике. С какой-то смутной тревогой она провожала мужа в командировку.

– Мне кажется, мы расстаемся надолго, – говорила она на перроне вокзала. – Мы впервые расстаемся на такой большой срок, и мне от этого не по себе.

– Два месяца пролетят быстро и я, в начале апреля, если ни в конце марта, вернусь, – обнимая жену, говорил Александр. – Это ни командировка на Кавказ, а считай, внеоче-

редной отпуск в Сочи. Я буду часто звонить, не грусти, и я хорошо помню наш с тобой уговор.

Если бы ни работа и ни токсикоз, случившейся беременности, она сошла бы с ума. Две недели она очень скучала, не зная чем себя занять. Потом скучать было некогда. По утрам ее выворачивало наизнанку, обедать в столовую она не ходила, из-за посторонних запахов. Дома ела всухомятку и только то, чего хотелось. Иногда этот фокус проходил, иногда давал сбой. Она купила тест, который показал положительный результат. На прием она попала только десятого марта. Срок беременности, согласно УЗИ, был семь-восемь недель. « Сашка позвонит, и я сообщу ему новость», – думала она, поднимаясь к себе в кабинет. Она радовалась, как ребенок и не сразу услышала сигнал пришедшего сообщения на свой смартфон, который подарил муж на день рождения. Она достала его из сумки и открыла почту. Это было короткое видео, смонтированное из нескольких частей: Сашины сослуживцы за праздничным столом, у Саши на коленях девушка, целующая его, после тоста. Поцелуй вроде невинный, но многообещающий. Эта же самая девица в неглиже, кадры стали откровенными и совсем откровенными. Лицо с ярко выраженными эмоциями, девушка не прятала, а вот лицо партнера, который активно двигался, попадало в кадр частями. Но по прическе, цвету волос это был человек с первого кадра, а значит, Саша. Видео продолжалось не более минуты. Диана успела посмотреть его дважды, когда прозвучал

входящий вызов ее смартфона.

– Ты получила видео? – спросил женский голос. – Готовься к разводу, теперь он мой, – говорила она, явно ожидая ответа.

– Да я не против развода. Я бы тебе и на слово поверила. Ты кто такая? – поинтересовалась Диана.

– Марина Житнова. Саша служит в отделении, где начальник мой отец. В Сочи мы прекрасно проводим время. Ты в этом теперь убедились? – с вызовом спросила девушка.

– Я рада и за тебя, и за твоего папу, а главное за своего мужа, – ответила она и отключилась. Нашла функцию «переслать», нашла контакт мужа и отправила ему его кино.

День был испорчен. В голову ничего не шло. Там поселился всего один вопрос: почему? «Конечно, тесть бывший полковник, и полковник действующий, весомый аргумент, но Саша никогда не был карьеристом. Почему не хватило смелости признаться? Так было бы честнее. У нас был такой уговор, – думала Диана. – Недолго музыка играла. Говорят, что все через это проходят. Как бы мне хотелось исчезнуть куда-нибудь месяца на три, чтобы не видеть сочувствующих или откровенно злорадствующих лиц. Найдутся и такие». Ее мысли прервала Анжела из пресс-службы.

– Ты в столовую идешь? – спросила она, ожидая попутчицу. – Не хочу тебя огорчать, но и промолчать не могу. До меня тут слухи дошли, что у твоего Сашки, вроде, как роман.

– Так роман или вроде? С кем? Когда? Выкладывай, раз

уж начала, – Диане, получившей сообщение, нужно было это знать.

– Я не уверена и склонна думать, что слух исходит от самой виновницы. Тебя не было, когда мы отмечали День милиции в ресторане. Там на него глаз положила дочь Житнова. Оторва еще та, диплом папа ей организовал, может и зятя решил найти. Твой Сашка не рвется наверх, и менять тебя на нее не станет. Но будь бдительна, девица непроста, – говорила она с нотками грусти. – Если и не уведет мужа, нервы тебе эта сука испортит основательно.

– А я что могу изменить? Перекупать использованный товар я не буду. Три-четыре месяца в использовании, это такое б/у. Как ты думаешь, она сейчас тоже в Сочи? – стараясь говорить спокойно, спросила Диана.

– Ты еще и шутишь? Наплачешься одна, – словно не слыша вопроса, говорила Анжела.

– А что мне остается делать? Ты думаешь, подруга, при таком отношении я не наплачусь с ним? За девять лет, видимо, он от меня устал. А чтобы не плакать одной, возьмешь меня в свою компанию, научишь, как пережить подобное.

– Дуреха ты, Диана Александровна. Уступаешь мужа без боя.

– С кем воевать и за что? С предателями разговор короткий, а на сильно мил не будешь. Больно, обидно, но не смертельно. Ты же у нас живая. Пережили свадьбу, переживем и развод.

Звонок смартфона Дианы прозвенел через час после отправки видео.

– Да, Саша, я тебя внимательно слушаю, – ответила она мужу на входящий звонок. – Хочешь прокомментировать мне кино?

– Откуда у тебя это кино? – спросил он без предисловий.

– Сегодня прислали. Я подумала, тебе будет интересно узнать, чем развлекают жену в твое отсутствие.

– Дина, я тебя очень прошу: пожалуйста, подумай, прежде чем предпринимать что-то. Я этого не делал. Клянусь! Через двадцать дней я вернусь. Обещай дождаться и поговорить.

– Обещаю только одно: я помогу собрать тебе вещи.

Приехав после работы домой, Диана не находила себе места. Ее: то одолевал страх перед будущим, то наступала полная апатия. Уже час она лежала поперек кровати, уставившись в потолок и думая обо всем случившемся. «Я привыкла к его присутствию рядом с собой. Мы были рядом почти девять лет. Все эти годы он оберегал меня, опекал, любил. Мне казалось, что так будет всегда. Надо это просто пережить, подумать о себе и больше, о малыше. Он, дай Бог, родиться в октябре, значит, до этого времени все страхи, слезы и сомнения в сторону. Надо бы поесть», – подумала она, вставая и направляясь в кухню. Маршрут изменил звонок домофона. «У вас продается славянский шкаф?» – она узнала этот голос и нажала кнопку. Лифт только остановился, а Диана уже стояла у открытой входной двери. Из лифта в квартиру

прошли двое мужчин. Только закрыв входную дверь, она повисла на шее Павла Ивановича.

– Господи, родной, как же ты рискнул, папка? Раздевайтесь, проходите, – говорила она, волнуясь. – Ты необычно выглядишь: ни то банкир, ни то крутой бизнесмен.

– Угомонись. Дай я на тебя посмотрю. Хороша! Я знаю, что Сашка в командировке. Приехал я сюда легально на Олимпиаду. Правда, сейчас я должен быть там, но я здесь. Вечером поздно вернусь в Москву. Это Виктор, мне его «одолжил» на время твой папаша перестраховщик. Я был у них. Тебе большой привет и зовут в гости. Кофе в доме есть? Идем на кухню, а все разговоры потом. Держи пакет с сухим пайком.

– Пап, скажи мне только одно: тебе тяжело так жить? – она вглядывалась в родные черты, чуть забытые за неполные семь лет. – Ты голоден? Я дома сейчас практически не готовлю.

– Дуреха. Не важно, где жить, важно с кем и для чего. С этим у меня все в порядке. Конечно, я скучаю, иначе бы не приехал. Но, ностальгии, поверь, у меня нет.

– Ты на маму сердисься? – нерешительно спросила Диана.

– Я не помню, читал или слышал такую фразу: « Не можешь сделать женщину счастливой, отойди в сторону, не мешай другим». Наташа заслуживает счастья и Сашка тоже. Мне очень хочется, чтобы они были счастливы, – говорил

Павел Иванович, обнимая дочь. – Рассказывай, что у тебя в жизни происходит, мы почти семь лет не виделись. Хотя, я кое о чем наслышан.

– Есть в жизни положительный момент – я беременная, есть отрицательный – я развожусь со Смирновым. Чтобы долго не оправдываться, посмотри это, – сказала она, протягивая ему свой смартфон с записью. – Мне неудобно тебе показывать, но лучше раз увидеть, чем передать словами. Кино прислали сегодня, я его получила после посещения врача. Ты можешь сохранить обе новости в тайне? – спросила Диана, разбирая пакет и включая чайник.

– Я могу. А надо ли? В том, что это монтаж, я уверен, но вот то, что это, ни твой муж, твердой гарантии дать не могу. Хотя большие сомнения есть. Смартфон не позволяет рассмотреть четче партнера, крупнее. Ты, дочь, обратись к хорошему программисту.

– Ты что, издеваешься? Я буду доказывать его невиновность или подтверждаю очевидное? Я этого делать не буду. Родителям я обо всем расскажу, но позже, а вот Саньке нет. Срок маленький, все может случиться. Я очень хочу, чтобы малыш родился. Не сглазить бы.

– Обещаю, от меня никто ничего не узнает, Ты потянешь ребенка одна? – спросил отец, моя руки на кухне под краном.

– А ты на что? – улыбнулась Диана. – Шучу. Ты думаешь это можно проглотить и забыть? Можно знать и прощать в очередной раз?

– Остынь. Я хочу, чтобы ты принимала решения обдуманно, а не на эмоциях. Приедет, пусть сам выбирается из дерьма, если виновен, а нет, не топи его в этом дерьме заранее. Я ясно, дочь, выражаюсь?

Они проговорили больше двух часов, после ужина и кофе, перейдя в комнату и пригласив Виктора к столу на кухне. Павел Иванович коротко рассказал о семи годах своей жизни, о том, что узнал от Аверина. Они вместе посмотрели фото со свадьбы Дианы. Он расспрашивал дочь, давал советы. Они еще раз выпили кофе и чай, прежде чем распрощаться.

– Пап, а чемодан? – спросила дочь, с удивлением посматривая на небольшой чемодан, который оставался в прихожей.

– Чемодан тебе в нагрузку. В нем подарки от двух папаш и мамы. Разберешься сама. В ближайшее время не жди, а вот через год, полтора увидимся. Обещаю.

– Пап, я ни о чем не спрашиваю, но я очень хочу, чтобы ты был здоров и счастлив. Береги себя, – говорила она, а на глаза наворачивались слезы. Она чувствовала, что следующая их встреча будет совсем не скоро.

– Сырость не разводи. Береги мне внука или внучку и помни о нашем разговоре, – сказал он, крепко обняв дочь и целуя ее в лоб. – У тебя все будет хорошо со Смирновым или без него, поверь. Пока, родная.

Проводив Павла Ивановича с Виктором, Диана перекаатила небольшой чемодан в комнату, поставила его у дивана и

раскрыла. На самом верху лежал корешок долларов, который она бросила на диван. Дальше были уложены детские вещи на возраст от четырех до шести месяцев, от шести до девяти. Вещи были без ценников, но с фирменными ярлыками и в пакетах местного детского магазина. Комбинезоны, кофточки, штанишки, шапочки, костюмчики, зимний комбинезон молочного цвета с вышивкой. «Ну, папка, удивил, так удивил, – подумала она, улыбнувшись. – Ты отследил мои «телодвижения», сделал выводы, приобрел вещи, сделал свои дела и, под занавес, заехал ко мне, уже зная о беременности. Знал и промолчал. Как это на тебя похоже. С такой спонсорской помощью мы с тобой малыш проживем и без папы, хотя с папой было бы лучше. – Дальше лежали презенты от мамы. Кофе, чай, конфеты, шоколад, красная икра. – Мама никогда не смирится с тем, что здесь все это есть, правда не всегда качественное. Переубедить ее в обратном, себе дороже», – вновь улыбнулась Диана, читая короткое письмо: «Саша вернется из поездки, отметите 23 февраля и 8 Марта, если купите шампанское. Поло для него, туника для тебя. Целуем. Мама и папа». В упаковки с подарками были вложены купюры с видом Хабаровска. Перенеся продукты на кухонный стол, она достала небольшую дорожную сумку, рассмотрела все и сложила в нее детские вещи, убрав ее в антресоль шкафа. Пустой чемодан поставила на полку в кладовой, а продукты разложила на полки шкафа и холодильника. Набрав номер телефона матери, она поблагодарила ее за

презенты, пообещав приехать в отпуск. «Когда мне в него лучше пойти? – подумала она. – Декрет, даст Бог, мне светит где-то в августе. Летом жарко. А что, если пойти в отпуск в апреле? Еще не жарко, уже не холодно, да и с Сашей встретаться придется меньше». С этим мыслями она села за синтезатор. С тех пор, как они начали службу, Диана чаще садилась за инструмент тогда, когда ожидание Саши со службы затягивалось, когда она проводила время от домашних дел одна. Это была ее отдушина. Она не устраивала концертов, а коротала, таким образом, время. Теперь у нее этого времени было предостаточно. Уходишь на работу еще темно, возвращаешься, уже темно. Светлое время суток выходных дней, она использовала для поездки на рынок, магазин, прогулки. Вечерами устраивала уборку или стирку. Много ли этих дел, если ты живешь в квартире одна, бывая там лишь вечерами? Александр вернулся четвертого апреля. Диана шла в отпуск с понедельника, а это было седьмое число, и улетала в Москву с шестого на седьмое. Она не спешила с работы домой в пятницу, все время, откладывая встречу с мужем. Открыв дверь своим ключом, она вошла в прихожую и увидела мужа.

– Привет, – тихо сказала она, стараясь не встречаться с ним взглядом, присаживаясь на табурет. – Саш, давай без объятий и долгих объяснений. Я не вижу смысла обсуждать очевидное.

– Привет. Ты на диете? Холодильник полупустой, – спросил он, помогая ей снять обувь. – Поговорить со мной не хо-

чешь?

– Обязательно поговорим. Я собираюсь в отпуск. Улетаю в ночь с воскресенья на понедельник. Ты сам можешь о себе позаботиться. Что купишь, то и поешь. К тому же подружка, живя в городе, думаю, не оставит тебя голодным. У нее на тебя большие планы. Вопросы еще ко мне будут? – спрашивала она обычным тоном, переодеваясь, стоя к нему спиной. – Родители передали тебе подарок. Держи. Внутри денежный знак, – она бросила на кровать упаковку.

– Когда ты вернешься?

– Не знаю. Я об этом не думала еще. У меня впереди месяц. Навещу родителей, потом планирую посетить Питер и ближнее Подмосковье. Примут хорошо – задержусь на три-четыре дня у каждой. Трудно загадывать, мы долго не виделись, – говорила Диана, вспоминая подруг.

– Ужинать будешь? Я приготовил все, как ты любишь.

– Спасибо. Ты сам ужинай и не делай лицо обиженного мужа. В нашей с тобой ситуации рано кого-то обвинять. Аппетита у меня нет, но бутерброд с икрой и кофе с молоком буду, их передала мама. В шкафу конфеты, какие ты любишь, хороший чай, новый кофе, а в холодильнике твой любимый пористый молочный шоколад.

– Я купил продукты, заглянув в холодильник. Теперь там полный порядок. Кто привез подарки? Кто приезжал и кто в курсе истории с кино?

– Ни за что не догадаешься. Павел Иванович был у меня в

гостях десятого марта и ни один, а со «шкафом». Я даже голоса его не слышала. Его приезд привел меня в чувство, ведь я в этот день получила порнофильм с твоим участием. О кино не знает никто. Поужинали, выпил две чашки кофе, поинтересовался жизнью и распрощался часа через два. У меня язык как-то не повернулся спрашивать больше того, что он сказал. Выглядит он хорошо. Говорил, что был на Олимпиаде, видел родителей, что жизнью доволен, скучает, но ностальгией не страдает.

– Диана, а мне что делать в данной ситуации? Амнезией я не страдаю и знаю точно, что я не спал с этой девицей.

– Была другая? Саш, ты себя в кадре узнаешь? Молчишь? Ты, как бы поступил на моем месте, получив такое кино?

– Я никогда ни с кем не спал. Как тебе это доказать?

– Разберись, и либо опровергни, либо смирись. Ты думаешь, от чего я такая спокойная? Мне очень хочется верить, что это не ты, и я пытаюсь себя в этом убедить, но не получается. А если все же ты? От того, что изменить ничего нельзя. Закачу я большой скандал. А какой в этом смысл? Было это или не было, ты на видео или не ты, какая разница? Ей важно было, чтобы я это увидела, значит, был повод, причина, был мотив. Она не прислала бы мне это кино ради розыгрыша, смеха и прочего, она прислала его с определенной целью. Я уверена, что эта цель ты. Ты спрашиваешь, что делать тебе? А мне, что делать? – спрашивала Диана, начиная испытывать волнение. – Хватит об этом. Тебе положен

отпуск? Поезжай к родителям, ты обещал, помоги с отделкой дома, замените крышу. Вернешься, и, если не разберешься, попробуй найти себе жилье. Надумаешь разводиться, я возражать не буду. Если не устраивает на данный момент мое соседство, можешь уйти прямо сейчас. Ты пойми, я не могу сделать вид и вести себя так, как будто ничего в нашей жизни не произошло. Выбирай сам. Мы с тобой одно время уживались соседями.

– А если я докажу, что все это липа? – спросил Александр. – Я сделаю это, чего бы мне это не стоило.

– Чтобы вернуть мое доверие к тебе? Дерзай! В этом случае я стану ценить тебя больше. Спокойной ночи. Устраивайся на ночлег на диване, я постель приготовлю. Саш, давай договоримся с тобой: будем жить два дня тихо и мирно, без всяких претензий, упреков и обид, как два добрых соседа, и не шарахаться друг от друга в разные стороны.

– Ты даже не спросила: как я съездил?

– Ты, что, издеваешься? Мне хватило подарка в качестве кино и звонка от Марины Житновой. Все остальное ушло на второй план. Извини.

Диана, принеся чемодан из кладовой, прикрыла дверь в спальню и начала собирать вещи. Она не собиралась сидеть в Москве две недели, а планировала навестить бывших одноклассниц и подруг. Одна из них жила в Ленинградской области, а значит можно побывать в Питере, вторая – в ближнем Подмосковье. Девочек разбросала служба их мужей, и они

не виделись почти десять лет. Одним словом, планируя туристические маршруты, она брала с собой вещи по погоде и по удобству. Джинсы, брюки, никаких каблуков, свободная одежда, не сковывающая движений и прикрывающая места, которые скоро начнут меняться. Волосы, которые Александр просил не стричь, отросли ниже плеч, но выше лопаток. «С ними нужно что-то делать, – подумала она, стоя у зеркала и расплетая хитрые косички. – Стричь нельзя, это плохая примета. Значит, будем плести новые».

В аэропорт Диана уезжала на такси. «Моя машина еще на зимней резине. Обходись своей», – сказала она Александру, покидая квартиру. В первый же день Диане пришлось рассказать отцу причину своего отпуска, а точнее бегства, возможность скорого развода и своей беременности.

– Поехали дочка, посмотришь, где я тружусь, а за одним может, и развеем твои сомнения, – предложил отец. – Поговорим без присутствия мамы. Не надо ей переживать раньше времени. Новость, что она станет бабушкой, ее обрадует, а вот, плохо зная Сашку, может парня возненавидеть.

Он привел ее в кабинет, где хипповатый хозяин сидел за компьютером.

– Олег, сделай одолжение: выжми из этого кино все, что сможешь. Меня интересуют все его участники. Мне не нужны их досье, мне нужны их фэйсы. Любая мелочь от кончиков пальцев до члена.

– Сделаю, Александр Николаевич. Когда нужно?

– Вчера, Олег.

– Присаживайтесь рядом, а девушке я предложу чай или кофе. Чайник на окне, плюшки в пакете, чашки чистые, – говорил он, не отрываясь от работы, подсоединяя смартфон Дианы к компьютеру. Пальцы, сами по себе, бродили по клавиатуре, а глаза смотрели на монитор. Диана только раз взглянула мельком на экран, где кадр был увеличен до предела, и отвернулась к окну. Прошли не более получаса.

– Действующих лиц пятеро, из них лиц мужского пола четыре. Тот, что на банкете не снимался в других сценах. Я вам распечатаю увеличенные и отредактированные фото. С помощью программы распознавания лиц, они будут почти похожи на участников съемки. А теперь смотрите сюда: у первого уши плотно прижаты, а у нашего героя торчат. Пальцы на руке, державшего стакан, есть обручалка на правой руке, у других его нет. Кроме того, эти пальцы никогда не были в работе у маникюрши, а на руке одного очень качественный маникюр. Теперь о телах: место съемки одно и то же, освещение естественное, а цвет кожи у мужчин разный, как и растительность. Могу предположить, что один из них араб. И под занавес. Стрижка мужчины в одежде отличается от иных. Цвет волос почти в тон, а виски такие только у него. Короче говоря, они не похожи даже внешне. Из записи выдернули кадры «близкие», но не похожие. Этого заметить при такой скорости просмотра почти нельзя, а вот при замедленной скорости и увеличении, возможно. Этого доста-

точно?

– Спасибо, Олег. Фотографии нам, портрет президента тебе, – говорил Аверин, забирая смартфон Дианы и фото. – Кино сотри. – Что скажешь, дочка?

– Кому это было нужно и зачем? – задала вопрос Диана, хотя знала на него ответ.

– На вопрос «зачем?» ответ очевиден. Кто-то хотел прибрать твоего Сашку к рукам. Девчонка еще та штучка, а папаша вряд ли догадывается о ее досуге. Ее отец еще в майорах был дерьмом, а почуяв власть, может сломать парню жизнь. Результаты нашей с тобой детективной работы я привезу вечером. Тебя домой отвезти или прогуляешься? Может, мать навестишь на рабочем месте? Вот гордости будет.

– Я погуляю, пап. Не задерживайся, я ужин приготовлю, – говорила она, целуя отца. – Спасибо тебе. Мой Сашка невиновен!

Шагая по улице Диане, хотелось петь, а еще больше, позвонить Сашке и рассказать о выводах Олега. Но она сдержалась, вспоминая свои условия, поставленные мужу. Откуда ей было знать, что мужская солидарность уже начала «оправдание», и приложили к этому руку коллеги мужа. Она на метро добралась до торгового центра, где в одном из фирменных отделов работала ее мать.

Переехав с Авериным в Москву, Наталья Петровна сразу занялась обустройством предоставленного жилища. Квартира была двухкомнатная, но большая. Она была домохо-

звонкой до самой свадьбы дочери, а вернувшись, посоветовалась с мужем и начала искать работу. Александр Николаевич не возражал, но просил о том, чтобы она не ввязывалась не во что, не посоветовавшись с ним. Жена во всем доверяла мужу, после неудачной сделки с покупкой квартиры. Ее не обманули потому, что просто не успели. Вмешался во время именно он. Именно он, посоветовал купить ей квартиру в новом доме недалеко от станции метро. Продав свое кафе и квартиры осенью две тысячи седьмого, она уже к лету купила двухкомнатную квартиру, которую теперь сдавала в аренду. Квартира располагалась в ЖК «Раменки-20» на седьмом этаже из двадцати четырех. Это был далеко не центр, но уже через пять лет район стал одним из лучших. Работу она нашла ни сразу, и совсем ни ту к которой привыкла за последние годы. Работа сама ее нашла. Она, гуляя по торговому центру, смотрела со стороны на работников отделов, в которые требуются продавцы-консультанты. Все молодые в форменной одежде, но скучные и пассивные. Ей со стороны казалось, что они просто отбывают здесь часы работы, не думая о том, что зарплата всегда зависит от выручки и рекламы товара. Ради женского любопытства, она зашла в отдел, где ее чуть не хватил удар. На стойках и полках висели и лежали вещи, которые на вещевом рынке стоят в два раза дешевле. Она улыбнулась.

– Стыдно в таком месте торговать вещами, которые на рынке скупаются оптом, – сказала она негромко. – За два-

дцать минут к вам ни то, что не зашел ни один покупатель, он даже не посмотрел на вашу вывеску.

– Что же вы мадам предлагаете?

– Братъ товар качественнее и дороже. Покупателям делать небольшие скидки. Так у вас появятся постоянные покупатели. Они же и будут делать вам рекламу.

– А куда я дену все это?

– Носите сами, отвезите в интернаты, детские дома, раздайте. Выбор у вас очень большой.

Вот с такого диалога началась трудовая деятельность Натальи Петровны в Москве. За пять лет она «выросла» от продавца до заведующего отделом. Товар давно завозился тот, который она сама рекомендовала, сама заказывала. Он быстро реализовывался, не залеживался, на внесезонную одежду делались скидки, и владелец был доволен работой Авериной.

Диана увидела мать в торговом зале за работой и решила ее не отрывать от дела, а разглядеть чем торгует «Забота». Она неспеша проходила вдоль полок и витрин, ориентируясь по надписям. Они указывали сезон, наименование товара, кому он предназначался, размеры, предлагаемые скидки. Мать сама заметила Диану, и теперь они по отделу ходили вместе. Мама, со знанием дела предлагала ей товар, а дочь сама решала целесообразность покупки. Вернувшись в квартиру родителей с покупками, мимо которых она не смогла пройти, занялась ужином. Слетав на три дня в Питер, проведя выходные с подружкой, она направилась на па-

ру дней в Одинцово. Диана собралась вылететь домой двадцать седьмого, чтобы попасть на прием двадцать восьмого, когда пообещали назвать пол ребенка. Прием можно было, и перенести, но ей уже хотелось домой. Две трети отпуска уже прошли. Отец, уезжая на работу около восьми, подвозил на работу мать, а на обратном пути, забирал ее после работы домой. Целый день Диана, приготовившая ужин, была предоставлена сама себе и только вечером они виделись. Одним словом, она подготавливала родителей к своему отъезду. Звонок ее смартфона раздался двадцать четвертого апреля в шесть вечера по Москве. Звонил Андрей Шаров, коллега ее мужа и сообщил: « При задержании Сашка поймал две пули. Ранение не опасное, прооперировали, состояние удовлетворительное. До утра, если не до обеда, он проспит. Ты приедешь?» «Вылетаю сегодня. Утром буду», – ответила она и стала собирать свои вещи.

Рано утром, прямо из аэропорта, Диана приехала в больницу. После недолгих уговоров ей пригласили дежурного врача. Доктор посоветовал ехать домой, а часов в десять привезти мужу одежду, тапочки и поесть. « Два огнестрела: одно в плечо проникающее, другое в предплечье сквозное. Особых лекарств ему не требуется, а вот кормить его надо хорошо. Никаких бульонов, а больше мяса, овощей, фруктов. Ему сил набираться надо, а вам не надо так волноваться», – говорил он. Диана вернулась домой на такси, которое привезло ее из аэропорта в больницу. Поднявшись в квартиру

и оставив чемодан в прихожей, она прошла в кухню, заметив на холодильнике листок, прикрепленный магнитиком. На нем рукой Саньки было написано: «Машину переобул. Масло и фильтры заменил. Пользуйся!» Она позвонила родителям и, обещав держать их в курсе событий, открыла холодильник. Ничего того, из чего можно быстро было приготовить блюдо, не было. Вернее оно было, но требовало разморозки. «Рынок работает с семи, машина на ходу и у меня нет проблем», – подумала она, беря сумку и ключи от машины. В больницу она приехала в десять с минутами, привезя одежду для мужа и обед без первого блюда, но с десертом.

– Я уже думал, умру, не дождавшись тебя и не сказав, что это не я на том видео, – сказал Александр негромко, держа ее за руку.

– Я знаю. Я даже знаю, кто на нем. А умирать тебе нельзя. Расскажи лучше: как ты себя чувствуешь? Был ли у родителей?

– Дом отделали сайдингом, крыша новая, стоит как теремок. Отец доволен. Слабость небольшая и есть хочется, – говорил он, видя, как жена достает его обед. – Я здесь ненадолго. Дня четыре, а потом меня переведут долечиваться в нашей больнице, а возможно и на амбулаторное лечение. Потерпишь?

– Потерплю. Давай «недостреленный» переодеваться, а потом уже обедать. Лежишь почти в неглиже, смущая женский персонал. Футболку я купила на два размера больше,

так проще будет ее снимать на перевязках. Здесь еще рубашка с коротким рукавом. В пакете мыло, щетка, паста. Тапочки внизу, полотенце на спинке кровати. Продукты я разложу после обеда туда, куда скажешь. Налетай, – говорила она, ласково глядя на мужа.

– Дина, ты сказала о том, что знаешь, кто на видео. Отец помог? – спросил Александр. – Ты ведь была почти уверена, что там не я, иначе не показала бы отцу всего.

– Ты прав, но я должна была убедиться. Я не знаю, кто они, но вот портреты их я привезла. Хочешь посмотреть? Папе объяснили, что при замедленном просмотре, факт твоего присутствия на видео, не подтвердился бы и так, – говорила она, доставая и показывая распечатанные портреты.

– Двух я знаю. Ты можешь мне это оставить? – жуя, спросил муж. – Покажу Андрею.

– Могу. Куда положить? В тумбочку? – увидав кивок, сунула распечатки в тумбочку. – Спасибо за машину. Я на ней сегодня многое успела. Да, папа просил тебя обязательно ему позвонить, как только тебе будет легче. У него есть к тебе какое-то дело.

– Я обязательно позвоню. Мне кажется или ты поправи-лась за семнадцать дней? Чем тебя родители кормили? Лично я наелся, нужна передышка. Спасибо большое.

– Я буду приезжать ближе к обеду... – начала она и не договорила. В палату вошли коллеги Александра по отделу.

– Тебе Саня звездочка на погоны упадет раньше срока, –

сказал Андрей, ставя на тумбочку пакет.

– Саш, я пойду. До завтра, – целуя мужа в щеку, сказала жена. – Спасибо вам, ребята.

– Вы что не помирились? – задал вопрос Андрей, когда за Дианой закрылась дверь.

– Ты загляни в тумбочку. Она привезла фотоморды с пленки. Узнаешь? – Теперь в палате началось оперативное совещание.

В понедельник двадцать восьмого Диана на приеме очень ждала заключения врача. «У вас будет девочка. Вес соответствует сроку. Фото сделать?» – сказала и спросила она обыденно. «Девочка, дочка», – думала она, сидя уже минут пять в машине, улыбаясь собственным мыслям. В больнице ее ждал еще один сюрприз. Сашу выписывали «долечиваться» в своей больнице. Собрав вещи, он сел в машину.

– Дина, поехали, я быстро решу этот вопрос и буду лечиться амбулаторно, сказал он решительно. – Я дома быстрее поправлюсь.

Уже через час они поднимались в свою квартиру.

– Бросай вещи в стирку, я потом с этим разберусь. Обед будешь есть тот, который я полдня вожу с собой. Ты голоден?

– Голоден и давно. С самого отъезда в славный город Сочи.

– Я хотела поговорить с тобой именно об этом, – говорила она улыбаясь. – Ты знаешь, что это такое? – она протянула мужу снимок УЗИ. – Это первая фотография нашей доче-

ри. – Она ожидала реакции мужа, а он молчал. Смотрел на нее, улыбался и молчал. – Але! Очнись!

– Все – таки получилось, – тихо проговорил он. – У нас получилось! Господи, получилось! – повторял он, и голос с каждым повтором становился громче. – Дина, родная, мы будем с тобой родителями. Когда это получилось?

– В конце января, точнее не скажу. Оба доктора гарантируют четырнадцать, пятнадцать недель.

– Три месяца и ты молчала? Прости меня, я совсем забыл о неприятных моментах. Как ты себя чувствуешь?

– Токсикоз прошел, но выворачивало меня основательно и долго. Аппетит хороший, ты сам заметил, что я поправилась. Учитывая наш темперамент, получила консультацию, которую коротко можно изложить так: «без фанатизма, нежно и бережно, с максимальными удобствами», – говорила Диана, а ее карие глаза светились. Именно эти глаза сводили Смирнова с ума и десять лет назад, и пять, и сию минуту...

Через месяц Смирнову Александру Дмитриевичу присвоили очередное звание «капитан» и выдали премию в размере оклада. Свой отпуск он перенес с августа на октябрь, возражающих коллег по этому поводу не было. Диана пошла в декретный отпуск в конце августа, получив в начале месяца звание капитана. Теперь ее день начинался с приготовления завтрака и проводов мужа на службу. Часа три она гуляла или ездила и гуляла, все зависело от того, какие дела ее ожидали. Возвращалась в полдень, готовила обед-ужин, отдыха-

ла. Домашние дела не скапливались, частые стирки и уборки были излишними. Диана давно взяла за правило не надоедать мужу вопросами по работе. То, что можно, он расскажет сам, а того, что ей не нужно знать или ее расстроит, лишнее. Утром она желала ему удачного дня, а вечером встречала вопросом: «как прошел день»? Если, он отвечал: «все нормально» или «как обычно», Диана допросов не устраивала. Он уставал, она это видела и старалась вкусно накормить, дать лишнее время для сна и отдыха. Но когда у него был выходной, их роли менялись. Он приносил ей цветы, ходил по пятам с одними и теми вопросами: «ты как себя чувствуешь? Тебя ничего не беспокоит? Есть не хочешь»? Диану умиляла такая забота.

– Сань, – говорила она, – я от твоих вопросов, начинаю искать устраивающий тебя ответ, и, как правило, нахожу его в постели.

– В этом случае, я понимаю, что у тебя все в норме, в порядке, перестаю нудеть, а у тебя и дочки просыпается аппетит, – смеялся он.

– Ты нас и так раскормил. Я набираю вес больше чем можно и нужно. Как я буду его сбрасывать после родов? Ты «пампушек» не любишь.

Чем ближе подходил срок родов, тем сильнее волновался муж. Он названивал через каждые два часа, пока не подписал рапорт на отпуск с двадцатого октября и успокоился. Теперь жена была под присмотром. Они вдвоем давно выбрали

кроватьку и коляску, но купить их Александр должен будет сам, пока жена будет в роддоме. Схватки начались в ночь с субботы на воскресенье после часа. Дина родила в 06:20 двадцать шестого октября. Девочка весом 3850 и ростом 51 см. подала голос сразу. В палату мамочка попала перед завтраком. Ночь у Александра прошла без сна. Жена позвонила, прочитав его сообщение: «Спасибо за дочь. Я вас люблю».

– Саш, ложись и выпишись. Раньше семнадцати я тебя не жду. Все необходимое я взяла с собой. Целую.

Дочку принесли маме в двенадцать. Маленький сверток так и норовил выпасть из рук. Диана кормила дочку и улыбалась, а та в свою очередь, смешно хмурилась, теряя сосок, а получив его, жадно причмокивала. Дочь папа назвал Валерией, которую вместе с мамой выписали тридцать первого октября. От Дианы скрыли тот факт, что ее родители прилетели за два дня до выписки. Она матери не перечила, зная, что все временно, и давала возможность Наталье Петровне «покомандовать». Маленький скорпиончик вел себя в полном соответствии с гороскопом, испытывая терпение матери и выдержку отца. Александр сдался первым. Акции протеста всегда заканчивались маленькой победой Леры. Она засыпала и спала либо на руках отца, либо под грудью матери. Террор прекратился недели через три, когда маленькая принцесса согласилась спать в своей кроватьке. В декабре Александр отметил свое тридцатилетие. К Новому 2015 году Лере было уже два месяца, она хорошо набирала вес, имея хо-

роший аппетит, и поменяла свой характер. В январе и Диане исполнилось тридцать лет. С наступлением весны жена освободила мужа от всех хозяйственных покупок и занялась этим на пару с дочерью. Сделав покупки, они гуляли. Кухня всегда была рядом, как и памперсы. В марте приехали знакомиться с внучкой родители Александра. Между Дианой и мужем возникло некое временное недопонимание.

– Саш, ты видишь, они чувствуют себя не в своей тарелке. Они у нас в гостях первый раз и как будто бояться: ни то сказать, ни то сделать. На своей территории они были совсем другими, помоги им. Скажем, спроси совета, попроси помощи, устрой поездку туда, куда они хотят. Побудь заботливым сыном. У нас под задницами две машины, а они добираются автобусом. Это неправильно.

– У меня работа, Дина, но я попробую.

Диана поговорила с Дмитрием Васильевичем и Татьяной Михайловной, посадила их в машину, поставив кресло переноску с Лерой, и повезла туда, куда те, если и не планировали попасть, то предложение приняли. Полдня они находились в разъездах, вторую половину проводили в квартире. Диана сама просила о чем-нибудь свекровь, чтобы та почувствовала себя при деле. Через три дня, к вечеру, Александр увез родителей домой.

– Спасибо, Дин. Отец с матерью остались довольны. Теперь и Анна с детьми планируют летом приехать.

– Пусть приезжают. Это твоя семья. Детям будет интерес-

но сходить в цирк, зоопарк, в парк аттракционов. Ты сам давно там был?

– В цирке или в зоопарке? – серьезно спросил муж, не ожидая подвоха.

– Этого тебе хватает на службе, – улыбнулась жена.

Глава 7

Лере в апреле шестнадцатого исполнилось полтора года, и Диану попросили выйти на работу, предоставив место в детском саду для дочери, с первого июля. Вопрос стоял хотя бы о выходе временном. Лера была уже самостоятельным ребенком. Она сама умела кушать и давно приучилась к горшку. Смирнов не был против детского сада.

– Давай попробуем. Возможно, период адаптации в столь юном возрасте пройдет безболезнее. Бабушек рядом у нас нет, а на няню ты добро не даешь. До зимы посмотрим, что из этого получится.

Майские праздники закончились, и Диана решила начать проходить с Лерой комиссию в детский сад. «Мне самой будет спокойнее, если мы начнем ходить в сад по два-три часа, потом на полдня и, возможно, за месяц привыкнем», – думала она. Третий день они посещали детскую поликлинику, записываясь на прием к специалистам и сдавая анализы. Сегодня они управились позже. Было двенадцатое мая, начало первого после полудня. Держа Леру за ручку, Диана неспеша переходила проезжую часть, чтобы попасть на парковку к своей машине. Все произошло за секунды. Двери, остановившейся напротив нее «Газели» открылись и она остановилась. Леру один мужчина подхватил на руки и оказался в салоне, ее туда небрежно втолкнули. Дверь захлопнули, маши-

на со скоростью рванула с места. Один из молодых мужчин помог ей встать и усадил на узкое сидение, второй передал ей на руки Леру, которая не успела испугаться и расплакаться. Только усадив дочь на колени, и прижав ее к себе, она рассмотрела салон. Это было грузовое авто с перегородкой из металла от кабины водителя и единственными окнами на задних дверях.

– Что это было? – спросила она, глядя на двух похитителей.

– Будешь вести себя правильно, через сутки окажешься дома, – ответил тот, что казался постарше и, разобрав смартфон Дианы, вынул батарею, карту памяти, приоткрыл дверь и выбросил их под колеса.

Всю дорогу, а она длилась минут тридцать, ехали молча. Машина остановилась, ей завязали глаза, вручили ее сумки и просто взвалили на плечо. Второй нес Леру. Они поднимались по лестнице, где пахло сыростью. С нее сняли повязку в помещении, как только захлопнулась входная дверь, и передали на руки Леру. Диана по планировке поняла, что, скорее всего, это квартира старой постройки в доме, предназначенном под снос или заброшенном. В комнате стояли две старые кровати, но матрасы на них лежали чистые. Полы были со следами старой покраски, но без следов пыли, хотя и с разводами. Другой мебели в комнате не было, как и части стекол в рамах. Стекла заменили пленкой и кусками обоев, сорванных со стены.

– Проходи, присаживайся. Разговор у нас с тобой будет короткий, но важный для тебя, – сказал немолодой мужчина, который был в помещении до их приезда и теперь сидел на старом табурете напротив кровати. – Нам не нужна ни ты, ни девочка, ни твой муж. Единственное, что нам нужно, чтобы он умерил свой пыл и не путал карты пасьянса, разложенного другими. Он хороший оперативник, просчитал ситуацию, только сейчас ему лучше прислушаться к мнению своего же руководства. Вот поэтому вы здесь. То, что мы не скрываем своих лиц от тебя, не значит, что ты умрешь. Это ни кино, душа моя, это расчет на твое женское благоразумие. Подумай о дочери.

– Но вот попользоваться тобой мы можем и хотим с большим удовольствием, – вставил самый молодой в этой компании. – Грех не трахнуть.

– Рот закрой! – повысил голос старший.

– Она тоже из ментов, – сказал второй похититель, доставая из сумки Дианы удостоверение и паспорт. – Фамилия у нее другая, но штамп в паспорте есть. Аверина Диана Александровна.

– Ты че, решил пошутить, прикалываешься? Я еще ни разу не имел ментовок, – довольный своим выводом, сказал молодой.

– Уймись, Серый. С ней Макс останется, а ты мне там будешь нужен. Так на чем мы остановились? Не тронут они тебя, не бойся. Значит, ты дочка господина полковника в от-

ставке?

– У меня два отца. Китаев зачал, а Аверин вырастил. Общаюсь я и с тем и с другим, – сказала Диана специально, в надежде на известность в отдельных кругах имени Китаева Анатолия. – Дети не выбирают родителей.

– Это ты правильно заметила. Вернемся к нашим баранам. Что тебе нужно для дочери на сутки? Пиши, что купить из еды, питья. Дом этот не жилой. Здесь нет ни света, ни газа, ни бомжей. Они не бывают здесь по той причине, что до города далеко, а транспорта, увы, здесь нет. Вода есть, но, скажем, грязная, для туалета. Воду, которую тебе привезут, экономь. Греть ее можешь на сухом горючем, Макс подскажет. Будешь под его присмотром. И мой тебе совет: не делай глупостей. Взгляни в окно и поймешь, что даже если одолеешь Макса, до города тебе с ребенком не добраться без чьей-то помощи. Думаю, что ты не станешь свидетельствовать против нас, если мы вдруг облажаемся. Ты не глупая женщина, юридически образована, ни первый день в этой системе и знаешь ее изнутри. Я всегда плачу по счетам, какими бы они не были, и ты должна понимать такие вещи. Запомни это.

Пока двое переговаривались на кухне, третий, в течение получаса, привез все по списку Дианы и даже больше. Он заступил на дежурство, а двое покинули квартиру.

– Телефон заберите, батарею и номер можно заменить и восстановить, – сказал охранник. – В пределах квартиры можете перемещаться. Продукты разберите сами. Я уйду, как

только стемнеет, а вам лучше остаться до рассвета. Ваш муж еще не знает, что вас похитили. Решение возникло внезапно, и не было времени искать место ближе и удобнее. Все поменялось за минуты. Вас саму можно было спрятать и в городе, а вот с маленьким ребенком, проблема. Не разлучать же вас. Да, я купил свечку, она лежит в ящике стола, зажигалку я оставлю на подоконнике. Идемте, я покажу вам, как пользоваться горючим, – говорил он, зажигая походную горелку и ставя на нее небольшую кружку с водой. – Одна кровать ваша, вторая моя, – сказал он, натянув на голову капюшон, засунув руки в рукава толстовки, лег на кровать.

Диана не знала, который час, но сообразила, что после всего случившегося, дочь пора кормить. Она с дочерью на руках, сняла закипевшую воду и разобрала пакет с продуктами. Пачка каши, пюре, сок, творожок для Леры, бутылки и бутылочки с питьевой водой, полбатона нарезанного хлеба, подложка с колбасой, пачка печенья и две бутылочки питьевого йогурта. Здесь же была разовая посуда: небольшие стаканы, тарелки и маленькие ложки. Сменив Лере трусики, помня об экономии воды, вытерла руки влажными салфетками, которые были у нее в сумке. Диана разбавила кашу, которая оказалась молочной, остывшей кипяченой водой, открыла баночку пюре и накормила дочь, одновременно поедая сделанный для себя бутерброд. Держа Леру на руках, убрала продукты в пакет, а использованную тару и посуду в целлофановый пакет. Тихонько напевая, стала качать

дочь, ходя по комнате от окна к двери, думая обо всем случившемся. « Парня я, возможно, одолею, стукнув по голове табуретом, добуду ключ. Что дальше? За окном, два бывших двухэтажных дома, от которых остались только стены, да кое-где рамы. Дальше, что-то в виде посадки, а за ней поля. Где это может быть? На окраину города не похоже. Мы ехали минут тридцать пять, значит, могли оказаться в пригороде. Но где? – думала она. Достав из сумки Леры пеленку, она застелила ею матрас, положила дочь и прилегла сама. – Будь я одна, я попыталась бы сбежать, но мне нужно думать о дочери. Она проснется, а через три-четыре часа наступят сумерки, потом ночь. Нельзя оставаться на улице. Будем ждать рассвета здесь. У нас есть все, чтобы продержаться до утра». Она не слышала сопения охранника, и можно было предположить, что и он не спит, ожидая дальнейших действий заложницы. С этими мыслями Диана уснула. Лера проснулась первая, разбудив мать своим лепетом. Охраны в квартире не было. Входная дверь была заперта, а за окном краснел закат. « Сколько же мы проспали? – подумала Диана. – Надо накормить Леру пока не стемнело. Что он говорил про свечку? – обувая дочь и ставя ее на пол, говорила она сама себе, шагая с дочерью в кухню. – Даже бы если дверь была открыта, куда идти?» Она заметила, что пакет и вся пустая тара исчезли. Теперь продукты лежали в другом пакете. Накормив дочь и сложив посуду в пакет, она заметила на подоконнике пачку сигарет и зажигалку. Открыла ящик

колченогого стола и увидала новую толстую свечу. Взяв дочь за руку, второй взяла табуретку и свечку, сунув зажигалку в карман. Поставила табурет у кровати, на него свечку, проверила работоспособность зажигалки. «Теперь, дочка, у нас и свет будет, пусть и не яркий. Зажжем его, как совсем стемнеет, а пока посмотрим в окошко, – говорила она вслух. – Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что нашего папу прессуют. Прессуют свои же, но чужими руками. Что-то должно произойти не без ведома, а может, и по замыслу руководства. Что-то нестандартное, что-то, что заставило прибегнуть к похищению, которое исключит срыв. Что же ты, братец Санька, накопал или надумал такого, что только страх за нас может это пресечь? Чем это все закончится для нас всех?» С наступлением темноты, Диана зажгла свечу, посадила дочь на кровать и достала из ее сумки «походные» игрушки. Они всегда находились там, вместе со сменной одеждой по сезону, влажными салфетками, двумя пленками и памперсами. Открыла свою сумку и убедилась, что все осталось на своих местах, включая деньги. Испортили только смартфон. Наведя ревизию, она почувствовала приступ голода. Страх перед предстоящей ночью, сменился именно этим чувством. Лера сидела на кровати, то складывая свое добро в свою же сумку, то доставая. Диану пронзило словно током. Она вдруг обратила внимание на то, что Лера делает все молча. Она за весь день ни разу не заплакала, но и не лепетала. Это было для нее так неестественно.

«Лера, зайка, не пугай маму. Ты чего сегодня такая тихая? Давай мы с тобой, солнышко, песенку споем или позови меня громко. Как Лера умеет громко кричать? А как Лера плачет? – просила она дочь, начиная петь детские песни. Лера надула губы и заплакала. Причем заплакала по-настоящему со слезами. Она взяла девочку на руки, потрогала ее лоб губами. Лобик был обычной температуры. – Потерпи, девочка моя. Мама с тобой. Нам с тобой до рассвета продержаться, а при свете, мы что-нибудь придумаем». Лера постепенно успокоилась и уснула, а саму Диану начала бить дрожь. Уложив дочь на кровать, укрыла ее своим пиджаком, поставила рядом табурет, сняв с него свечу и прошла в кухню. Она стояла у окна и курила, сигарета в пачке была всего одна. Скомкав ее, туша окурков, она всунула все это в бутылку от йогурта, а зажигалку положила в карман брюк. Съела несколько печений, запивая их водой, и вернулась в комнату. Свеча расплавилась и, оставив после себя приличный огарок, потухла. «Еще час, полтора и наступит рассвет, – успела подумать она, когда дверь бесшумно открылась, и она увидела свет фонариков. Дочь захныкала, Диана взяла ее на руки, прикрыв пиджаком, и плотнее прижала ее к себе. – Мы здесь одни, – сказала она негромко, понимая, что пришла помощь. В свете фонариков она увидела мужа, который протянул к ней руки, чтобы забрать дочь.

– Уйди, я сама, – сказала Диана, поднимаясь с кровати. – Собери вещи и возьми сумки.

Она спускалась по лестнице, в лучах фонарей, светящих ей под ноги. У дома стояла машина скорой помощи и автобус ОМОНа. Доктор помог ей подняться в салон и спросил:

– Что-нибудь беспокоит?

– Я в порядке, а вот дочь полдня и ночь ведет себя подозрительно тихо. Меня это пугает. Она все время была у меня на виду.

– Поехали в больницу, возьмем кровь, сделаем анализы. Так будет спокойнее и вам, и нам.

– Диана, когда они ушли? – спросил Александр.

– Тебя только это интересует? Двое ушли днем, третий, собирался, как стемнеет. Но я не слышала, когда он уходил, мы спали. Нам надо сейчас ехать. Если понадобится, звони после обеда, я подъеду в отдел, – сказала она и слезы сами покатались из глаз.

– Успокойтесь, все закончилось, – сказал врач скорой помощи. – Хотите, я сделаю Вам укол или дам таблетку.

– Давайте, но с условием, что я буду в здравом уме и при памяти. На мне дочь, – ответила она, продолжая плакать.

Домой Диана с дочерью попали только в восемь утра, но уже своим ходом, забрав машину со стоянки. Анализы оказались нормальными. Присутствия посторонних веществ в крови девочки не обнаружили. Леру даже накормили, принеся завтрак из детского отделения. Попав в свою квартиру, дочь сразу стала прежней. Приняв ванну, она еще раз с аппетитом поела и занялась своими игрушками. Все это время

глаза Дианы были на мокром месте. Таблетка, предложенная доктором скорой, своей роли не сыграла. Александр приехал в десять утра.

– Как Лера? Как сама? – спросил он, стараясь не встретиться взглядом с женой.

– Нормально. Ты надолго? Задержись, побудь с Лерой, я приму душ, – говорила Диана, снимая передник, под которым все еще была одежда «пленницы». Она вышла минут через десять, сразу прошла на кухню и закурила. – Я ни о чем не буду тебя спрашивать, кроме одного: у тебя неприятности?

– Рабочие моменты. Ты не хочешь поговорить с психологом?

– О чем? Со мной просто поговорили, привезли то, что просила для Леры и, молча, охраняли. Зачем мне психолог? У меня нет ни телесных травм, ни душевных. Да я волновалась, боялась, но панического страха не было. Меня просили вести себя тихо, я так и делала.

– Кого из этих людей ты знаешь? – спросил муж, показывая ей фотографии живых и не очень людей.

– Вот этого. Он один из похитителей, – сказала она, хотя узнала и Макса и «старшего». – Они были в масках. Этот снял свою от досады. Старший запретил меня трогать и увел его с собой. Чего они хотели?

– Они сделали то, что хотели. Убрали главных фигурантов по делу на выводке. Я знал, что так и будет, но я не думал, что

они не отступят от задуманного и поступят таким образом.

– Нас похитили, чтобы выводка не сорвалась?

– Да. Если ты в порядке, я пойду. Буду поздно. Справишься? – спросил он, целуя ее в щеку. – Ты подъедешь в отделение часа в три?

– Приеду. Удачи, – ответила она и отметила для себя, что Саша, сутки не видевший жену, не обнял ее, не утешил, не сказал ничего, чтобы подбодрить. – Ты справишься с проблемами, а я подожду, – сказала она вслух.

Собрав Валерию, проснувшуюся после дневного сна, Диана поехала в отделение. Сняв с нее показания, пригласили на опознание. Она помнила разговор в квартире и знала, как бы она сейчас не поступила, для ее Саши это ничего не изменит. Все давно решили наверху, а она должна подумать о семье. Она не опознала людей, которых видела сутки назад, сказав, что они была в балаклавах. Она не узнала их по голосам, придумав совсем маленькие дефекты речи. Она не слышала разговоров о цели похищения, но при этом не скрывала, что продукты для Леры они привезли, что телефон разбили еще по дороге. Она помнила слова старшего: «Я всегда отдаю долги».

– Если вспомните что-нибудь – позвоните.

– Если вспомню что, постараюсь забыть, как страшный сон.

Она вышла из отделения, усадила Леру в кресло, села за руль. «Первое, что мы с тобой сделаем, дочка, восстановим

мой телефон, – говорила она, глядя на Леру в зеркало. – Потом заправим машину, а уж после этого, заедем в супермаркет и накупим много, много вкусностей». Она видела, как неприметная иномарка ехала за ней до салона связи, потом до АЗС и ждала ее там, проводив до супермаркета, испарилась. Делая покупки, она складывала их в тележку, где сиденье нашлось и для дочери. С этой же тележкой она подошла к своей машине, переложила пакеты с продуктами в багажник. Открыла боковую дверь машины, чтобы усадить дочь в автомобильное кресло. Стекло машины, стоявшей рядом, медленно опустилось, и она услышала знакомый голос:

– Спасибо. Вы молодец. Сильная и умная женщина. Верно оценили обстановку и все сделали правильно. Срок бы нам не дали, а вот наши нервы потрепали и денег вытрясли. Вы на мужа не обижайтесь. Он считает себя виновным и в вашем похищении, и в том, что поступился своими принципами. Ему стыдно перед вами за свою слабость. Он не хочет принять то, что воевать с системой бессмысленно. Честь давно не в тренде, как говорят. Перейти черту дозволенного без потерь, дано не каждому. Держите подарок для дочки, – он протянул игрушку в форме плюшевого медвежонка. – А мужа простите, если любите. – Машина отъехала задним ходом, выровнялась и влилась в поток машин, а Диана сунула медвежонка в карман переднего сиденья, заняла свое место в машине и поехала домой. Только разобрав все продукты по полкам, она переоделась, вымыла себе и дочери

руки, собираясь с ней играть, заметила на туалетном столике в прихожей подаренного мишку. Коричнево-желтый, напоминающий мягкую игрушку, мишка, с молнией на своей спине, был рюкзачком с двумя лямками. Диана расстегнула молнию. Внутри симпатичного зверя лежал набор сладостей для детей и банковский корешок купюр в пять тысяч рублей. «Вот и я перешла грань дозволенного. С одной стороны, можно расценивать это, как компенсацию за ночные неудобства, с другой, за сокрытие виновников этих неудобств. С одной стороны я потерпевшая, с другой – лжесвидетель», – думала она, убирая деньги в ящик.

Смирнов вернулся с работы поздно. Жена и дочь уже спали, и ночевал он в комнате. Диану прорвало утром, когда накормив Леру, она приготовила завтрак мужу, от которого он отказался.

– Саша, что происходит? Я второй день дома, а ты ведешь себя так, как будто меня не похитили, а привезли прямо из публичного дома, где я провела весело полдня и ночь. Мне в данной ситуации глубоко наплевать, какую черту ты перешел, какими принципами поступился, какой закон нарушил и кому чем обязан. Мне было важно услышать слова утешения, сочувствия, сопереживания. Ведь по большому счету мы оказались заложниками по твоей вине. Я знаю гораздо больше того, что говорю, и чем ты думаешь. Мы прожили с тобой больше десяти лет, и я не давала тебе повода не доверять мне. Я не опознала этих двух, думая о тебе, а не о

законности. Мне плевать на закон, который не может защитить мою семью, как и на представителей этого закона. Ты, моралист хренов, подумал, что я пережила с дочерью? Какого было мне, и как ты меня встретил? Ладно, я могу понять напряжение первого дня, хотя это слабое оправдание. Тебе меня совсем не жаль? А знаешь, сегодня суббота. У тебя есть два дня, чтобы исчезнуть из этой квартиры. Мне было очень страшно, но еще страшнее твое равнодушие. Нам не о чем больше говорить, да и не зачем.

– Мне действительно лучше пожить одному, да и тебе будет спокойнее. Извини за причиненные неудобства, я не хотел вас подставлять, так сложилось. Мне очень жаль и тебя, и дочь, но ты сама мне не позволила стать вам ближе. Я завтра съеду, – сказал он, вставая из-за стола и направляясь к выходу.

Диана слышала, как щелкнул замок входной двери. Так плохо ей не было давно. Муж принял все ее доводы и согласился с ними. Уткнувшись лицом в подушку, она заплакала. «Как же больно осознавать, что тебя больше не любят. И кто? Человек, который занимал половину твоего сердца. А может, я перегибаю палку? Нет! Причем здесь перегиб, если он со всем согласился?» Она, то успокаивалась, то опять начинала рыдать, но при этом не забывала о дочери, которая находилась рядом. Звонок домофона прервал ее мысли. На пороге стоял Андрей Шаров.

– У тебя ко мне дело, Андрей? Проходи, мы с Лерой в

комнате, – приводя лицо в порядок, говорила она.

– Диана, что у вас происходит? Почему Сашка ищет квартиру? Ты сама как? Отошла после шока?

– Ты пришел в роли друга или адвоката? Я спрошу тебя напрямик, и от твоего ответа будет зависеть продолжение нашего разговора. Сколько Сережке лет?

– Четыре, пятый пошел. А что?

– Как бы ты поступил, если бы вызволил жену и сына? С самых первых минут, как только их увидел? Только честно отвечай.

– Радовался, обнял, поцеловал, старался быть первые дни рядом.

– Молодец, а меня этого лишили. В первый день, Саша мне предложил поговорить с психологом. Я дома сутки. Кроме дежурного «Как ты?» и поцелуя в щеку, я не услышала ни слов сочувствия, ни утешения. Он, ближе, чем на метр, ко мне не подходит. Это нормально? Я не требую от него объяснений, но я не только на него обижена, я оскорблена таким его поведением. Может, я в чем-то провинилась? Такой ответ тебя устраивает?

– Мне казалось, что Сашка с тебя пылинки сдувает.

– Почему казалось. Так оно и было, но в один момент все исчезло, а появилась холодность, недоверие, равнодушие. Я попросила его уйти, а он не возражал. Вот и все.

– Диана, я не могу тебе всего рассказать.

– А я и знать не хочу ни о чем. Причем здесь ваша служ-

ба? Для меня важны были несколько минут внимания, заботы, поддержки моего мужа, а не капитана полиции. Я что, не понимаю, где он служит и чего от этой службы можно ожидать? Или я обвинила его во всем, что произошло? Считай, что адвоката из тебя не получилось. Извини.

Андрей вышел из квартиры расстроенный. Ему было не по себе. Он не первый год дружил со Смирновым, и как никто другой понимал его. Он знал, насколько дорога Александру Диана, и не мог представить того, о чем она рассказала. «Сашка просто не мог не обнять жену и дочь. Он чуть не сошел с ума, пока их не нашли», – думал он. – «Что-то здесь не так». За восемь лет службы, он многое узнал и понял о Смирнове. Многие коллеги считали Александра «подкаблучником», когда тот отказывался расслабиться в бане. Он только посмеивался и говорил: – «Извините мужики, мне больше нравится холодный душ, а в вашем Содоме и Гоморре я не найду для себя ничего нового. Ради чего я там буду отсвечивать? У меня нет ни бытовых, ни сексуальных проблем, и расслабляться я буду дома. У меня ко всему этому свое отношение: «Что позволено Юпитеру, не позволено быку, а я не хочу быть быком». Мало кто предал значение этой фразе, но Андрей понял, что Александр, это и есть Юпитер, а его Европа – это Диана.

В понедельник Диана с дочерью закончили «медосмотр» и получили разрешение на посещение детского сада. Детский сад работал с семи тридцати до восемнадцати, а рабо-

чий день Дианы начинался в восемь и заканчивался в семнадцать. Он находился всего в пяти-семи минутах ходьбы дворами. На машине этот маршрут длился минут десять-двенадцать. Возвращаясь домой, она услышала звонок своего смартфона. Звонил отец.

– Чем занята, дочка? – голос его был загадочным.

– Домой едем из поликлиники. Нас детский сад ждет через две недели.

– Ты не хочешь нас навестить? У меня для тебя есть сюрприз.

– Я тоже богата на сюрпризы и позвоню тебе из дому, как приеду, – пообещала дочь.

– Договорились. Целуй Лерочку!

Ставя машину на парковку, Диана уже думала о звонке мужу.

– Саш, мы с Лерой летим к папе на пару недель. Если тебе удобно, можешь воспользоваться нашим отсутствием, – говорила она, входя в подъезд.

Она накормила дочь, подумав, заказала билет по интернету на утро завтрашнего дня. « Чего тянуть? Полетим сразу. Вещи у нас все есть. Да и много на две недели их не нужно. Главное из всего: документы, деньги и Лерина сумка», рассуждала дочь, набирая телефон отца и называя номер рейса и время. Уложив Леру спать, Диана вышла на лоджию и закурила. Эта привычка у нее то – появлялась, то – исчезала. Тяга к курению могла возникнуть внезапно, как и отвращение

к табачному дыму. В данное время ей этого хотелось. Сигареты были куплены вчера, и в пачке не хватало штук пять. После перекура, она достала чемодан, оставленный Павлом Ивановичем два года назад. « Где он сейчас обитает? Как у него дела? Я еще своей жизнью недовольна. Она его поставила в определенные рамки, а он их, как будто, не замечает. Он живет, не думая о завтрашнем дне, но при этом оберегает близких, – думала она с теплотой о Китаеве. – Я его называю «папой», когда мы одни, а в присутствии Аверина, либо Павлом, либо Павлом Ивановичем. Он это понимает и ни разу не поднимал вопроса по этому поводу, как в прочем и отец». Думая об отцах, она аккуратно складывала свои вещи и дочери в чемодан и сумку. Навела ревизию в своей, разделив деньги на две части, оставив дома ключи от машины, водительское удостоверение и Лерины документы для сада, которые положила в ящик горки. Взгляд ее упал на шкатулку с немногочисленными украшениями. Все это подарки отца и мужа. Она открыла шкатулку и сразу вспомнила: по какому поводу что подарено и кем. Чтобы не беречь прошлое, закрыла шкатулку и задвинула ящик. Перенесла чемодан и две сумки в прихожую, сложила на кресло вещи в дорогу, положив часть денег в карман легкой куртки, оставив на виду только смартфон. « Да, вид у меня еще тот. Лицо серое, сердитое, под глазами круги и взгляд, как у больной собаки, – думала она, разглядывая свое отражение в зеркале. – Может, хватит чахнуть и пора слезть с голодной диеты? Волосы либо

остриги, либо ухаживай. – Она взяла с полки расческу и через пять минут волосы были подобраны в простую прическу. – Другое дело. Ни каких конских хвостов и пучков, никакой кислой физиономии и пустых желудков. Ты, Аверина, была счастливой женщиной. Все еще возможно. Главное отпусти прошлое и живи дальше. Сделай это сейчас хотя бы для дочери. Ей мама нужна добрая, веселая и любящая, а не тетя, которая всем недовольная», – она показала отражению язык, улыбнулась и решила начать «новую жизнь» прямо сейчас с кухни. Наевшись «от пуза», прошла с чашкой кофе на лоджию и закурила. Теперь она думала о том, какой сюрприз ей приготовил отец. Подробностей последних дней он не знал. Она не слышала ни звука открываемой двери, ни шагов в квартире.

– Меня в свою компанию возьмешь? – спросил Александр, открывая дверь на лоджию.

– Я после обеда здесь расслабляюсь. А вы господин капитан обедали? Иди на кухню, я тебя по старой памяти накормлю обедом, а потом можешь и подымить.

Саша вымыл руки под кухонным краном и присел к столу. Наливая в тарелку суп и ставя его в микроволновую печь, Диана положила второе, через тридцать секунд поменяв тарелки в плите.

– Ты согласен на мое предложение? – спросила она и, получив в ответ кивок, продолжала: – продукты в холодильнике есть. Чего не будет хватать – купишь. Деньги в ящике сто-

ла, как всегда. Мусор, если таковой будет, выноси во время. Вернемся мы числа тридцатого. Да, заглядывая в почтовый ящик, могут принести квитанции на оплату. Кажется, Лера проснулась. Приготовь себе сам чай или кофе, – говорила она, покидая кухню и возвращаясь через минуту на руках с дочерью.

– Можете обедать вместе, – сказала Диана, передавая дочь мужу и разогревая для нее обед.

Александр посадил дочь в высокий детский стул, надел ей передник и вручил ее ложку. Лера «работала» ложкой уверенно, не забывая о бокале с молоком. За разговорами на языке, понятным им одним двоим, они закончили обед.

– Вас в аэропорт отвезти? – спросил Александр, собираясь уходить.

– Спасибо. Я вызову такси.

– Не упрямясь. Я приеду позже. Как ты будешь проходить регистрацию с багажом, если Лера уснет? Пройдете регистрацию, я вернусь домой.

– Хорошо. Заезжай, как освободишься. Погода хорошая, мы выйдем на пару часов, на прогулку.

– Это все ваши вещи?

– Саш, мы едем на две недели, если конечно, выдержим опеку мамы.

Аверин встретил дочь со спящей внучкой, и теперь они ждали получения багажа.

– Пап, не спеши домой. У меня есть к тебе разговор, о

котором маме знать не нужно, и мне нужен твой совет, – попросила Диана и рассказала подробности событий последних дней, о своем отношении к случившемуся и к мужу.

– Повтори, дочка, что ты сказала Саньке, когда его увидела. Но постарайся воспроизвести это до самой мелочи, – попросил отец.

– Он протянул руки, чтобы забрать Леру, а я сказала: – «Уйди, я сама справлюсь. Собери вещи и заberi сумки».

– Ты хотя бы сейчас, дочка, себя слышишь? Уже в эти первые минуты, ты его не просто послала и обвинила, ты его, родная, приговорила. И после этого ждала участия?

– Пап, Лера спала. Я не хотела ее беспокоить.

– А причем здесь беспокойство и слово «Уйди»? Ты могла сказать: – «Все в порядке, пусть спит» или «Не беспокойся, мне не тяжело», а ты сказала: – «Пошел вон!» своим «Уйди».

– Ты думаешь, все дело в слове?

– Я думаю, что дело не только в нем, но и в интонации, в твоем тоне. Ты ведь не на отдыхе была в номере люкс? Как не пытайся себя убедить, что все закончено, остаточные явления пережитого страха и неизвестности мешают принятию реальности. Ты ведь не пыталась с ним поговорить в больнице, куда возили Леру? Дома, когда он заходил? Ты даже не подумала о том, что пережил он, пока вас не было. Ты спросила его об этом? Нет! Ты так заиклилась на своей персоне, считая себя обиженной, что тебе и в голову не пришло начать разговор первой и выяснить все до конца. Обратно

полетим на выходной вместе. Надо мужику помочь.

– Ты собираешься нас мирить? – спросила дочь с удивлением.

– С этим вы разберетесь сами. Я должен помочь мужику, не уродуя себя, справится кое с кем. Вечером позвоним ему по скайпу. О плохих событиях маме не докладывай и Павлу тоже. Он сегодня прилетает на два дня повидать вас. Едем домой, а то мать допрос устроит: почему и где задержались?

Глава 8

После завтрака, проводив родителей на работу, Диана с нетерпением ждала звонка Павла Ивановича. Он прозвенел в половине десятого. Собрав Леру с ее тревожной сумкой, Диана спустилась из квартиры во двор, где ее ожидало такси, а в такси Китаев. Они обнялись по-родственному и теперь смотрели друг на друга.

– Ты, дочка, повзрослела, а внучка, прямо красавица. Она меня не испугается? – говорил он, протягивая руки к Лере, которая с удовольствием поменяла колени матери, на колени деда. Он с интересом и каким-то трепетом рассматривал малышку. – Мне кажется, она похожа на тебя. Цвет волос у нее необычный, как будто шоколад. Глаза, точно, твои, а вот овал лица Саньки.

– Она у нас не пугливая, общительная и любопытная. Сейчас начнет изучать твою внешность и карманы, – говорила Диана, улыбаясь. – Ты, как будто помолодел. Мы сейчас куда?

– Купим карету для принцессы и будем гулять в парке.

– Пап, какая карета?

– Обыкновенная. Прогулочная, удобная и складывающаяся. Я знаю, о чем говорю. Ты намерена целый день носить ребенка на руках? В карете Лера может посидеть и даже полулежать, уснуть, а надоест, походит, посидит на руках у де-

да. У нее будет выбор, и она его сделает. Не спорь со старшими, – не принимал возражения Павел Иванович.

Они купили удобную коляску, которая в сложенном состоянии была совсем небольшой, а в разобранном, позволяла Лере свободно расположиться, создавая некоторый комфорт. Посадив Леру в новую карету, они нашли и место для ее сумки. Они гуляли в парке, обедали в ресторане, сидели на веранде летнего кафе, кормили голубей и разговаривали.

– Пап, как тебе живется? Расскажи, хотя бы в общих чертах. Выглядишь ты хорошо, но внешность бывает обманчива. Только не лги, лучше промолчи.

– Хорошо, я не буду лгать, но не буду и вдаваться далеко в подробности. Все везде не так просто, но и не так сложно, если есть деньги и знаешь язык той страны, где собираешься осесть. Деньги у меня были и есть. На нового человека всегда обратят внимание, если он бездельник. Мне не нужен был большой город, тем более в Швейцарии, там в каждом кантоне свои законы и правила. Мне нужен был тихий уголок, и я его нашел. Правда, – он улыбнулся, – мне для этого пришлось жениться, сменить гражданство и заняться маленьким бизнесом. Теперь у меня есть жена Николь семидесяти лет и пасынок по имени Симон, чуть моложе меня. У него есть семья: жена, двое детей. Вот с его помощью, я законопослушный гражданин, а он мой адвокат и неплохой юрист. Наше общее с женой шале «Богиня Луны» приносит небольшой, но стабильный доход. Доли распределены один к трем, моя

большая. Есть брачный договор, который предусматривает наследниками только детей. Ни она, ни я умирать не собираемся.

– Пап, а почему шале так называется и где ты нашел маму?

– Чего ее было искать? Сын ее пристроил. Шучу! Сразу я нашел хорошего юриста. Как там говорил Райкин: «Через завсклад, через директор магазин, через товаровед». Я не мог довериться, кому попало. А уж потом, он познакомил меня со своей семьей и мамочкой. Мать оказалась женщиной умной, порядочной, с немалым жизненным опытом и современным мышлением. На вид ей не дашь и шестидесяти. Вот так и встретились два одиночества. Она знает о тебе и твоей семье, и поездки я свои не скрываю. А почему «Богиня луны»? Так она и есть Диана. Богиня луны, охоты, женственности. Это в честь тебя.

– Ну, ты и романтик. Старые друзья тебя не беспокоят?

– Мне хочется думать, что они обо мне забыли.

Вот так, за разговорами, прошел первый день. Павел Иванович подвез Диану к работе матери, а Аверин забрал после работы своих девочек домой. На следующий день прогулки повторились, за исключением того, что готовили ужин и ужинали они все вместе в квартире Авериных, а еще на следующий день, Китаев улетел в Берн.

– Мам, пап, – обратилась Диана за ужином к родителям, – я хочу сократить время моего пребывания у вас в гостях.

Проводите меня домой уже сегодня. Повидались, пообщались и достаточно. Пройдут выходные, и я опять буду целую неделю в квартире без вас, пока наступят следующие и папа сможет поехать со мной.

– Дочка, делай так, как тебе удобнее. Я не против твоего отъезда. Это отцы тебя сдернули на два дня, а я не возражала.

– Заказывай билеты, и полетим, – сказал отец. – Для меня возьми сразу обратный билет. Бери любой, можно транзитный вечерний.

– Мам, сутки потерпишь? Папа будет в субботу дома еще до полуночи, – говорила Диана, пытаясь ни то оправдаться, ни то успокоить мать.

– Собирайся, горе ты мое луковое. Отцу положи чистую рубашку и смену белья. Не понадобится, пусть остается у тебя в резерве.

– Мам, а что привезти, передать обратным рейсом?

– Пусть отец проедет на колхозный рынок и сам сообразит, что купить. Держи пакет, здесь подарок зятю. Чемодан отец должен привезти назад, за прокат ему же и заплатишь. Путешественники непутевые. На четыре дня за четыре тысячи километров – это нормально?

Мать сокрушалась до самого отъезда в аэропорт, а Диана, приехавшая с одним чемоданом, уезжала с двумя, коляской и отцом. Самолет приземлился в шесть двадцать, а в квартиру они поднялись в начале восьмого утра. По виду Алек-

сандра было видно, что он рад такому быстрому возвращению жены и дочери, а вот приезд тестя его насторожил.

– Не переживай, Санька, я по делу. Ты сегодня служишь?

– Если не дернут, я дома. – Иди, дочка, ко мне. Мойте руки, у меня на завтрак сосиски.

– Ешь сам свою бумагу, а мы позавтракаем икоркой, да буженинкой, – шутил тесть, делая вид, что не в курсе напряжения в семье. – Дина, ты с обедом не торопись. Мы перекусим в городе, а поужинаем дома. На регистрацию в аэропорт я успею. Ты главное мне чемодан освободи. Мать без чемодана меня не примет.

После завтрака мужчины расположились на диване с бумагами, привезенными с собой Авериным. Диана слышала, как работает сканер и принтер, делая копии.

– Диана, дочка, у тебя есть флешка гектара на четыре?

– Найдем, пап, – ответила она, открывая ящик горки. – Они новые, выбирай, – протягивая ладонь, сказала дочь. – Купила для работы, когда реанимировала свой смартфон.

Часа через два мужчины уехали. Диана приготовила обед, следя за Лерой, накормила ее и занялась «освобождением» чемодана отца. Вывалив все покупки прямо на ковер, она вынесла чемодан в прихожую, а покупки в упаковках сложила аккуратно на кресло. Свой чемодан она разбирала в спальне, рассортировав вещи для стирки и шкафа. Убрав чемодан в кладовую, а вещи в корзину, начала ревизию в сумке Леры. Она заняла свое дежурное место на крючке в прихожей, го-

товая к походу в любое время. Сумка шла в комплекте с детской коляской, купленной после рождения Валерии. Коляску убрали за ненадобностью, а сумкой, из-за ее удобства, продолжали пользоваться. Ключи от машины, квартиры и права, вернулись в сумку Дианы. Все это время, дочь активно «помогала» матери, пытаясь на своем новом транспорте покатать медведя по комнате.

Отец Дианы и Александр вернулись, когда Лера уже должна была проснуться после дневного сна, а она сама лежала на кровати и просматривала фотографии, сделанные в Москве. Часы на стене показывали 15:50. Приняв по очереди душ и переодевшись, оба мужчины сели за поздний обед, плавно переходящий в ужин. Дочь и жена входила в кухню только по необходимости.

– Диана, ты Лерочку покорми и сама поешь, у нас оперативка надолго. Чемодан я собрал, рубашку видел, а носки уже на мне. К регистрации буду в аэропорту.

Такси приехало в девятнадцать. Александр проводил тестя до машины, а дочь и внучка простились с отцом и дедом в квартире, который твердо пообещал позвонить утром.

– Поиграй с дочкой, а я займусь кухней, – попросила Диана мужа.

Через полчаса, стоя в дверном проеме, Диана наблюдала за игрой двух детей, одному из которых шел тридцать второй год. Уличенный в детских забавах, Саша смутился, но быстро пришел в себя.

– Как отдохнули в Москве? – спросил он. – Чем занимались?

– Тебе действительно интересно? Смотри. Здесь практически полный видеоотчет, – сказала она, протягивая мужу свой смартфон.

– Кто этот взрослый дядя, который так нежно вас обнимает? – спросил он уже через пять секунд.

– Сам как думаешь? Вглядиись внимательно, увеличив снимок.

– Павел? Не может быть! – удивился Александр. – Как ему это удалось?

– Еще как может. Он прилетал на два дня, поэтому я так спешно уехала по просьбе папы. Он улетел, отец с мамой на работе, а мне с Лерой в пустой квартире смысла оставаться не было. Папа решил полететь с нами, нам лучше дома.

– Родители не обиделись столь короткому визиту?

– Папа приглашал меня на встречу, она состоялась, а других планов у меня не было.

– Как Павел Иванович поживает? – спросил муж с интересом.

– Живет в Швейцарии, женился, сменил гражданство, имеет свой маленький бизнес, в виде шале, связанный с отдыхом и туризмом. Выглядит очень хорошо, гораздо моложе папы, видимо пластика. Он больше спрашивал, чем говорил. Да и говорил все время с юмором. В первый день заехал часов в десять, и мы прогуляли весь день, пока отец не забрал

нас с маминой работы. На следующее утро все повторилось, но вечером мы ужинали все вместе дома. Жил он в гостинице. Не хотел смущать мать с отцом. Позже он улетел, но обещал вернуться, как Карлсон. Ты знаешь, родители живут, как молодожены. Я впервые за девять лет, как-то, обратила на это внимание. Они так бережно относятся друг к другу.

– Ты рассказала отцу обо всем, и он приехал спасать мою задницу? – в его вопросе слышалась тоска.

– Почему спасать и именно ее? Он приехал посоветовать, помочь, если получится, а что делать с твоей задницей, решать тебе. За свои промахи я от него выговор получила. Решение лететь со мной, он принял самостоятельно. Его визит тебе поможет?

– У меня проблемы только семейного характера, других нет. Его визит не мне поможет, а, будем надеяться, целому отделению. Что-то мы с тобой заговорились, Лере спать пора. Я займусь дочерью, отдыхай.

После водных процедур и вечернего кефира, отец укачал дочь на руках и аккуратно положил ее в кроватку. Вышел из спальни, оставив дверь приоткрытой. Диана вышла из душа в халате с полотенцем на голове.

– Лера уснула. Мне можно остаться на диване или уходить?

– Куда ты пойдешь? Ты же не нашел квартиры.

– Дин, за что ты так со мной? Да, я виноват, но не в том, в чем ты меня обвиняешь. Поговори со мной. Что между нами

не так?

– Любовь, она не знает слов, Сашка, – сказала она, нежно поцеловав его в губы.

Теперь слова были не нужны. Один поцелуй сменился другим, и, не прекращая их, он бережно опустил ее на мягкий ковер, справился с поясом халата...

– Дина, почему ты все время сбегашь из дому, когда мы, скажем так, в ссоре?

– Если ты имеешь в виду поездки к родителям, то они не имеют ничего общего с бегством. Ехать мне больше не куда. Я беру время, чтобы не мозолить тебе глаза, своей кислой физиономией, не сказать лишнего и подумать самой. Да, я делюсь с папой своими проблемами, но я никогда на тебя не жалуясь, и, как правило, получаю от него поучительный урок или дельный совет. После Сочи я была в отпуске, повила не только родителей, но и подруг, а в этот раз, отец меня пригласил для встречи, еще не догадываясь, ни о чем. Я возвращаюсь домой, и мы живем с тобой дружно.

– Мы сможем выкинуть эти десять дней из нашей жизни?

– Зачем? В этих десяти днях есть много положительных моментов. Я усвоила, что прежде чем сказать, нужно подумать: кому ты это говоришь и как? Ты научился держать удар, не став со мной спорить, давая остыть. Я получила денежную компенсацию за причиненные неудобства, а ты полезный совет и информацию от отца. Я встретила с Павлом Ивановичем, а тебе не надо искать квартиру. Всего это-

го можно было нам избежать, но уж раз так случилось, это следует пережить и усвоить урок на будущее.

– О какой компенсации идет речь? Кто ее тебе предоставил?

– Старший из двух. Прямо после очной ставки в отделении, меня сопровождала неприметная иномарка. Сначала салон связи, потом АЗС, позже супермаркет. Когда я усаживала Леру в кресло, стекло машины, стоявшей рядом, опустилось, и мне вручили игрушку для Леры. Голос был знакомый, и я даже не повернулась. Он говорил о том, что если я тебя люблю, то должна простить, что перейти черту без потерь нельзя, что тебя, вынудили таким вот образом. Так что, к моменту нашего с тобой разговора, я если чего и не знала, то догадывалась. Ты молчал, держал меня на дистанции, и я предположила совсем другое. Прости меня.

– А я, идиот, воспринял твоё «Уйди», как пощечину и ждал прощения. Не настоял на разговоре, а после твоей пламенной речи, вообще, опустил руки. Господи, как же хорошо, что мы с тобой все выяснили, хотя и не сразу. Я даже проголодался от воспоминаний. Составишь мне компанию? А еще, сможешь мне найти в квартире место для флешки?

– Секретные материалы?

– Вроде того.

– Пойдем в кухню. Я на пустой желудок плохо соображаю, – говорила она, входя в кухню и прикуривая сигарету.

– Ты опять закурила? – включая чайник, спросил муж.

– Побалуюсь немного и, возможно, брошу. Ты почему не спрашиваешь о компенсации?

– Ты получила игрушку для дочери. О чем еще спрашивать? Какая она?

– Очень симпатичная, а главное очень дорогая. Это детский рюкзачок в форме медвежонка, очень милого на вид. Только начинка в этом рюкзачке оказалась довольно внушительной не по размеру, по денежному эквиваленту, и составила полмиллиона в рублях.

– Офигеть! Ты говоришь серьезно? – удивился муж.

– Самое время пошутить. Ночь на дворе. Я об этом узнала, приехав домой. Открыла молнию на спине медведя, а там сюрприз. Открыла счет на имя Леры и большую часть положила на вклад. Так что я тоже перешла черту дозволенного. Давай по бокалу вина, но без стихов и песен.

– Романтик из меня уже не тот, но кое-что я еще могу, – разливая вино, говорил Александр. – Ты знаешь, я тоже, некоторым образом, «взяточник», точнее сказать промышляю шантажом. Первый раз взял, когда получил незначительное ранение в драке в далеком две тысячи пятом. Так сказать, моральную компенсацию. Мне от отца тогда досталось. Он не мог поверить в то, что легче заплатить такие деньги, чем сесть в тюрьму. Пришлось внятно растолковывать. Второй раз, когда приехал из Сочи. Я не мог допустить того, чтобы моя семья распалась из-за какой-то дряни. Если бы в той истории я, хотя бы боком, был замешан, то не зате-

вал бы эту игру. А так, я отыгрался, раздав всем виновникам долги и заработав при этом. Не мы такие, Диана. Нас иногда ставят в такие положения, что выбор есть, но надо чем-то поступиться. Честь и совесть у большинства, остались где-то в далеком прошлом, уступив место товарно-денежным отношениям. Я не беру денег, пока это не касается меня и моей семьи лично. На этот раз я просчитался. Прости. Давай выпьем за тебя. Я тебя очень люблю, принцесса Диана. – Раздался тихий звон бокалов. – Как же я давно тебя люблю. Это похоже на болезнь, от которой нет лекарства, – целуя жену, говорил он. Поцелуй был нежным и продолжительным. Диана закрыла глаза и вспомнила их первый поцелуй на море, тогда, одиннадцать лет назад...

Пробуждение было поздним. Видимо, Лера устала ждать, когда родители обратят на нее внимание и подала голос.

– Саш, время почти девять. Принцессе давно пора завтракать. Умывайтесь, переодевайтесь, а я буду ждать вас на кухне.

После завтрака, отец с дочерью расположились с игрушками на ковре в комнате.

– Дин, ты до выхода на службу решила заняться торговлей, – шутил Александр, глядя на кресло, на котором возвышались сложенные упаковки с вещами.

– Зря смеешься. Вещи я сложила, освобождая отцу чемодан, а не убрала потому, что они требуют примерки. Вчера тебе было не до нее. Лерины наряды я уберу, а вот свои-

ми вещами займешься сам. Совершенно случайно, увидела очень тонкие и качественные форменные рубашки. Обрати внимание, какая ткань, как раз на лето. Слушай, раз у тебя сегодня полноценный выходной, поехали и купим обувь и тонкие джинсы или брюки. Мы же собирались это сделать. Я купила верх на свой цвет и вкус, а низ, без твоего выбора, не рискнула. Обед у нас есть, после покупок можем погулять.

– Может, я обойдусь. Не голый хожу, ни босой.

– Я помню о том, что ты трудно привыкаешь к новым вещам, носишь вещи аккуратно. Но они имеют свойство изнашиваться от времени, стирки. Летом, как минимум, должны быть три комплекта одежды, учитывая жару и частую смену. Пыль, пот. Да, что я тебе объясняю, ты сам обо всем знаешь. Купим то, к чему ты привык, но новое. Сам выберешь, а мы с Лерой постоим в сторонке.

– Одевайтесь. Выгуляю я вас по мужскому отделу, пока сами домой не запроситесь, – смеялся он. – Коляску берем? А примерку устроим вечером, вместе с купленным товаром. Одно условие: в магазине мне не перечить.

Они спустились на стоянку, где на доске объявлений Диана прочла предложение о продаже или обмене трехкомнатной квартиры на меньшую жилплощадь с доплатой. Квартира была соседской.

– Саш, ты нашу соседку давно видел?

– Людмилу Ивановну или ее дочь? Ты почему спросила?

– Я объявление прочла. Они продают или обменивают

свою квартиру. Странно. Очень странно. Светлана меньше года ремонт в ней сделала. Перепланировку узаконила, там такой дизайн, такая красота. Одних туалетов два.

– Помечтай, не вредно. Нашу квартиру, возможно, обменять, но нужно порядка полутора миллионов. Хочешь залезть в ипотеку?

– Меня беспокоит другое: почему они это делают? Какие будут новые соседи?

– Не переживай. Чужие здесь не ходят! Дом в свое время начинало строить наше министерство. Строительство заморозили. Позже проект вообще пересмотрели и строительство возобновили. Те, кто получал квартиры вместе с твоим отцом, давно живут в коттеджах за городом. Их квартиры заняли дети, внуки. Кроме них, у нас в доме живут небольшие чины, вроде нас, и пенсионеры. Криминальные граждане обходят его стороной, и нам это на руку, – смеясь, говорил Александр, ведя машину по улицам города. – Район у нас хороший и дом, считай, новый. Ему, с момента сдачи, лет десять, но клеймо на нем «ментовское». Продать квартиру можно только своим. Я тебе не говорил, что Андрей получил пятьсот тысяч на расширение жилой площади? Это же чистое издевательство. Нам с тобой рассчитывать не на что. Наша площадь не позволяет расширяться. Где справедливость?

Сделав мужу покупки, они еще погуляли в парке, посидели в кафе и вернулись домой часа в четыре после полудня.

Диана оторвала корешок с телефоном от висевшего объявления, положив его в сумку. Спящую Леру положили в кровать, а сами, разобрав пакеты, устроили дефиле для Саши.

– Дина, что оставить, а что убрать?

– Я приготовлю все, а ты выберешь по настроению и погоде, – ответила жена, и оба услышали шум на площадке. – Саш, иди и посмотри, что там.

– Диана, я привел соседку к нам, она тебе обо всем и расскажет.

– Здравствуй, Диана, – сказала Светлана, дочь Людмилы Ивановны, с которой Диана была дружна. Ей было лет сорок. – Вот скажи: откуда эти посредники все узнают, раньше потенциальных покупателей? – Негодовала она.

– Успокойтесь. Мы с Вами выпьем чаю, Вы расскажите, в чем проблемы, а мы постараемся Вам помочь. Так, что случилось?

– Сестра настаивает на продаже квартиры. Точнее, требует свою долю в квартире, положенную по закону. Ее дочь выходит замуж и ей срочно нужны деньги. Если бы я, хотя бы догадывалась, что через год вновь сойду с мужем, я не обустроивала бы ее для себя, вкладывая деньги. Ты видела, как я превратила ее в конфетку. Продать ее быстро, гарантий нет, а обменять на меньшую площадь среди наших жильцов возможно, – жаловалась соседка.

– Но Ваша головная боль не исчезнет. Квартира останется в этом же доме, – не понимала ее Диана.

– Тогда у меня не будет головной боли, связанной с долгом сестре, а квартира, пусть хоть завалится. Вы знаете, какая разница в стоимости между моей конфеткой и вашей? А между «трешкой» и однокомнатной «сталинкой» в центре? В первом случае полтора, во втором два. Это такая несправедливость.

– Вы согласны на «сталинку» в центре? – удивился Александр.

– Я согласна на любой быстрый вариант с доплатой, только дальше разговоров дело не идет. Варианты предлагают, но меня не устраивает сумма и расходы.

– Вы мне свою «конфетку» покажете? Возможно, я найду Вам желающих среди своих сослуживцев, – говорил Александр, выходя из-за стола.

Квартира соседки ему понравилась. А если до конца быть честным, очень понравилась. Она напоминала ему их квартиру и была всего на одну спальню больше, но казалась большой из-за отсутствия мебели и отделки в светлых тонах. Подвесные потолки с красивым освещением, встроенные шкафы в спальнях и прихожей, столы на кухне, отдельный туалет и совмещенный санузел. Кухня была гораздо больше, а в комнату дверь была заменена красивой аркой. Квартира выходила на обе стороны дома. Слева две спальни, справа комната и кухня. Закончив осмотр, Александр пообещал позвонить хозяйке уже завтра. Он вернулся в свою квартиру с одним вопросом в голове: где взять деньги на доплату?

– Понравились апартаменты? – улыбаясь, спросила жена.

– Очень! Дина, может мы «разморозим» счет с продажи «однушки»? По амбару пометем, по сусекам поскребем и обменяем свою квартиру на соседскую.

– А если я тебе скажу, что у нас есть деньги на доплату прямо здесь и прямо сейчас. Ты уверен, что хочешь переехать в новую квартиру?

– Лера растет. Ей нужна будет своя комната. А я не хочу возвращаться с удобной кровати на диван в комнату. Он конечно от нас отдохнул, но мягче и удобнее от этого не стал. Деньги откуда?

– Оттуда! С деньгами разберемся позже. Я вот что думаю: не предложить ли нам свою квартиру Андрею? Анне она очень нравилась. Понравится ли Светлане их жилплощадь? Не тяни, сам позвони Андрею.

Был звонок Андрею, был их приезд в квартиру Смирновых, был даже показ квартиры Шаровых Светлане. Теперь был взят тайм-аут на переваривание «пищи», а точнее пиццы, потому, как ужин был не готов. Две семейные пары обсуждали варианты обмена. Все упиралось в решение хозяйки «трешки».

– Аня, жалеть не будешь, если дело выгорит?

– О чем жалеть, Дина? У нас были варианты, но они были настолько плохи, что мы каждый раз отказывались. Мы могли продать ее, пожить временно у родителей пока купим, но мы сами перестраховывались. Денег на доплату прилич-

ного жилья так и не собрали. Ваша квартира мне нравится давно. Пока детский сад, потом школа и все это рядом. Ни тебе транспорта под окнами, ни выхлопных газов. До работы в два раза путь короче. Ты намекаешь, на что дом «ментовский»? А мы с тобой кто?

– Я об этом не думаю. Мы случайно увидели утром сегодня объявление, Саша посмотрел квартиру, поговорили с соседкой. Мы с ее мамой одно время дружили, она мне как бабушка была. Дело в том, что для себя мы решили переезжать. Теперь все зависит от вас и Светланы. Если ее устроит ваша квартира, не думай о доплате, а взвесь еще раз все «за» и «против». Назад хода не будет.

Шаровы собирались к себе домой в девятом часу, когда Саше позвонила Светлана.

– Я подумала, посоветовалась с мужем и согласна на условиях продажи: вы покупаете у меня, они у вас, а я у них. Затраты на покупку несет покупатель, а доплату вы лично передаете мне в конце всех сделок. Сумма остается прежней. Собирайте документы и звоните, будем договариваться о сделке. Передайте Андрею, что я не буду торопить его с переездом.

Вопросов к Александру не было, так как весь разговор все присутствующие слышали.

– Сань, у меня больше пятисот нет и взять мне их негде.

– У тебя больше никто и не просит. За ночь не передумаете, утром договорим. Давай до завтра. Постарайся выспать-

ся, – закрывая за Шаровыми дверь, говорил Александр, держа Леру на руках и обращаясь уже к жене. – Дочь наша Сережку приняла себе в приятели. Не подрались, не скандалили, мирно играли. Ты слышала, о какой сумме говорил Андрей? Вернемся к нашим финансам. Я тебя внимательно слушаю.

– Ты вначале должен это увидеть, а потом услышать. Отодвинься в сторону, – попросила Диана, взяв подушку диванной спинки, расстегнула на ней молнию и подняла толстый паралон. – Они лежат здесь с тех самых пор, как Павел Иванович пристроил их в две тысячи пятом. Если считать по курсу, нам хватит не только на доплату, но и на новый диван.

– Динка, ты сумасшедшая. Хранить такие деньги в квартире больше десяти лет.

– Сам такой. Я узнала об их существовании ни в самое лучшее время. Тогда, когда Павел раздавал подарки, уезжая, а ты вызволял меня из плена. Первое время я очень боялась, что у них найдется хозяин, и не прикасалась к ним, боясь оставить свои отпечатки. Потом мне пришла мысль еще более бредовее. Я считала их фальшивыми. Я не забывала о них, я старалась о них не думать. Прошел год, мы переехали с тобой в эту квартиру. Ремонт, покупки я оплачивала со счета, оставленного Павлом, а с повышением зарплаты, у нас вообще не было денежных проблем. В отпусках мы не шиковали. С рождением Леры траты почти не изменились. Бабушка с дедами обували ее, одевали и нам перепадало. Па-

вел в буквальном смысле подбросил материальную помощь, когда ты был в Сочи. Оставил чемодан с вещами для внучки и деньгами. Мы с тобой за восемь лет не сделали ни одной крупной покупки, иначе бы я тебе созналась раньше. Вот, как-то так. Ты представляешь, что было бы с тобой, знай, ты о них, а они бы пропали. Тебя бы удар хватил, – смеялась Диана. – А так и ты в порядке и деньги на месте.

– Вот что мне с тобой делать?

– Любить такую, какая есть. Клад положим на место?

– Я, теперь сядясь на диван, буду думать, что сижу на мешке с деньгами.

– Ты на нем и так просидел больше десяти лет и особой разницы не почувствовал.

– Павел Иванович загадочная и непредсказуемая личность. Эти деньги доставались ему очень не просто. Я очень мало с ним общался, но он кремень, чтобы продержаться столько времени. Его когда-нибудь оставят в покое?

– Этого не знает даже он сам. Павел хороший артист. Сам придумывает себе роль, сам ее правдоподобно играет. Я знаю его лучше тебя, но и я не всегда бываю, уверена в том, что он не вышел из роли. Думаю, даже отец не знает и половины. Ладно, хватит о грустных вещах. Давай помечтаем: купим в комнату хороший угловой диван, поставив его по одну стенку, рядом стол с компьютером, напротив горка с телевизором, мой инструмент. Может, купим новую кровать в свою спальню? Она нас терпит восемь лет. Возьмем ее

в тон шкафа, добавим к ней комод. В спальню Леры, позже купим кровать и небольшой диван. Что думаешь?

– Я думаю, что ты права. Мы это все сделаем, как только получим документы на квартиру и вручим хозяйке доплату.

– Саш, давай Леру в кровать, а я займусь твоим гардеробом. Мы с этой квартирой забыли обо всем.

Глава 9

Прошел почти месяц. Лера освоилась в детском саду. Смирнов с семьей переехал в трехкомнатную квартиру, Андрей перевез жену и сына в квартиру по соседству, а Светлана, получив доплату, отдала долг сестре и выставила купленную квартиру на продажу. Все участники сделки были довольны. Александр не возражал против покупок, и угловой диван был куплен вместе с новой кроватью. Старый «денежный» диван они поставили во вторую спальню. Лера, в силу своего возраста, находилась в одной комнате с родителями. Сестра Саши, приехавшая в город вместе с детьми, расположилась во второй спальне. Платону исполнилось шестнадцать, и он собрался поступать в колледж информатики на базе девяти классов. Оля с мужем не возражали против решения сына. Срок обучения был три года десять месяцев.

– Кто знает, что будет через два года, – говорила она. – Это сейчас у него хорошие отметки. Если попадет после колледжа в университет – хорошо, а нет – пойдет в армию специалистом в двадцать лет. Подадим документы, а там будет видно. Жить будет в общежитии. Я предлагала пожить первое время у вас, но он отказывается.

– И я даже знаю причину этого отказа, – сказал Александр, глядя на племянника. – Ты, Платон, парень взрослый, но без своего контроля я тебя не оставлю. Живи ты хоть на

луне, у меня везде свои глаза и уши. Уяснил?

Разговор Анны с Дианой состоялся после ухода Александра на службу.

– Дина, я не знаю с чего начать, но не могу не сказать.

– Начинай с начала или с конца, как тебе удобнее. Обещаю не перебивать. Смелее.

– У нас в поселке жила очень красивая девушка. Она лет на пять старше меня. Потом уехала учиться в техникум, а через время вернулась, устроилась на работу и жила с матерью. По поселку поползли слухи, но свечку никто не держал. Ее оправдывало в глазах местных баб то, что она не выглядела и не вела себя вульгарно, не пила и мужиков не привечала. Одно то, что она была красивой, вызывало зависть и слухи. Весной, Саша школу заканчивал, продала дом матери и уехала. Я встретила ее случайно в Родительский день на кладбище. По дороге разговорились. Она мне и поведала кое-что. Живет она здесь в городе вдвоем с сыном. Мальчишке тринадцатый год, и он, возможно, сын Саши.

– Саше тринадцать лет назад было восемнадцать.

– Ему не было еще восемнадцати, а ей было двадцать восемь. Одним словом она не утверждает, но вероятность такая есть. Сын сейчас болен. Ему нужна операция и она просит помощи. Я не знаю, как сказать об этом брату, и не сказать нельзя, а вдруг он наш.

– У тебя есть ее номер телефона? Позвони ей, договорись о встрече, а я с ней поговорю. Даже узнай Саша обо всем,

нужно в первую очередь спасти мальчика, а потом устанавливать родство. Мне Леру с собой брать?

– Езжай, я побуду с ней, дети помогут. Дина, а если он не наш? Это, какие деньги потратятся?

– А если он ваш и не доживет до операции, пока вы будете устанавливать родство?

Остановив машину напротив входа в больницу, Диана, сидя в салоне, обратила внимание на женщину, которая нервно курила. Ей было лет тридцать восемь-сорок. Высокая, стройная, с короткой стрижкой каштановых волос. Даже темные круги под глазами и отсутствие косметики не повлияли на ее красоту. Диана вышла из машины, подошла к ней, представилась и без всяких предисловий сказала:

– Давайте договоримся так: сначала здоровье мальчика, а разговоры, встречи с моим мужем и тесты оставим на потом.

– А если Саша...

– Идемте к доктору, – перебила ее Диана. – Я хочу с ним поговорить.

Диана вошла в кабинет доктора одна. Разговор с ним продолжался не более десяти минут. Она попросила только об одном: как можно быстрее провести операцию, а он объяснил, как быстрее перевести за нее деньги. Через час, все финансовые и юридические вопросы были улажены.

– Прооперируем послезавтра. Вы ему кто? – задал вопрос доктор, довольный таким поворотом дел, скорее ради приличия, чем из любопытства.

– Пока не знаю. Возможно, жена его отца, а может, чужая тетя. Анализ ДНК мы сделаем позже, когда мальчику станет легче.

– Спасибо, Диана. Саша единственное, что у меня есть, – говорила Лариса, доставая сигареты. – Хотите послушать?

– Хочу. Пойдемте, присядем, – ответила она, доставая свои сигареты и направляясь к скамейке в сквере.

– Мне было пятнадцать, когда я поступила в техникум в город, – присаживаясь на скамейку, начала Лариса. – Мама воспитывала меня в строгости, но одна. Я почувствовала свободу, влюбилась, обманулась и пошла по рукам, но рукам довольно не бедным. Техникум я окончила и даже прошла практику, но работала далеко не по специальности. Платили хорошо. Моя внешность, помогала мне жить и выживать. Мне один немолодой клиент купил квартиру двухкомнатную. Это была наша тайна. В девяносто шестом моего покровителя взорвали в его же машине с такой, как я и обо мне забыли. Я поняла, что это мой единственный шанс изменить свою жизнь. Я сдала квартиру и вернулась в поселок к маме, устроилась на работу. Шесть лет я прожила в доме матери, три из них одна. У меня не было цели оставаться там надолго. С местными мужчинами я никогда не связывалась. Мне хватало начальника, который имел меня прямо на рабочем месте, но слухи ползли. Саша меня, можно сказать, спас от двух подвыпивших мужиков. Было у них, что на уме или нет, но напугали они меня хорошо. Саша прово-

дил меня домой. Это было в начале декабря. Я как увидела его при свете лампы, так и поплыла. Молодой, симпатичный, трезвый мужичок. Кто же знал, что ему нет восемнадцати, нет никакого опыта в общении с женщинами, но есть неподдельный интерес, желание и юношеская страсть. Я забыла, сколько мне лет и окунулась в водоворот страстей. Это был тот редкий случай, когда я все делала без принуждения, а с желанием. Почти три недели мы проводили вечера вдвоем, пока не пришел муж Анны. Он поставил условие: либо я с ним пересплю, либо на меня заведут дело о соvrращении малолетнего. Мне бы, дура, послать его подальше, знай, я все, а я испугалась. Испугалась, что узнай обо всем поселок, мне до весны в нем не продержаться, а в городе до марта ехать некуда. Я уступила.

– Вы хотите сказать, что отцом Вашего сына может оказаться либо мой муж, либо Анны?

– С Вашим мужем проще. Его можно простить за прошлое, а вот Анне лучше ничего не знать. У них Оля ровесница Шурика. Платон почти взрослый. Вот такая суровая правда. Почему Анна рассказала все Вам, а не брату? Вы в своей семье все решаете сами?

– Аня поступила правильно. Тайну для меня делать было глупо. В любом случае, такой суммы у них не нашлось, и они вынуждены были бы обратиться ко мне. Аня понимала, что я, как женщина, пойму Вас лучше. Когда дело касается здоровья ребенка, прежде всего, думаешь о нем. Я не осуждаю

ни Вас, ни мужа. Это ваше прошлое. Простите, а почему Вы не сделали аборт?

– Не поверите. Мне было двадцать девять, а я забеременела всего второй раз, хотя никогда не предохранялась. Мне показалось, что этот шанс стать матерью дается свыше.

– Как Вы теперь живете? – спросила Диана.

– Как большинство. Мне сорок два года. Крыша над головой у нас есть, работа хорошая. Шурик родился нормальным ребенком в августе две тысячи третьего, и до десяти лет у нас не было проблем со здоровьем. Он с шести лет ходил на фигурное катание, ему там нравилось. После этого увлекся самбо. Я не была против нового увлечения. Там его впервые и прихватило. Теперь это объясняют нагрузками, подростковым возрастом. Два года мы лечимся, а теперь стала нужна операция. У меня не было другого выбора, поэтому я обратиться к Вам. Шурик должен жить. Я ни на что не претендую, кроме помощи.

– Успокойтесь. Шурик обязательно поправится. Вам стоит набраться терпения и подождать. Почему Вы не вышли замуж? Одной трудно воспитывать ребенка, особенно мальчика. Чем старше он становится, тем сильнее ему нужен, если и ни отец, то друг.

– Один собирался, но ему был не нужен ребенок, второй, принял ребенка, но сбежал, как только узнал о его болезни. Третий, казался самый порядочным, ушел два месяца назад в поисках денег на операцию и пропал.

– Что значит пропал? Он от Вас ушел, сбежал или все же пропал? Это разные вещи. А, если с ним случилась беда?

– Я для него никто. У меня даже заявление не приняли. Да мне сейчас и не до него. Месяц назад он звонил, перевел деньги на карточку, но не поинтересовался, получила ли я их.

– У меня к Вам будет просьба: пусть для всех, особенно для Ани, Вам помог фонд. Я скажу Саше, где Вас найти, а остальное, решите между собой. Удачи Вам с сыном. До свидания.

Диана вернулась домой, где Аня уже приготовила ужин и уложила Леру спать. Платон сидел за компьютером, а Оля помогала матери.

– Что дала тебе эта встреча? – спросила Аня. – Нашли деньги?

– Мне ничего, а мальчика будут оперировать послезавтра. Часть денег собрала сама Лариса, большую часть выделил фонд «Доброе сердце».

– Она сказала кто отец?

– Она не уверена. Я поговорю с Сашей сама, а экспертизу сделаем позже. Чем будете заниматься завтра?

– Утром у нас собеседование, а после него посмотрим.

– Ты своди ребят в парк на аттракционы, в цирк, в кино. На нас не рассчитывай. Саше трудно выбраться даже в выходной, а я с Лерой не лучший сопровождающий. Если нужно что-то купить, говори не стесняйся. Введи брата в расхо-

ды.

После ужина были «посиделки», душ и сон.

– Саш, ты свою первую женщину помнишь?

– Как зовут, не помню, а вот уроки ее освоил довольно быстро, – говорил он, восстанавливая дыхание. – Она была лет на десять старше меня. Пьяные мужики к ней прицепились, а я вроде, как ее защитил. Как все случилось в первый раз, помню смутно, но я три недели бегал к ней тайком от родителей, с наступлением сумерек. Я хотел ее так, что челюсти сводило. Она это видела, позволяла мне все, оказалась классным педагогом и научила меня очень многому. Думаешь, откуда у меня такие навыки были в две тысячи пятом? Если бы ни муж сестры, не знаю, чем бы все закончилось. Я терял голову от страсти к ней, но только в постели. Андрей врезал мне тогда основательно. Если быть до конца честным, в поселке у меня и девчонок то было раз, два и обчелся. А уж, как тебя встретил, влюбился, о других и не думал. Нет, были, конечно, но не серьезно. С тобой, навыки, полученные в юности, и пригодились.

– У тебя за это время не было других женщин?

– Чтобы не получать глупых ответов, не надо задавать глупых вопросов. Кто же тебе в этом добровольно и честно признается? Каждый, уважающий себя мужчина, позволяет себе женщину на стороне, но, к сожалению, я к этой категории не отношусь. С твоим темпераментом, мне нет нужды искать приключения. Во-первых, я однолюб, а во-вторых, я

не встретил еще ту, которую возжелал бы больше тебя.

– А конкретнее? Кто-то мудрый сказал: «Не думай, что твой муж однолюб, иначе ты не дождалась бы своей очереди». Как тебе?

– Где-то он прав. Хочешь конкретики? Я набираюсь сил в твои критические дни, а в остальное время ты выжимаешь, меня как лимон, – говорил он, негромко смеясь. – Хороша конкретика?

– Значит, это я тебя домогаюсь, а ты, вроде как, против этого? Это мои шаловливые ручки бродят по твоему телу, а не наоборот? И это я делаю тебе непристойные предложения в любое время суток, раза три-четыре в неделю? Да, вы батенька, наглец! Может, хотите переселиться на диван и спать один? – спрашивала Диана, в шутку колотя его кулаком в грудь.

– Не дерись! Не любишь правды, искусительница? Надо же мне быть уверенным в том, что все твои женские прелести на месте и ничего не пропало, – обнимая жену, говорил Александр.

– Ладно тебе смеяться. Я завела разговор, преследуя совсем другую тему. Сыну твоей сексуальной учительницы требуется операция. Я внесла некоторую сумму, чтобы им помочь, – сказала Диана серьезно и передала разговоры с Аней и Ларисой.

– Ты все сделала правильно. Только, как быть, если он все же окажется моим сыном? А как обратное воспримет Аня?

– Послезавтра ему сделают операцию, мальчик пойдет на поправку, сдашь анализ, а потом решим.

– Думаешь, я теперь усну? У меня может быть взрослый сын, а я об этом даже не догадывался. Да я в то время и не думал, что все может обернуться таким образом. Словно забыл, как появляются дети.

– Не драматизируй. Если во всей этой истории и есть негатив, так это болезнь Шурика. Можешь завтра же поехать в больницу и навестить Сашу Ивлева двенадцати лет. Мать, наверняка, будет рядом. Лариса родила его осознано, а помощи попросила от безысходности. Тебе не в чем, пока, себя упрекнуть.

Александра Ивлева прооперировали, и мальчик шел на поправку, когда тест на отцовство оказался отрицательным, а третий гражданский муж Ларисы «нашелся» с еще ста тысячами рублями. Лариса вернула деньги Диане.

– Стас нас не бросает, мы теперь справимся, а долг я Вам верну.

– Давайте договоримся так: Саша обо всем расскажет Андрею, он имеет право знать. Как он поступит, это вопрос к его совести. А деньги, пусть будут его взносом в лечение сына. Анне мы ничего не скажем.

– Спасибо вам огромное за участие и помощь.

– У Вас есть номер телефона моего мужа. Нужна будет помощь – звоните. Всего вам доброго.

Платон поступил в колледж и уехал домой до начала за-

нятий. Диана вышла на службу, заводя по утрам Валерию в детский сад.

Она встретила с Владиславом Мельниковым в здании суда случайно. У нее были здесь свои дела по работе, а у него, видимо, свои. «Странно. Живем в одном городе, ходим, возможно, по одним улицам, а встретились спустя двенадцать лет», – подумала она, проходя мимо молодого человека, которого узнала сразу. – Хотя, я мало хожу, больше езжу». Импозантный молодой мужчина лет тридцати пяти, тоже обратил внимание на молодую, симпатичную и стройную женщину. Она прошла мимо него, беседующего с коллегой. Удалилась метров на пять и тут его осенило.

– Девушка, постойте, остановитесь на минуту, – просил он, шагая в ее направлении. – Вы, Диана? Я не ошибся?

– Я Диана, и Вы, Влад, не ошиблись. Я Вас сразу узнала. Какими судьбами вы здесь?

– По работе, я же адвокат. Раз уж мы встретились за столько лет в первый раз, давай где-нибудь пообедаем? Я на машине.

– На обед у меня нет времени, а вот полчаса на кофе, я выделю. Здесь за углом есть хорошее кафе. Согласны?

– Согласен. Идем!

Они вышли из здания суда, и пошли в направлении кафе. Сев за столик и сделав заказ, Влад рассматривал свою спутницу. Она стала еще интереснее той шестнадцатилетней девочкой. Темные волосы, собранные в аккуратную прическу,

которая была ей очень к лицу. Легкий макияж делал глаза визуально больше. Маникюр с бесцветным лаком, на пальце обручальное кольцо. В мочках ушей маленькие сережки в виде звездочек.

– Хорошо выглядишь. Ты в нашем городе давно была? Как живешь? Где работаешь? Ты же наш университет оканчивала.

– Вы тоже выглядите респектабельно. Родители мои сейчас живут в Москве, так что в городе я бываю раз в год, перед родительским днем. Навещаю бабушек и деда. Университет окончила в две тысячи восьмом. Работаю юристом в городском правовом отделе. Восемь лет замужем. Муж капитан полиции. Дочери два года. А как сложилась Ваша жизнь? Все мечты и планы осуществили?

– Перестань мне выкать. Не можешь простить?

– Я так обращаюсь ко всем малознакомым людям. А мы с тобой мало знакомы. Прощать мне тебя не за что. Разве ты виноват в том, что я влюбилась? Ты был откровенен со мной и расставил все точки. Сказать, что я долго и мучительно страдала, значит соврать. Я быстро тебя забыла. Так как у тебя дела?

– Я женился на последнем курсе. Сейчас дочери тринадцать, сыну одиннадцать. Живу за городом, работаю в адвокатской конторе, своей, что не маловажно. Все, как мечталось, кроме одного. Мне не хватает любви, тепла, участия. Казалось, все есть, а радости от этого нет. Отношения ко

мне, скорее, потребительские. Чем больше я даю дому, тем меньше в этом доме во мне нужда. Жена меня не понимает, с дочерью общего языка не находим. Один сын рад моему присутствию.

– Может дело не в них, а в тебе? Ты мне жалуешься? Ждешь совета? Хочешь, чтобы я тебя пожалела?

– Хочу, чтобы пожалела, очень хочу. Когда мы можем с тобой встретиться?

– Мельников, нет никаких «мы», и встречаться я с тобой не буду. Возможно, Влад, ты хороший адвокат, состоятельный человек, страстный мужчина и щедрый любовник, но мне это неинтересно, а главное не нужно. Я люблю своего мужа, дорожу своей семьей, и не допускаю даже мысли обманывать ее. Спасибо за кофе. Мне пора. Прощай, – говорила Диана, поднимаясь из-за столика и направляясь к выходу.

Мельников вышел, практически, сразу за ней. Он видел, как Диана садилась в свою машину и выезжала со стоянки у здания суда. «Лексус, хотя и не новый, но Лексус, – сказал он вслух, подходя, а своей машине. – Ты, Диана, поторопилась сказать «нет», я попробую это исправить». Диана вернулась в управление, и, не заходя к себе в кабинет, разыскала Анжелику.

– Джин, я сегодня в суде встретила своего земляка. Мы лет двенадцать не виделись. Тебе что-нибудь известно о Мельникове Владе?

– О Владиславе Николаевиче? Мне много о ком хоть что-

нибудь да известно. С чего такой интерес? Зацепил? Колись, или я не скажу ни слова.

– Мы посидели с ним в кафе полчаса, и мне показалось, что он решил меня «склеить». Мне это неприятно, если не сказать большего.

– Мужик он внешне очень даже нечего, с деньгами и связями. Только очень эгоистичен и амбициозен. Если он решил тебя «склеить», будь готова к тому, что он своего добьется, – сказала Анжелика, и продолжила характеристику, взятую из «закрытых» источников.

– Ты хочешь сказать, что я ему уступлю даже против своей воли?

– Я хочу сказать, что он будет действовать не напролом, а тихой сапой. Настраивай себя на красивое ухаживание с его стороны, цветы, подарки, а через время, как кролик, попадешь в пасть к удаву и не заметишь.

– Дуреха ты, Джин, если думаешь, что все будет именно так. Я ему не по зубам.

– Ты, Дина, сколько служишь в органах? Он юрист, как и ты, и поверь, он тебя поймает на том, что тебе дорого. Подставит твоего Сашку, потом станет его защищать, как адвокат, на своих условиях. Я не хочу тебя пугать, но предупредить обязана. Поговори, Диана, с мужем, и опередите его своей игрой. Поверь, я знаю, что говорю.

Вернувшись в свой кабинет, который они делили с коллегой, она вдруг подумала о том, что високосный год препода-

носит им слишком частые испытания и сюрпризы. «Похищение, встреча с Павлом Ивановичем, обмен квартиры, история с Ларисой и ее сыном, и вот теперь Мельников, – думала она. – Подожду. Может, Джин ошибается и все не так «печально»? Мне не хочется лгать Саше. При виде Влада, у меня внутри ничего не екнуло, у меня нет к нему ни интереса, ни симпатии». Влад дал о себе знать уже через неделю в выходной. Курьер принес красивый букет цветов, в котором не было карточки, а через минуту раздался звонок смартфона Дианы. Звонил Влад с одним вопросом: понравились ли цветы? Александр, созерцавший эту картину, вопросительно посмотрел на жену.

– Саш, присядь не для объяснений, для разговора, – попросила Диана, бросив цветы на стол. – Есть некий адвокат Мельников, который ждет моей благосклонности. Я не знаю, что он примет в очередной раз, поэтому помоги мне, разберись.

– Давно вы с ним знакомы и что ему нужно? – глядя на жену, спросил Смирнов.

– Он из моего города. Мне было шестнадцать, и я влюбилась, ему девятнадцать. Мы месяц встречались, пока у него были каникулы. Четыре дня назад, я встретила его в здании суда, провели полчаса в кафе. Анжелика говорит, что он просто так не отстанет. Что мне делать? Ты же не хочешь, спустя время, получать анонимные фото о моих, скажем, свиданиях? Я не говорила ему, где я живу, и не давала своего

номера телефона, однако букет принесли, и тут же зазвонил телефон. Мне это не нравится, Сань.

– Цветы красивые и букет не виноват в том, что ему здесь не рады. Поставь его в вазу с водой, – говорил Александр. – Ты предлагаешь мне набить ему морду или красиво подставить?

– Ты, Сань, пропустил мимо ушей, что он адвокат. Я не хочу, чтобы ты сам подставился. Джин говорила, что он очень зависим от жены и тестя. Подумай, что можно сделать, но не долго. Я могу выдержать его ухаживания, если он их не прекратит, пару недель, не больше. Слов, как ты видишь, он не понимает.

Александр придумал хороший сценарий, но не был уверен, что он понравится его жене, а Диане приходилось через день общаться с навязчивым кавалером, который, то поджидал ее у управления, то у подъезда ее дома. «Тебе самому не надоела эта игра подростка? – спрашивала она Влада. – Как тебе еще объяснить, что твои визиты мне неприятны?» Через десять дней Диана согласилась на встречу с Владом в ресторане, и не отказалась подняться с ним в номер гостиницы.

– Одолжи мне свою рубашку. Я накину ее после душа, – говорила она, расстегивая многочисленные пуговицы на своем платье, направляясь в ванную. – Пожалуйста, завяжи глаза хотя бы галстуком ненадолго, мне немного неловко, – попросила Диана, выйдя из ванны в рубашке Влада, накинутой

на белье.

Влад, лежащий на кровати под простыней, завязал глаза галстуком, распустив на нем узел. Диана говорила, а вместо нее на кровать уже «вползала» девушка, отдаленно напоминающая Диану. Она знала свое дело и слова были лишними. Диана оделась и выскользнула из номера. Кувыркания длились достаточно времени. Влад давно снял с глаз повязку, но лицо партнерши, то прикрывали волосы, то оно было повернуто в другую сторону, да ему было не до лица. Наконец Влад откинулся на спину и прикрыл глаза. В эту же минуту в номер вошел молодой человек лет тридцати. Он без разговора прошел к стене у кровати, где висела картина, и снял с нее небольшую камеру. Влад с удивлением смотрел на то, что он делает. Молодой человек прошел к шкафу и снял с него еще одну камеру. Только после этого он обратился к присутствующим.

– Хорошо отработала, молодец! Иди, одевайся, – сказал он девушке и Влад, взглянув на нее, понял, что его попросту обманули. С ним была не Диана. – Теперь, ты, – обратился гость к Владу. – Здесь твои сегодняшние приключения, – он показал камеры. – Часто ты пишешь подобное? Я даже могу предположить для чего. За подставу, извини. Но ты не станешь отрицать высокого мастерства девушки? Понимаешь, Диана моя. Она моя жена, и раз ты не захотел по-хорошему оставить ее в покое, я вынужден был вмешаться. Будем воевать или ты примешь свое поражение?

– Не боишься войны? – спросил Влад, без стеснения одеваясь.

– Не боятся только дураки, – ответил Александр, но, за свою семью, я готов на многое. Оставишь мою семью в покое, все это останется между нами, ну, а нет, не обессудь. Что на носителе? – спросил он, присаживаясь в кресло. – Только «шалости» или есть криминальные моменты?

– Мне легче пустить себе пулю в лоб, чем отвечать за эти шалости, – ответил Мельников, все еще сидя на кровати.

– Чтобы пустить себе пулю в лоб, нужна совесть, а у тебя ее нет, – говорил Александр, просматривая информацию на планшете. – Этой девочке, сколько лет и кто у нее под следствием? – задал он вопрос и теперь ждал ответа. Мельников был краток. – Я думаю, девочке нужно помочь и сделать так, чтобы отец вышел на свободу. Статья у него, скорее всего, надуманная. Я прав? За всех твоих «наложниц» я воевать не буду, а вот девочка должна получить от тебя моральную компенсацию. За этим я прослежу, будь уверен.

– Я капитулирую, но не потому, что боюсь, реакции жены или тестя, а потому, что умею проигрывать. Вы меня переиграли, а достойный соперник, даже в грязном деле, вызывает уважение. Извинись за меня перед Дианой. Я переоценил свою значимость, но недооценил ее характера. Ответь мне на один вопрос: как тебе это пришло в голову?

– Небольшой опыт оперативной работы и большое желание наказать наглеца. Поймать тебя и набить физиономию,

было бы проще, но себе дороже. Я мог не рассчитать свою силу и убить. Да, шантажа с моей стороны не жди, если запомнил мои условия. Я свое слово держу. Прощай.

– Постой. Тебе следует знать, что все это ни моя инициатива. Мне нужны некоторые услуги от одной дамы, зовут ее Анастасия. Вместо денег за свою услугу она потребовала соблазнить твою жену, с доказательствами. Я покажу тебе ее фото. Смотри. Ты ее знаешь?

– Старая знакомая, ошибка исключена. Где она сейчас?

– Работает в одной городской нотариальной конторе.

– Мы учились с ней вместе года три. Странно. Как ей это удалось? Будь с ней осторожен, дамочка очень непроста.

Александр вышел из номера, спустился к выходу и через пару минут сел в машину Дианы.

– Ты не хочешь сменить профессию и пойти на сцену? – спросил он жену. – Ты свою роль отыграла великолепно, мне даже показалось, что ты начнешь раздеваться, – улыбаясь, говорил муж.

– Я думала, ты после всего этого предложишь мне более прибыльное занятие, например: панель или бордель. Почему ты задержался? Я начала волноваться.

– До этой профессии ты еще не доросла, но можешь сама посмотреть вечером на дублершу в деле и почерпнуть что-то для себя, – Александр пытался шутить. – Дина, ты со всем справилась. Успокойся. Тебе просили передать, что проиграли, не учли твой характер и просят извинения. Мне нуж-

но было с ним поговорить. Донести до него главное, ведь, по сути, я действовал незаконно.

– Смотри сам, извращенец. Я чуть со стыда не сгорела, дефилируя перед ним в рубашке. А если бы он попросил меня раздеться до того, как завязал глаза? Хреновый ты сценарист. Не мог предусмотреть сумерки или ночь?

– Не мог. Ему нужен был свет, чтобы записать постельную сцену с тобой. Я ставил одну камеру, а снял две. Он ее не особо и маскировал. Горничная не ошиблась, когда говорила о том, что ни все женщины приходили сюда с желанием. Он их шантажировал. Ты это понимаешь? Я еще сомневался, пока не поговорил с женой одного подследственного. Она заплатила деньги за услуги адвоката, а сама оказывала ему услугу, которая могла продолжаться до самого суда. Все, на сегодня приключения закончились, поехали домой, – поставил Александр в этом деле точку.

– Саш, а посмотрев записи, ты сможешь предотвратить дальнейший шантаж? Женщины скажут тебе спасибо, – говорила Диана. – Как думаешь: их можно найти?

– Как ты их найдешь, Дина? Они же не называли своего имени и фамилии перед тем, как лечь к нему в постель. Забудь.

– Как можно это забыть? Ты можешь представить, что он мог выдумать, чтобы я оказалась в его постели? Тебя дурака под статью подвести, подставить, чтобы я была зависима от него, а потом просто шантажировать. Защищая близких

людей, как-то не до морали. Он сумел воспользоваться этим в своих интересах. Самое обидное то, что очень многие любого шантажа бояться, поэтому он не прекратится никогда.

– На этот раз ни ему нужен был компромат на тебя, а твоей бывшей подруге Насте, – сказал Александр, передавая жене конец диалога с Мельниковым.

– Саш, она больна. Девять лет прошло, а она не оставляет мысль взять надо мной реванш. В чем, а главное за что? – говорила Диана, вспоминая свой разговор с Настей в изоляторе.

Александр Смирнов через неделю нашел Настю в одной из нотариальных контор.

– Здравствуйте, Анастасия Анатольевна, – сказал он, входя в кабинет помощника нотариуса. – Мне бы с Вами поговорить минут пять. Найдете время?

– Зачем тянуть? Присаживайтесь, Александр Дмитриевич. Что за разговор? – спрашивала, чуть побледневшая Настя. – А, ты, Саша, почти не изменился.

– Давай не будем раздавать комплименты, а сразу перейдем к делу. Выглядишь ты хорошо, изменив немного внешность, работа, я вижу, не пыльная. Чего тебе спокойно не живется? Может, это Диана тебя держала в пыльном сарае, а не ты ее? Может это я тебя домогался, а не ты меня? Переспал я с тобой один раз, но это была твоя инициатива. Напомнить? Чего ты хочешь? Давай на чистоту.

– Уже ничего. Мне слишком долго не удавалось чего-то

добиться в этой жизни. Ты же не станешь ломать то, что я с таким трудом выстраивала? – спрашивала она. – Я не буду напоминать Диане о себе, а ты оставишь все, как есть.

– Предположим, я тебе поверю. Но не проща ли тебя упрямать за мошенничество? В этом случае у меня будет хотя бы гарантия на определенный срок, – говорил Александр, начиная «закипать». – С тобой разве можно договариваться, если ты слышишь и делаешь только то, что хочешь сама? Не поумнела за эти годы и ничему не научилась?

– Я тебе обещаю: обходить твою семью стороной. Мне есть, что терять в данное время, и я сменю гнев на милость.

– Хорошо. Я буду делать вид, что поверил тебе. Только заруби себе на носу: даже косой взгляд на мою жену, не говоря о словах, я расценю, как обман и накажу за него по-своему: я не буду выводить тебя на чистую воду, я тебя уничтожу. Запомни это, – сказал он, поднимаясь со стула и направляясь на выход. – Считай, что это я сменил гнев на милость. У тебя есть единственный шанс жить спокойно, не нарушая своего обещания.

«Она действительно психически нездорова. После того, что случилось в две тысячи седьмом, она считает себя незаслуженно обиженной. Переубедить ее в том, что она виновна, сможет разве что врач, раз ни суду, ни зоне этого не удалось», – думал он, садясь в машину.

Глава 10

Прошло два года. За это время в семье Дианы не произошло существенных изменений. Супруги отметили свое тридцати трехлетие, получили звание «майор» и отметили десятилетие брака и десятилетний стаж службы. За лето они три-четыре раза выезжали к родителям Саши на выходные. Своим родителям Диана звонила каждое воскресенье по скайпу. В свой отпуск они выбрались на море только в сентябре, отметив все эти события, и вернулись двадцать шестого сентября, в среду. Лера росла и развивалась в соответствии с возрастом и техническим прогрессом. В конце октября ей исполнялось четыре года. Она была очень внимательной, сообразительной и развитой не по годам. Без проблем щелкала кнопками пульта от телевизора и безошибочно находила свой канал «Карусель». Без посторонней помощи листала в планшете страницы и находила то, что ей было нужно. Сама себе находила занятия, но при условии, что кто-то должен находиться неподалеку. Была это боязнь одиночества или удобный вариант на получение ответов на бесконечные «как?» и «почему?», родители так и не выяснили. Были у нее свои понятия новых слов. Услышав вопрос «Ты за мной шпионишь?», она расценила игрой в прятки и теперь предлагала: – «Пап, давай мы будем с тобой «шпионивать». Услышав в рекламе: «Давай, сынок, до связи», она решила,

что это с родни словам «Пока», «до свидания». Теперь прощаясь, всегда говорила: – «До связи!» Она не выговаривала букву «р», но это ее не особо смущало, как и перестановка слогов в словах. Самокат у нее назывался «мосакат», а вот самолет, назывался правильно. Иногда ее фразы вызывали улыбку не по тому, что были смешны, а потому, что выражали ее отношение к происходящему. Видя, что муж засыпает, Диана предлагает перейти в другую комнату: – «Лера, пойдем. Пусть папа поспит», на что та ей шепотом отвечала: – «Пусть спит. Он нам не мешает». Валерия знала короткие стихи и песни, легко сходилась не только с взрослыми, но и с детьми. Она не была капризной, была девочкой обязательной и аккуратной. Пусть пока получалось не все, не всегда, но в комнате, куда ее переселили год назад, всегда был относительный порядок, и ей не нужно было напоминать об уборке игрушек. Валерия взяла от родителей все лучшее. Внешне она больше походила на мать, хотя иные утверждали обратное. Цвет волос был ни мамин, ни папин, а цвет темного шоколада, а глаза были мамины. Характер был папин. Она была очень терпелива и выдержана. Авторитетом для нее был отец.

Отправив Леру в детский сад, а мужа на службу, Диана поехала на рынок. Прилетев вчера рано утром, они не готовили еду, пообедав в кафе и поужинав пиццей. Уезжая в отпуск, оставляли в холодильнике минимум продуктов, и теперь его необходимо было заполнить, многое купить. «Будет

свободен Саша или нет, ехать все равно придется, – думала Диана. – Сделаю все сегодня сама, а в выходные буду только готовить». С тех пор, как Диана вышла на работу, первое блюдо в доме готовилось только в выходной день. Лера обедала в саду, родители в столовой. А вот завтраки и ужины готовились. Не всегда ужин был изысканным, но салат, гарнир и мясное блюдо в разных вариантах присутствовало. Диана покупала либо курицу, либо свинину. Пусть это было, возможно, и не совсем здоровая пища, но ее ели с удовольствием все. После рынка, был супермаркет. Ей пришлось дважды подниматься на этаж в лифте с большими пакетами. Второй раз в лифт ее пропустил мужчина с аккуратными усами, бородкой, небольшим чемоданом и мужской сумкой через плечо.

– Спасибо, – сказала Диана, нажимая кнопку этажа в лифте.

– Негоже молодой женщине таскать такие тяжести, – как будто с иронией проговорим «попутчик» в лифте.

– Женщина сама виновата в том, что не знает меры, – говорила Диана, понимая, что голос говорившего ей знаком. Она посмотрела на попутчика внимательно и узнала. – Папка, – прошептала она, прижимаясь к отцу.

– Узнала, дочка, – обняв ее, сказал отец. Лифт остановился, он подхватил один из пакетов. – Теперь куда?

– В новые апартаменты. Теперь у нас просторно. Давай пакеты, я их быстро разберу. Ты голоден? Дай я на тебя посмот-

рю, – говорила Диана, рассматривая Китаева. – Тебе идет новая внешность, – сказала она и вновь прижалась к отцу.

– Дина, на этот раз я приехал дня на три. Из рассказов твоего отца, многое о вас знаю. Саша, когда вернется?

– А мы с тобою сейчас ему позвоним. Он должен был сегодня еще отдыхать, – говорила она, найдя номер телефона мужа. – Саш, ты сможешь освободиться к обеду? Это очень важно и очень нужно. Поговори с Андреем. Павел Иванович приехал на три дня, полдня уже прошли. Постарайся, пожалуйста.

– Думаешь, у него получится? – с надеждой в голосе, спросил гость. – Я был бы рад пожить это время с вами.

– Я редко его о чем-то прошу, – отвечала дочь, разбирая пакеты и загружая кофемашину. – Ты будешь чай или кофе? Овсянки, сэр, нет, а бутерброды сделаю. Ты с чем предпочитаешь с икрой или семгой?

– Шутница. Творог домашний? Вот с него и начнем. А кофе с молоком, как себе. Хватит уже суетиться. Я улечу тридцатого поздно вечером, успею наесться, – говорил он, споласкивая руки под краном в кухне. – У родителей твоих я был. Вам привет в виде денежного эквивалента и Лере подарки. Все в чемодане. Ты что-то говорила о бутербродах. Где они?

– Одну секунду, сэр. Уже делаю на заказ. Открой баночку.

– Точно икра. А почему такая крупная? Неужели химия?

– Темнота европейская! Икра прямо с Камчатки, от кижу-

ча, проверенная временем, поставщиком и продавцом. Постоянных клиентов они не обманывают. Не бойся, мажь нормально.

– Вкусно-то как. С лососем не сравнить. Ты на обед, что будешь готовить? Я могу обойтись икрой, – шутил отец

– У меня сегодня рыбный день. Купила карпа. При мне его выловили, почистили, разделали. Мне осталось его пожарить, а из головы, которая весит не меньше килограмма, сварить уху. Так что, на обед у нас будет рыба.

– А вяленой не купила? – мечтательно спросил он.

– Купила. Два судака и четыре крупных чебака. Пиво Саша покупает сам. Нашу квартиру купил Сашин коллега. Они иногда приходят к нам в гости, иногда мы идем к ним. Скорее даже не так. Если мужской совет заседает у нас, мы с Лерой идем к Анне и наоборот. Ты чего загрустил?

– Вспомнил, как пиво пили у пивной из кружек под воблу после армии. Сейчас и пиво не то, и вобла перевелась. Как Лера?

– Леру нужно видеть и слышать. Словами твою внучку не описать. Нет таких слов. Я заберу ее сразу после сна, сам все увидишь.

– Дина, может, чем помочь?

– Можешь. Переодевайся в домашнее и возвращайся. Хочешь, занимай гостиную, хочешь, соседствуй с внучкой.

Павел Иванович забрал чемодан из прихожей и прошел в комнату внучки. Переоделся, достал подарки, привезенные с

собой, и разложил их на спинке дивана. Обошел еще раз всю квартиру, и вернулся к дочери в кухню. Рыбья голова варилась, а первая порция рыбы поджаривалась на сковороде.

– Пап, ты помнишь о деньгах в диване? Половина из них ушла на доплату за эту квартиру и покупку мебели. Они дождались своего часа. А еще, я помогла одному мальчику, частично оплатив его операцию. Осталось три подушки с сюрпризом.

– Ты молодец, деньги должны приносить пользу. Но я, дочка, не помню о деньгах, тем более о тех, что были в подушках твоего дивана. Ты ничего не путаешь? – улыбаясь, спросил он. – Прошло тринадцать лет, я мог заразиться склерозом. Глядя на диван, я мог бы его вспомнить, но в комнате стоит другой. Извини.

– Мне кажется склероз твой избирательный: тут помню, там не помню, – обнимая отца, говорила Диана. – Как тебе наша квартира?

Они проговорили около часа, прежде чем обед был готов, наполнив кухню ароматом зелени и запахом жареной рыбы. В это время с работы пришел Александр. Тепло, пожав друг другу руки и обнявшись по-родственному, мужчины перешли в гостиную, пока Диана накрывала на стол.

– Тебе дали добро на выходные? – спросил Китаев.

– Все в порядке. Я проведу их с вами. Павел Иванович, давайте махнем завтра на природу. Полчаса и мы на берегу речки. Сезон не купальный, так что чистота воды нам неваж-

на. Подышим воздухом, пожарим на решетке мясо. Как Вы на это смотрите?

– Положительно. Погода не подведет? Загвоздка в экипировке.

– Я Вас одену и обую, как туриста, легко и по сезону тепло. С небесной канцелярией я договорился. С утра до семнадцати будет солнце и легкий бриз, – говорил Александр. – Диана, ты за поездку на природу или против нее? – обратился он к жене.

– Я за поездку. Ребята, вы обедайте, а я заеду куплю все для пикника, заберу из сада Леру. – Саш, набор стандартный? Посуда разовая осталась или купить? Не скучайте, я скоро вернусь. Да, коньяк в столе, а вино, привезенное тобой, папа, четыре года назад, в кладовой. Ждали случая.

Диана ушла. Вино достали и открыли. Съев по тарелке наваристой ухи и по порции рыбы, мужчины разговорились и Павел Иванович, сделав глоток вина, как-то погрустнел.

– Сань, пока Дины нет, скажу тебе все, как есть. Мой приезд не случайный. Мне предстоит операция, и я не уверен, удастся ли мне выкарабкаться. Я не могу ей сказать всего. Помочь она мне не сможет, а переживать будет, ты же знаешь ее лучше и дольше меня. Я принял решение и не отступлю от него. Если в течение определенного времени я не оправлюсь, овощем я жить не буду. Одно дело, когда ты инвалид, но в здравом уме, и совсем другое, когда ты не дружишь с головой. Не надо мне говорить о надежде, которая умирает

последней. Я сейчас говорю, как раз о ней и, если она умрет, меня ожидает эвтаназия. Это не страшнее пули в висок. Я тебя прошу, если это все же случится, береги ее. Вы молоды и, возможно, не цените то, что имеете. Прежде, чем тебе прыгнуть в чужую кровать, подумай. Дина измены не простит, а вот отпустить тебя сможет. Не обманывай ее. Всегда лучше расстаться друзьями.

– Я очень люблю Вашу дочь, и вряд ли подобное может с нами произойти, но я вас понял. Что мне ей сказать?

– Я сам с ней поговорю, не сказав всего. Сошлюсь на гастрит или банальную язву. Лягу в клинику, а там по ситуации. Люди умирают по разным причинам. Я вчера был у брата, был в Москве, разговаривал два дня назад с Аверинным. Оказывается, вам нельзя поехать в Швейцарию. Но у нее есть право забрать мой прах и принять наследство. Дина моя дочь. На это есть заключение и решение суда. Думаю, она сможет получить на это разрешение. Мой адвокат, в крайнем случае, свяжется с вами через посольство. Дина в праве от всего отказаться, не настаивай. Это будет ее выбор. И, еще, это уже касается вас двоих: пригласят в контору или ОСБ не волнуйтесь. Все, что вы обо мне знаете не тайна, откровенным разговорам на кухне нет доказательств, догадки и домыслы к делу не пришьешь. За мной не числится ни больших грехов, ни больших денег. Неприятностей я вам не доставлю. Родителей не выбирают. А не приехать, и не попрощаться, на всякий «пожарный» случай, я не мог.

– Павел Иванович, я Вас понял и сделаю все, о чем Вы просите, но буду надеяться на лучшее.

– Ты думаешь, фортуна и на этот раз будет смотреть мне в лицо и не повернется задом? Я бы согласился. Иногда думаю: если бы ни та драка, какой бы была моя жизнь? А может, это и было началом другой жизни, только я об этом не знал? Самое смешное, что другой жизни, я не представляю. Я другой ее, Саша, не знаю. Та жизнь, когда я жил с Наташей и Дианой, была, как отпуск, долгосрочный отпуск. Прошло одиннадцать лет, как я «сбежал» из этого города. В четырнадцатом году я провел здесь всего один день, в шестнадцатом пробыл в Москве – два, теперь приехал на три. Я очень скучал, хотел видиться, общаться, но меня хватало на два-три дня. Здравый смысл мне говорил: «Привязываться нельзя Паша. Расставаться будет больнее». Я это понимал. Говорят, что мы сами выбираем себе дорогу. Сами делаем ошибки, сами на них учимся. С этим я согласен, но с одной оговоркой. Есть ситуации, когда выбор не велик, и обстоятельства, которые заставляют этот выбор сделать заранее неправильным. Ты это осознаешь, даешь себе отчет, но исправить ничего не можешь. И совсем не потому, что не хочешь, а потому, что не дают. Меня спасало только то, что я не любил ни кого и не был привязан. А когда узнал, что Диана моя дочь, что-то во мне перевернулось, и я очень хотел наверстать упущенное, хотя знал, у меня появилось уязвимое место. Ты помнишь, как я уезжал? А как похитили твоих де-

вочек? Не все Саня зависит от нас. За мной нет долгов, во мне уже нет такой необходимости, а «самоликвидация» реальный способ забыть обо мне навсегда. Вот, что-то вроде этого. Ладно, давай проведем эти дни вместе с надеждой на будущее. Девочки пришли.

Время до ужина и после него, Лера не отходила от деда. Ему пришлось и книжку читать ей перед сном. Утром, после завтрака, они на машине Александра выехали на природу. Место для отдыха было идеальным. В трех-пяти километрах от трассы начинался редкий перелесок, а за ним узенькая речка. Деревья еще ни все сбросили свой наряд и стояли все в оттенках желтого и красного. Повсюду виднелись следы мангалов, но было чисто. Кроме них, за перелеском стояло еще две машины, а ближе к берегу, на траве, расположилась компания взрослых людей в возрасте от тридцати до пятидесяти лет.

– Вы здесь хозяйничайте, а мы с Лерочкой погуляем, – сказал дед, беря внучку за руку.

– Саш, у меня складывается впечатление, что он приехал с нами проститься что ли. Настроение у него не такое, как всегда. Он так много никогда не говорил.

– Не выдумывай, а главное не накручивай себя. Вы чаще виделись с ним наспех, наскоком. Ты сама говорила, что он больше спрашивал, чем говорил, но ведь не молчал. Теперь он заговорил.

– Нет, Саш, здесь что-то другое. О чем вы говорили в мое

отсутствие? – настаивала Диана.

– Обо всем и ни о чем. Он спрашивал, я отвечал. Рассуждал о жизни, выборе своей дороги. Мне показалось, он почувствовал себя свободным от прежних дел, – отвечал Александр, разжигая мангал, – поговори с ним сама после обеда, а я займусь Лерой.

Через час внучка с дедом вернулась, а голени кур на решетке были готовы. Расположившись на пледе подальше от воды, семья принялась за обед.

– Пап, а как там твой бизнес в Швейцарии?

– У меня с женой вполне легальный небольшой туристический бизнес. Есть такое место на юге Вале, Нанда. Курортное место и зимой и летом. Шале в двести пятьдесят квадратных метра, из пяти спален, приносит мне неплохой доход. Мини-отель принимает от десяти до двенадцати человек, и, практически, не бывает пустым. Одни выезжают, другие заезжают. Зная немецкий, я и хозяин, и управляющий, и гид. Есть кухарка, она же горничная. Готовим только завтрак и ужин. Есть дворник, снабженец, завхоз в одном лице. Здоровая конкуренция есть. Но войн не бывает. Жаль, что вы не можете посетить эти чудные места. У меня есть фотографии, я вам все покажу. Диана, а ведь ты могла бы ко мне приехать. Лягу в клинику с гастритом или язвой, ты получишь уведомление, и твое начальство может тебе дать разрешение.

– Я чувствовала, что с тобой что-то не так. Ты болен? – спрашивала Диана, пристально глядя на отца. – Рассказывай.

Ты знаешь, что я настырная и не отстану.

– Дочка, не драматизируй! В моем возрасте можно найти любую болячку на выбор от гайморита, до простатита. Там очень внимательно относятся к своему здоровью и это не вызовет каких-то подозрений. Здоров я, но мысль хорошая. Я вообще не понимаю: почему у вас есть ограничения на выезд в некоторые страны? Как могут влиять экономические санкции на отдых отдельных граждан? Что секретного могут узнать у блюстителя порядка? Это уже ограничения свободы.

Александр, занятый Лерой, думал о том, чего стоит Павлу Ивановичу ломать комедию перед Дианой. Говорить убедительно, менять тему в разговоре, контролировать себя, зная, что все это ложь. « Она относится к нему, если ни как к своему отцу, то, как к хорошему отчиму, по-доброму. Не делает большого различия между отцами. Они принимали участие в ее воспитании, помогали, оберегали и оба ее любят. Я его знаю очень мало, но испытываю к нему уважение за характер, который поражает». Они вернулись в город около шести вечера. Сидя в гостиной, после легкого ужина и вина, Павел Иванович обратил внимание на синтезатор.

– Ты часто на нем играешь, дочка? Или он у вас для мебели?

– Последнее время все реже и реже. Ты, хочешь послушать мою игру? – спросила Диана. – Я могу попробовать, но не уверена, что это будет музыка, а не собачий вальс.

– В далекой юности, для того, чтобы играть в школьном ансамбле, нам с Санькой приходилось идти на компромисс. Я должен был иметь не меньше пятерки в четверти по немецкому языку, а Сашка закончить, ненавистную, музыкальную школу.

– Папа ходил в музыкальную школу? Я об этом не знала. Это для меня новость, – удивилась Диана. – За столько лет я ни от кого не слышала о его музыкальном прошлом.

– Зоя Васильевна, его мама, преподавала в музыкальной школе и видела в сыне пианиста. Где был Санька, а где пианино? Это он издевался над синтезатором, а я терзал гитару. Большинство из нас были самоучками, фальшивили, но гордились, когда выходили на сцену. Поклонницы табунами ходили. Шучу! Жаль, гитары у вас нет. В такой вечер песни были бы не лишними.

– Сейчас будет Вам гитара, – сказал Александр, поднимаясь с дивана и направляясь к соседям. – Держите! – говорил он, минуту спустя.

Павел Иванович перебирал струны, словно давая пальцам разминку, а через пару минут негромко запел. Голос у него был приятным.

–« Вновь о том, что день уходит с Земли,

В час вечерний спой мне,

Этот день, быть может, где-то вдали,

Мы не однажды вспомним.

Вспомним, как прозрачный месяц плывёт

Над ночной прохладой,

Лишь о том, что всё пройдёт,

Вспоминать не надо.

Лишь о том, что всё пройдёт,

Вспоминать не надо».

Диана включила синтезатор и уже, ко второму куплету, играла и подпевала отцу.

– «Всё пройдёт, и печаль, и радость,

Всё пройдёт, так устроен свет.

Всё пройдёт, только верить надо,

Что любовь не проходит, нет».

Когда песня закончилась, Александр и Лера захлопали в

ладоши.

– Деда, давай, пой еще! – говорила Лера, довольная тем, что дед умеет еще и играть на гитаре, как дядя Андрей.

– Мне некоторые песни Боярского очень нравятся. Слова в его песнях правильные, что ли. Я ему верю, когда слушаю, – говорил он. Послушайте: – «Сладкий сон погасил глаз ласковых пламя.

Тихо губы твои чуть трону губами я.
А на губах твоих усталый день затих.

Ты сладко спишь, а я шепчу тебе, родная:

Спасибо за день, спасибо за ночь,

Спасибо за сына и за дочь.

Спасибо за то, что среди боли и зла наш тесный мирок ты сберегла».

– А эта, вообще, призыв к действию:– « Я от страха себя отучал постепенно. Я отрекся от всех мелочей бытовых.

И теперь каждый вечер на эту арену,
Вывожу дрессированных тигров своих.

Ап, и тигры у ног моих сели, ап, и с лестниц в глаза мне

глядят,

Ап, и кружатся на карусели, ап, и в обруч горящий летят».

Он прикрыл струны ладонью, откинувшись на спинку дивана.

– Пап, а ты там, у себя дома, поешь? – спросила Диана.

– Больше слушаю классику. Иногда, чаще зимой, пою, сидя у камина. Только песни у меня все из далекой юности, молодости. Вы, наверное, таких песен и не слушаете. Вот эти очень нравились Саньке. Он пел их так проникновенно, из-за нашего любовного треугольника: – «Говорят что некрасиво, некрасиво, некрасиво,

Отбивать девчонок у друзей своих.

Это так, но ты с Алешкой несчастлива, несчастлива,

А судьба связала крепко нас троих.

Как же быть, как быть? Запретить себе тебя любить.

Не могу я это сделать не могу.

Лучше мне уйти, Но без грустных нежных глаз твоих

Мне не будет в жизни доброго пути».

Он на несколько секунд замолчал, задумался и запел
ВНОВЬ:

– «У беды глаза зелёные, не простят, не пощадят.

С головой иду склонённою, виноватый прячу взгляд.

В поле ласковое выйду я и заплачу над собой.

Кто же боль такую выдумал? И за что мне эта боль?»

– В юности мне был непонятен его интерес к таким песням. Только спустя время, до меня дошло: он пел о себе, о своей любви. Сашка всегда был романтиком. Его и годы, и служба, в этом отношении, не сломали. А я, до самой армии, был, как тот Есенин, и песни пел: – «Ты мне не снишься, кто ж тут виною,

Если ошибку звали любовью.

Сами назвали, сами решили,

Не понимая, что поспешили.

Ты мне не снишься, я тебе тоже,

И ничего мы сделать не можем.

Словно чужими стали друг другу,

И между нами, и между нами

Белая вьюга».

Он прикрыл струны ладонью и посмотрел на Диану.

– Теперь твоя очередь солировать, дочка. Удиви отца.

– Пап, ты думаешь, эти песни забыты? Зря. Некоторые из них перепевают молодые исполнители. Репертуар «Веселых ребят», «Синей птицы», «Цветов» не забыт. Мне понравилась одна песня, и я заинтересовалась: чья она? Что ты думаешь? Песня написана в семидесятые годы и была в репертуаре «Веселых ребят». – Диана заиграла мелодию, – Не вспомнил? – спросила она и тихо запела:

«Все напоминает о тебе, а ты нигде.

Остался мир, который вместе видел нас, в последний раз.

Комната с балконом и окном светла сейчас,

Чиста как день, который вместе видел нас в последний раз.

Время пройдет, и ты забудешь все, что было, с тобой у нас, с тобой у нас.

Нет, я не жду тебя, но знай, что я любила в последний раз.

В последний раз, в последний раз, в последний раз». – Павел Иванович вспомнил и слова, и мелодию, и уже они вдвоем с дочерью, почти с ансамблем, пели дальше: «И, пройдет, не знаю, сколько зим, и сколько лет...

– Умница, какая же ты умница! Как я мог ее забыть? Спасибо, – говорил Павел Иванович, подходя к дочери и целуя ее в затылок. – У нас осталось два артиста, которых мы с удовольствием послушаем и посмотрим. Лерочка, с кого начнем?

Были песни и танцы Валерии. Музыкально-развлекательный вечер, затянулся до двадцати двух часов. Лера уснула поздно под дедушкину сказку, и Павел Иванович уже не выходил из комнаты внучки, устроившись на ночлег рядом с ней на диване. Он лежал без сна, думал о прожитом дне и чувствовал, что встреча придала ему не столько сил, сколько душевного спокойствия.

– Отец устроил нам сегодня настоящий праздник. Хороший получился вечер, – говорила Диана, укладываясь спать.

– Приятный вечер достоин продолжения, и ночь, самое время для этого...

Следующий день, начавшийся с завтрака, они провели в городе до обеда. Погода была, как по заказу. За обеденным столом Диана не смело спросила отца:

– Пап, а почему ты не можешь остаться дольше?

– Почему не могу? Могу задержаться и на день, и на два, и на неделю. Только смысла в этом нет. Всему, дочь, есть предел. Что я буду делать в пустой квартире с Лерой? Это первое время я для нее представляю интерес. Пойми, родная моя, радость, от встреч после долгой разлуки, делает людей искренними первые несколько дней. Это, как праздник. И я хочу оставить его в памяти. Мы чудесно провели с вами время, но эти минуты и часы уже не повторятся. Праздник закончился, начнутся будни. Пусть не серые, а цветные, но будни. Вы оба понимаете, о чем я говорю. Пройдет время, и мы с вами устроим очередной праздник, а потом еще и еще. Встреча дарит счастье, а разлука дарит встречу.

Вечером Павел Иванович простился с дочерью и внучкой в квартире, наотрез отказавшись от проводов в аэропорт. Александр проводил его до такси.

– Ну, все, Сань. Долгие провода не наш случай, – говорил он, подавая руку, для рукопожатия. – Я сказал все, что хотел, дальше время покажет. Береги своих девочек. Прости, я не могу сказать: «Прощай», говорю: «Удачи тебе и будь здоров!». – Он обнял Александра, вручив таксисту чемодан, сел в машину и такси отъехало от подъезда. Через сутки он позвонил и доложил о том, что удачно приземлился в Берне, еще раз повидавшись в Москве с Авериными.

Глава 11

С первого октября вся семья Дианы вышла на «службу». Жизнь вошла в привычную колею, пока девятнадцатого числа, во второй половине дня, ее не вызвал к себе начальник и протянул молча бумагу. Диана читала разрешение на собственный выезд в Швейцарию по семейным обстоятельствам, сроком на две недели с двадцать второго октября по четвертое ноября.

– Пиши Диана Александровна рапорт. Паспорт заберешь в отделе кадров, там тебе и объяснят все нюансы, – говорил он, видя, что подчиненная не очень понимает, о чем идет речь. – Присядь, Аверина, – попросил он и, выждав пару минут, глядя на нее, сказал: – Павел Китаев умер. Тебе следует, согласно завещанию, выехать в Швейцарию, забрать прах и решить вопросы с наследством. Ты меня, майор, слышишь? Понимаешь?

– Я Вас слышу. Отец умер, прах нужно забрать и перевезти, у меня две недели и я должна написать рапорт. Все правильно? Что еще?

– Иди в кадры, соберись и не раскисай. Свободна.

Диана спустилась этажом ниже и вошла в кабинет, где ее уже ждали. Получив свой заграничный паспорт и «ценные» указания, изложенные на листе бумаги, она вернулась в свой кабинет и расплакалась. Ей не хотелось верить в то, что она

больше никогда не увидит отца, что его больше нет, и проститься с ним уже ни как невозможно. Слишком неожиданно свалилось на нее это известие. Они виделись двадцать дней назад. Она немного успокоилась и, не зная с чего начинать, набрала номер телефона отца.

– Дина, я в курсе всего, мне звонили. Я ждал, дочка, когда ты получишь официальное добро, – говорил он в трубку, еще не услышав голоса дочери. – В посольстве я был. Визу мы получим в понедельник-вторник и сразу можем вылететь. С валютой я сам разберусь. Понимаю, дочка, ты расстроена, но Паша хотел, чтобы это сделала именно ты.

– Он обо всем знал и не сказал, когда прилетал в сентябре?

– Он не знал, но предполагал такой исход. Ничего уже не исправишь, а долг свой надо исполнить. Когда тебя ждать?

– Попробую вылететь в субботу. Я позвоню тебе из дому.

Она отключилась, нашла в своем смартфоне фотографии, сделанные на пикнике и в городе. Слез уже не было, осталась только грусть. Она смотрела на фото. Таким он ей и запомнится, другим его не увидеть. Она покинула рабочее место на час раньше положенного времени. Забрав Леру из детского сада, приготовила ужин, все время, думая о днях, проведенных с Павлом Ивановичем. Лера, которой через неделю исполнялось четыре года, как будто чувствовала настроение матери и вела себя тихо.

– Мама, наверное, заболела или ее кто-то обидел, – говорила она отцу, пришедшему с работы. – Она все время пла-

чет.

– Что у тебя случилось, Дина? – спросил он, входя в кухню. – Кто тебя обидел, родная?

– Я получила разрешение на вылет в Швейцарию. Павел умер, – сказала она, и на глазах появились опять слезы. – Я должна забрать его прах. Понимаешь? От него остались воспоминания и горстка пепла.

– Успокойся. Ты все вопросы на работе решила? Впереди выходные дни. Как это случилось? Когда? – спрашивал Александр, обнимая крепко жену. – Не надо плакать.

– Я не знаю подробностей. Папа ждет меня в воскресенье. Позвони ему, может, я, что не так поняла, а я позвоню дяде. – Анатолий Иванович, здравствуйте. У меня для Вас плохие новости. Ваш брат, а мой отец умер, – сказала она. После минутной тишины, она услышала голос дяди.

– Мне очень жаль, Дина. Чем я могу помочь? Ты не удивляйся, я был наполовину готов к этому. Мы виделись с Пашкой в конце сентября, он прилетал. Ты полетишь с Авериным? Позвони мне, когда вернешься в Москву, я приеду.

– Выходит, он попрощался со всеми, кроме меня? – задала она вопрос мужу. – Почему?

– Он не прощался, Дина. Он просто рассказал мужчинам, что может случиться.

– Тебе тоже?

– И мне, в том числе. Он предвидел два исхода операции, и на каждый у него был сценарий, а случилось все не по

его сценариям. Павел умер во время операции пятнадцатого числа. Отец просил передать, чтобы ты одевалась потеплее, и не забыла свои документы. Об остальном он позаботится сам. Адвокат Павла Ивановича держит с ним связь, и уже занимается делами. Пока ты будешь отсутствовать, я здесь решу вопрос с захоронением. А ты выбери завтра его фотографию.

Накормив ужином мужа и дочь, Диана оставила дочь на мужа и прошла к себе. Ей предстояла двухнедельная поездка, и надо было предусмотреть все. В ее гардеробе не было вещей для траура. Кроме того, она не знала, где, кто и как ее примет в чужой стране. Захочет ли его семья иметь с ними дело? Какая погода будет в Москве и Берне? Через полчаса Саша вошел в спальню.

– Ты как? Успокаивайся. Павел бы не одобрил твое поведение. Тебе рано раскисать. Впереди много дел. Соберись. Завтра будет новый день, а сегодня ложись, отдыхай. Мы с Лерой справимся, – сказал он жене, крепко обняв и нежно поцеловав ее. – Держись!

Утром Диана проснулась раньше обычного. «Саша, прав, мне нельзя раскисать, хотя бы потому, что я оставляю на две недели мужа и дочь. Нужно приготовить на это время вещи Лере в сад, ему на службу. Позаботиться о том, чтобы в холодильнике были продукты на завтрак и ужин. Саша и сам справится, но так у него будет меньше головной боли и больше времени на дочь, – думала она, включая стиральную ма-

шину. – Собраться самой, заказать билет, а главное сделать фото Павла и оставить его для Саши. Саша не забудет и сам о дне рождения дочери». Выпив чашку кофе, она приготовила завтрак. Двенадцать румяных кружевных блинчиков, сделанных из стакана молока, одного яйца, сахара, муки и кипятка, ждали едоков. Эта «процедура» заняла не более получаса. Достав небольшую дорожную сумку, она сложила в нее две смены белья, две трикотажные кофты, джинсы из вельвета темно-коричневого цвета, колготки, носки. Примеряя в прихожей свое полупальто, она увидела мужа, выходящего из комнаты Леры.

– Дина, этому пальто, сто лет в обед, – сказал он. – Ты собралась в нем лететь? Надень лучше что-нибудь другое.

– Этому пальто всего лет восемь. На него ни одна моль не покусилась. Во-первых, оно темное, во-вторых, теплое, в-третьих, удобное хоть для самолета, хоть для машины. Мы же его с тобой и покапали с расчетом на авто. Ты лучше оцени другое: я в него «вошла». Это значит, что я не потеряла форму. В шубе, хотя она и короткая, еще не сезон.

– Это значит, что у него покрой такой, который больше подходит для беременных. Не льсти себе, жена. Ни в нем ли ты ходила беременная Лерой?

– Умеешь ты, Смирнов, все испортить. Мог бы и комплимент сказать.

– Ты у меня стройная, как березка, – обнимая жену, говорил он. – Пальто нормальное, Это я от зависти сказал. Ты в

нем выглядишь моложе и стройнее, а главное оно по сезону, ты права.

– Саш, я часов в десять съезжу на рынок, а вы оставайтесь дома. Погода хмурая, возможно будет дождь. Бульон у меня на плите. Голодными на два дня я вас не оставлю. Сейчас закажу билет и буду кормить тебя завтраком, – говорила она, входя в интернет на сайт и заказывая билет. – Как ты будешь управляться один с Лерой? Мало ли какие обстоятельства будут складываться на работе.

– Я буду отводить Леру в сад, а Аня забирать вместе с Сережкой. Не волнуйся, мы справимся. Может нам няню взять?

– Ты сейчас, говоря о няне, подумал о дочери или о себе? – спросила недовольно Диана.

– Не будет няни, ревнивица. Я позвоню Платону, попрошу помочь, если не будем справляться.

Диана вернулась с рынка с покупками часа через два, купив все, что планировала. Привезла с собой две фотографии Павла Ивановича, одна из которых была в рамке с траурной лентой. Поставив ее на горку, вторую передала Саше со словами: «Если понадобится». Приготовив обед и накормив семью, занялась вещами мужа и дочери для работы и сада. Уже через час они висели на плечиках в ряд в шкафах.

– Вещи все готовы. Будьте аккуратными и вам всего хватит. Чемодан я не беру, все вошло в сумку. С двумя и полечу. Деньги и документы при мне. Звонить буду каждый день, но

коротко, – говорила Диана перед отъездом в аэропорт мужу.

Рано утром двадцать первого числа она была в московской квартире родителей. Впереди был выходной день. Позвонив мужу и дочери, которые в это время гуляли, она обратилась к матери.

– Мам, я не знаю, как пройдет наша с папой поездка, а мне нужно привезти детям подарки. Им нет разницы, по какому случаю я улетела, и откуда я их привезу, но ждать будут. Я пройду по магазинам. Ты не будешь против моего отсутствия?

– Поезжай в наш отдел, я позвоню девочкам, они тебе помогут в выборе. Товар завезли то ли шведский, то ли финский, пусть для них он будет из Швейцарии. Возьми зонт, и ноги не промочи.

В отделе, где работала ее мама, Диану уже ждали. Она купила костюм Лере из полукомбинезона и куртки, который был теплым, легким и ярким. Платону и Оле взяла куртки такого же качества. Легкость и теплоту покупкам предавал гусиный пух. Она, не раздумывая, взяла костюм и для соседского Сережки. Как не пытались упаковать вещи, первичной упаковки не получилось. Пакеты получились легкими, но объемными. Выпив в кафе кофе с круасаном, Диана прошла по отделам торгового центра и прикупила себе короткие ботинки на искусственном меху. Открыв интернет в своем смартфоне, она нашла ближайший фирменный кондитерский магазин. «Везти шоколад и конфеты, купленные за ва-

люту можно, но, если купить их здесь за рубли, будет не только проще, но и надежнее, хотя и дороже, – думала она, рассматривая полки и витрины магазина. – Для меня нет особой разницы в шоколаде, но люблю я больше бабаевский. Мне нравятся конфеты «Коркунов». Среди моих родственников нет любителей сыра с плесенью, а значит, и сыр мы брать не будем. Павел Иванович подарил Саше швейцарские часы. Значит, купим только сладости», – складывая покупки в пакеты, сделала вывод она. Оформление визы заняло всего один день, и они вылетели в Берн, где их встречал адвокат Симон Фишер. Он поселил Диану с отцом в гостиницу, пока решались все юридические вопросы. Постоянного ее присутствия не требовалось, и она стала уставать от этой поездки, не зная чем себя занять. Покинуть гостиницу, значит озадачивать Симона на ее поиски, находиться рядом с ним было еще утомительнее. С Симоном они виделись два-три раза в день. Он говорил по-русски, но его словарный запас был невелик, поэтому разговоры давались с трудом и затягивались. Из всего сказанного, Диана поняла, что ее наследство – это счета в банке, которые не облагаются налогами. Что своим отказом от доли в бизнесе, она не теряет ни франка, так как, если бы продала эту долю. Что, она наличными получит определенную сумму, а основную только переводом и не сразу. Адвокат напомнил ей и о том, что в России, доход со счетов не облагается налогом.

– Дина, дочка, мы прилетели с тобой сюда с определенной

целью. Что касается твоего наследства, плюнь и забудь. Мы свой долг выполним, а все остальное пусть остается на совести Пашиной семьи. Нам еще с его вдовой встречаться, – говорил отец. – Сама выйди и пройдишь по окрестностям, можем это сделать вдвоем. Не изводи себя бездельем и скорбным видом. Это все очень неприятно и тяжело, но такова наша миссия.

Выходные Диана с отцом провели в шале «Богиня луны», куда их доставил Симон. По дороге он рассказывал: о своем знакомстве с Павлом Ивановичем, как тот жил, чем занимался, что матери теперь будет трудно без него. «Он ее если и не любил, то уважал, берег, был очень внимательным», – сделал он вывод. Николь Фишер встретила их радушно. Фрау Фишер выглядела лет на шестьдесят. Короткая стрижка седых, но густых волос, голубые глаза. Ее рост был между 160 и 165 см. Моложавая, спортивная фигура. Она плохо говорила и понимала по-русски. Любезно пригласив Диану с отцом в дом, она показала комнату, где Павел Иванович проводил время до клиники. На камине стояла в рамке фотография, сделанная так недавно, где они втроем в парке города. В этой комнате им предстояло провести два дня. В сопровождении Симона, они прошли в столовую, где состоялся обед и короткий разговор. Симон выступал в роли переводчика. После обеда и беседы, им предложили экскурсию по окрестностям на завтрашний день, а на сегодня, их предоставили самим себе, обещая пригласить к ужину и вручая Диане кон-

верт. « Дочка, родная моя, прости за все. Доверься адвокату, он сделает все правильно. Ты посетила мой старый приют, забери с собой, и я обрету новый. Ты будешь меня навещать, а я буду прилетать и знать, что ты меня помнишь. Я вас всех очень люблю. Будьте счастливы. Ваш друг, дед и отец», – было написано на небольшом листе бумаги. В конверте кроме письма лежали франки. Их было ровно пять тысяч.

– Вы можете взять отсюда на память все, что сочтете нужным, – говорил Симон. – Пауль в последнее время много говорил о вас. А это список беспошлинных товаров, которые вы можете купить у нас своим родным, – он протянул Диане листок. – Пауль с таким трепетом всегда выбирал подарки для вас. У вас, Дина, есть право посетить нашу страну, но вы ограничены в передвижениях, я в курсе. Поэтому купите все, что сочтете нужным родственникам, друзьям. Это не противоречит трауру. Жизнь не закончилась, она продолжается.

Все юридические вопросы были решены двадцать девятого числа. Получив урну с прахом и документы на перевоз, наличные, сделав два перевода в московский банк, оставив генеральную доверенность на Симона, купив кое-что из представленного им списка, они вылетели в Москву тридцатого числа. Из шале Диана забрала только фото, а отец взял часы. Пробыв в Москве меньше суток, Диана сложила московские подарки и возвращалась домой в ночь с первого на второе число. Самолет приземлился в шесть утра. У входа получения багажа ее ждал Александр.

– Ты как, Дина? – спросил он, крепко обняв, поцеловал жену. – Устала? Вид у тебя неважный.

– Терпимо. Недаром говорят, что труднее всего ждать и догонять. Мне казалось, что это ожидание намерено затянуто. Не зная языка, все время ждешь подвоха. Кажется, переводчик чего-то недоговаривает или он просто подбирает правильный перевод. Как дела дома? С кем ты оставил Леру?

– Главное ты вернулась. У нас дома Платон. Я уезжал, они спали. Урну оставишь в машине. Я отвезу Леру в сад, сегодня рабочий день, куплю цветы, и поедem в колумбарий. Там все готово, при нас все сделают. Анатолий Иванович в городе и ждет твоего звонка.

Приняв душ и приготовив к подъему детей завтрак, Диана за столом сказала:

– Платон, после колледжа приезжай сюда, у меня для тебя есть кое-что. – А ты, принцесса, сильно не огорчайся, я заберу тебя сегодня пораньше, как только сделаю все неотложные дела. Я тоже очень соскучилась, и у нас с тобой тоже будут дела, но позже.

Проводив домашних, Диана принялась за разбор своих вещей и подарков, привезенных детям. За этим занятием ее и застал муж.

– Саш, постарайся завтра не дежурить. Ты мне будешь нужен целый день, – попросила она его.

– А сегодня с утра я ни на что не сгожусь? Я без тебя скучал целых десять дней и у нас есть час времени, – обнимая

жену, говорил Александр...

Диана вернулась на своей машине через два часа с кладбища, где теперь покоился в колумбарии прах Китаева Павла Ивановича. С его братом они встретились у входа и втроем присутствовали на печальной церемонии захоронения, возложив цветы. Теперь в квартире она стояла у его фотографии. «Я сделала все, о чем ты просил и что я смогла. Прости, если что-то не получилось», – прошептала она тихо. Она еще не знала, как отнесется ее муж, к предложению поехать в поселок к его родителям. Но была настроена на согласие. А пока стиральная машина работала, она разбирала подарки для Платона и Оли, Леры и Сережки. Платон и Оля были почти взрослыми, но все же большими детьми. Разобрав все по пакетам, она расставила последние в гостиной, убрав сумку. Проходя мимо зеркала в прихожей, она остановилась. Что-то ей не нравилось в ее внешности. Казалось, грудь стала чуть больше. Хотя это может просто казаться. Под глазами круги. Но главное, она не помнила крайний день своих критических дней. «Был чудный отпуск на море, был приезд Павла Ивановича, выход на работу и поездка в Берн. Все эти события случились в течение двух месяцев, – думала она, выходя на лоджию и прикуривая сигарету. – Если бы не утренняя близость с мужем, доставившая легкий дискомфорт, я и не подумала бы о женских проблемах. Были головокружения и небольшая тошнота, но я все списывала на нервное напряжение. Я дымила, как старый паровоз, прячась от отца.

Вот и сейчас думаю, а делаю. И как теперь поступить? Хотя, прежде чем думать о том, что делать, нужно убедиться в диагнозе. Что мне мешает сделать это прямо сегодня? После клиники заеду в супермаркет и банк, после чего успею приготовить ни один ужин». В клинику «Моя семья» она попала в одиннадцать пятьдесят. В ожидании приема, она увидела женщину, которая была на фото, показанное Сашей. Женщина сделала вид, что они незнакомы, хотя Диана поняла, что это Настя. Прием у доктора и диагноз: семь недель, переключили ее внимание. Это подтверждение, как-то выбило ее из колеи. Она все еще надеялась на отрицательный результат. Запустив двигатель, она направилась в супермаркет. Сделав все покупки, заехала в банк, обменяв валюту на рубли, заправила машину на заправке и забрала Леру из сада. Пока готовился ужин, Лера рассказывала о том, чем они занимались в ее отсутствие.

– Тетя Аня меня забирала из сада только два раза, а в другие дни папа. Платон, когда у нас ночевал, все время сидел за столом у компьютера. День рождения мы отмечали после сада дома. Папа купил красивый торт и пригласил Сережку с родителями. А в выходной мы втроем ходили в развлекательный центр. Было очень весело. Жалко, что тебя с нами не было. Сережка сказал мне по секрету, что у него скоро будет брат или сестра. Родители его не решили еще, кто им больше нужен. Может нам тоже решить? Мы же не хуже их, пусть и у нас будет маленький ребенок. Надо с папой пого-

ворить. В семье все важные вопросы решают мужчины.

– Ты где это слышала? – с улыбкой спросила Диана.

– Дядя Андрей говорил папе, что к женщинам надо прислушиваться, а решать должен мужчина. Это как? Женщины что, тихо говорят, раз надо прислушиваться? Надо спросить у него. Мам, а когда мне можно уже посмотреть все подарки и примерить?

– Иди к себе и увидишь, что все твои подарки лежат на диване в пакетах. Нужна будет помощь, придешь сюда или позовешь меня. Как ты думаешь, папа согласится поехать в деревню к бабушке с дедушкой на денек?

– А мы его уговорим. Подарки всем отвезем. Наверное, Платон пришел? – услышав домофон, сказала Лера.

Диана пригласила племянника к столу, но тот отказался, как и ехать завтра с ними в поселок. Она вручила ему куртку и сладости. Облачившись в обновку, затолкав свою в пакет, парень довольный тетей и собой сказал:

– Спасибо. Вы привезите мне сумку, которую соберет мама, я ей позвоню. У меня в воскресенье что-то наподобие олимпиады по информатике.

Дождавшись мужа со службы, Диана накрыла на стол и попросила его пригласить на ужин Шаровых. Повод для этого был. Соседи засиделись не долго. Сережке костюм пришелся в пору, но больше понравились сладости. Диана проводила их домой, подарив Андрею часы, а Ане красивую блузку.

– Саш, давай с утра поедem к родителям пока дороги су-

хие. Дело к зиме идет, и вряд ли позже выберемся. Платон ехать отказался, а Лера согласна. От нее я узнала все ваши новости. Ты на меня не сердись, а выслушав, подумай. Я сегодня обменяла валюту на рубли и хочу тебе предложить помочь родителям. Пусть они бросают свое большое хозяйство. Пусть оставят десяток кур, корову, пасеку для себя. Они ведь на износ работают, а те деньги, что получают от продажи, себя не оправдывают. Я слышала, как Дмитрий Васильевич говорил Татьяне Михайловне о том, что корма дорожают, что съедают две третьих доходов. Я беру на рынке продукты и знаю, что сколько стоит. У нас область, у них райцентр и цены там ниже. Бычка выкормить, почти год нужен. Они привыкли работать и не смогут сидеть без дела. Но пусть это дело будет в радость, а не в тягость. Когда они отдыхали? Где вообще были?

– Ты меня сейчас в этом упрекаешь? – с обидой спросил муж. – Я устал с ними бороться. Они и слушать не хотят о том, чтобы бросить добровольно каторгу и остаться без средств.

– Я тебе советую, чтобы ты сумел убедить их и помочь морально и материально. Мы одна семья. Нам достаточно потери Павла Ивановича. Я могла не получить этих денег, а получила, хочу поделиться. Будут у них средства, отпадет необходимость в каторге.

– Сколько мне им предложить в пересчете на рубли? Тысяч пятьдесят, сто?

– Полмиллиона. Но взамен на забой свиней и сдачу бычков.

– Ты сейчас пошутила? Может, ты и Андрею поможешь?

– Андрей здоровый мужик и пусть крутится сам, а не содержит сезонных рабочих в поле, а сам в это время лежит на диване. Речь ни о нем.

– Ты могла бы сменить машину.

– Саш, если бы я хотела сменить машину, я говорила бы о ней, а не о поездке в поселок. Или ты имеешь в виду свою Тойоту?

– Моя машина в полном порядке. Ты хорошо подумала о своем решении? Не передумаешь? Тогда только ультиматум может подействовать на моего отца. Будет лучше, если мы это сделаем вместе.

– Вы не ссоритесь? Можно мне спросить? Пап, у Сережки скоро будет брат или сестра. Я хочу маленького ребенка, а в семье все решения принимают папы. Ты должен принять решение.

– А кого бы хотела ты? – спросил отец, усаживая дочь на колени.

– Я еще не подумала, кого хочу больше.

– Подумай хорошенько, а когда надумаешь, мы с тобой вместе примем решение. Наводи в своей комнате порядок, спать ляжем раньше, а утром поедem в деревню. – Что скажешь? – обратился он к жене, проводив дочь. – Может нам стоит подумать о втором ребенке?

– Не стоит!

– Почему так категорично? Чем тебе такое предложение не нравится? – спросил муж, как будто с обидой.

– Чего о нем думать, если он уже есть. Я была сегодня на приеме. Беременность семь недель и привезла я ее с моря, где мы чудно отдохнули.

– По твоему тону я не очень понимаю: ты расстроена или довольна?

– Я чувствую себя виноватой в случившемся. Я так надеялась, что это что-то гормональное, сбой, на фоне нервного напряжения. Я не знаю, как мне поступить. Я мало того, что нервничала, курила, как никогда.

– Родная моя, любимая, – говорил Александр, беря ее за плечи, – что тебя смущает? Поговори с доктором, расскажи о непростом периоде в жизни. Хочешь, мы сходим на прием вместе? Ты думаешь, мы не справимся с двумя детьми? Я понимаю, что все опять в основном ляжет на твои плечи, но мы с Лерой будем тебе помогать. Реши, пожалуйста, положительно этот вопрос. Возможно, это не случайность, а знак свыше, – целуя жену, говорил он. – Лера не зря заговорила о ребенке.

– А если родиться девочка?

– Буду жить в цветнике! Глупая, это неправда, что мужчины больше хотят сыновей. Ребенок любого пола он твой. Это хорошо, когда дети разного пола, но не так важно. Пойдем Леру укладывать. Скоро она меня будет стесняться. Пятый

год пошел.

– Саш, мы с тобой девять лет прожили друг для друга, прежде чем родилась Лера. Жизнь стала другой. Как ты думаешь, сильно она изменится, когда родиться малыш? Тебя не будут раздражать бессонные ночи и плач?

– Дина, мы это уже все проходили. Дети быстро растут. Нам стоит вспомнить некоторые моменты, детали, которые нам с тобой помогали. А главное, узнать все рекомендации по половой жизни супругов.

– Ты сейчас говоришь о том, чтобы сменить кровать на ночь на пол или все-таки о сексе?

– На полу спать очень неудобно. К слову о кровати. Ты не будешь возражать против замены матраса. Наш страдалец очень нуждается в замене. Я говорю разумные вещи?

– Займись этим, я возражать не буду. Он действительно себя изжил. Я в клинике встретила Настю. Она сделала вид, что мы не знакомы.

– Вот и хорошо. Нам такие знакомые не нужны. А матрас пусть пострадает еще пару дней. Иди ко мне...

Утром они ехали в поселок. Разговор Александра с отцом был трудный, но продуктивный. Смирнов старший согласился с сыном на семьдесят процентов, пообещав весной сдать бычков, а свиней пустить под нож уже к Новому году, оставив одну корову, десяток кур и пчел.

– Батя, ты слово дал. Я не могу тебя контролировать, но один раз поверю. Зимой, по погоде, может, наведуясь, а так

до весны не ждите. Диану в ее положении одну не отпущу.

– Дина, ты беременная? – спросила свекровь. Молодцы. Самое время рожать. Детей надо вырастить до пенсии, выучить. Из Саньки, с его работой, помощник плохой, но Лера уже подросла. Ты, дочка, справишься. Может родители на думают вернуться?

– Они не говорили, а я не спрашивала. Мама пенсию оформила, но пока работает. Они еще ничего не знают. Я сама только вчера на прием попала из-за поездки.

Вернувшись вечером домой и, разговаривая с отцом по скайпу, Диана призналась, что ждет ребенка.

– Дочка, я вас поздравляю, – сказал радостно отец. – У нас для тебя новость хорошая. Мы с мамой возвращаемся. Продадим здесь квартиру, купим небольшой домик в Заельцовском районе и будем нянчить внуков. Мать об этом только и говорит. Хватит с нас каменных джунглей.

– Дина, какой срок? – вмешалась в разговор мама.

– Маленький. Семь-восемь недель. Папа не шутит? Вы когда это решили? Это же здорово.

– Это не здорово, дочка. Это разумно. Я из-за своей пенсии Леру не нянчила. Теперь я с пенсией и с большим желанием помочь. Целую вас всех крепко.

– Пап, а зачем ждать продажи квартиры? Получишь перевод на свой счет, открывай интернет и начинай искать варианты, не выезжая из Москвы. Выбирай варианты и приезжай смотреть дома в «живую». Что, если продажа затянется? Кто

знает, какие цены будут весной, летом. Тебе на небольшой дом хватит. Или ты хочешь коттедж в два-три этажа?

– Этаж один. Старикам и детям не место на втором этаже. Я подумаю. А вы не собираетесь менять квартиру?

– Мы не собираемся менять даже машины. Пока.

Воскресенье пришлось провести дома. С утра пошел мелкий снежок, который сменил дождь. Для Саши работа нашлась. Он сменил колеса на машинах с летней резины на зимнюю «обувь». В понедельник Александр с дочкой и Андрей с сыном провели в развлекательном центре. Диана, приготовив обед и ужин, села за инструмент. Короткая рабочая неделя началась со сдачи паспорта и отчета в кадрах. Диана презентовала начальнику пакет с «сувенирами» из Швейцарии. На прием в свою поликлинику она попала седьмого числа, а девятого отметили день полиции врозь и вместе, пригласив Шаровых на ужин.

– Ты, Сережка не задавайся. У нас тоже будет маленький ребенок. Мы с папой решили, а мама согласилась, – выпалила Лера приятелю за столом.

– Все равно он у нас родиться раньше, – не сдавался друг.

– А мы не торопимся. Пусть лето настанет, и я буду катать его в коляске, – отвечала Лера, гордая тем, что не отстанет от друга.

После детского диалога, накормив детей и отправив их играть, родители продолжили начатую тему. Теперь они обсуждали вопросы возможного размещения детей, что ку-

пить, а что осталось от старших. Через две недели Диана купила цветы и тайно посетила кладбище. Прошло сорок дней, как умер Павел Иванович. « У тебя летом родиться внук или внучка. Родители собираются вернуться. У нас у всех все хорошо. Мы тебя помним», – говорила она, обламывая длинные стебли цветов, чтобы положить их на плиту.

Глава 12

Зима в этом году выдалась морозной и снежной. Снег толстым одеялом накрыл город еще в начале декабря, а мороз до двадцатых чисел упорно держался на отметке минус двадцать восемь градусов. Температура воздуха начала подниматься три дня назад, и не опускалась ниже минус пятнадцати. Иногда шел кратковременный снег, на смену которому из-за низких облаков светило солнце. В такие часы все вокруг казалось ослепительно белым и искристым. От таких природных явлений было хорошо всем, кроме дворников. На улицах и в витринах магазинов и днем и ночью мелькали разноцветные огоньки гирлянд. Елочные базары работали круглосуточно, а в супермаркетах самым ходовыми товарами были шампанское и мандарины. Город готовился к празднику. До Нового 2019 года оставалось четыре дня.

Третий день муж подвозил Диану на работу, откуда она возвращалась сама, забирая Леру из детского сада и гуляя с дочерью минут сорок, а то и час. Сегодня после работы она посетила клинику. УЗИ показало пол ребенка. «Завтра у Саша день рождения. Это будет ему неплохой подарок», – думала она по пути домой. – У нас родиться мальчик, сын». Весь вечер она не могла определиться с выбором: говорить о результатах сегодняшнего посещения клиники мужу или подождать до завтра? Терпения не хватило.

– Саш, я как в той рекламе про «Простамол», не могу дождаться утра. Можно я тебя поздравлю завтра, а подарок подарю сегодня? Держи, – сказала она, протягивая мужу снимок УЗИ. – Это наш малыш. Наш сын.

– Ты говоришь серьезно? Они не ошиблись? Дай я тебя поцелую, – поцелуй был нежный и «затяжной». – Подарок царский, но я был бы рад и принцессе. Можно я с ним поздороваюсь?

– Лучше пожелай ему спокойной ночи...

Беременность Дианы протекала нормально и, на сроке 15-16 недель, она лишь немного поправилась. Она для себя решила, что после новогодних каникул будет ходить на работу в гражданской одежде, которая более удобнее и комфортнее в ее положении. Что скажут и о чем подумают коллеги, когда узнают о ее беременности, ее мало интересовало. Вызов домофона поднял ее с постели в начале шестого утра. Диана встретила родителей на пороге своей квартиры, обняв по очереди.

– Раздевайтесь и на кухню, полуночники. Мои еще спят. Как вы надумали приехать? – говорила она, следуя за ними в кухню и прикрывая ее дверь. – Вот это подарок к Новому году, – обнимая родителей, радовалась дочь. – Какие вы молодцы.

– Как ты себя чувствуешь? – поинтересовалась мать. – Что говорят доктора? Ты почти не поправилась. Ты вообще питаешься? Беременность четвертый месяц, а по тебе не ска-

жешь.

– Маскируюсь, мам. Живот уже заметно, пусть и не сильно. Мальчик у нас будет. Вчера узнала. Мы сейчас завтракать будем, сама посмотришь, какой у меня утром аппетит. Как вы, мои хорошие, умудрились прилететь? Как же ваша работа?

– Внук – это даже не хорошо, а отлично. Няня у него уже есть. А никакой работы, дочка, уже нет, – сказал отец. – Все! Трудовая деятельность «понаехавших» закончилась. Мы с матерью уволены с двадцать пятого числа. На этот раз мы к вам надолго, дней на семь-десять. Не стесним? Саньку поздравим первый раз за столько лет лично. Опять же Новый год на носу.

– Будете на хозяйстве с третьего по шестое. В эти дни мы будем за городом. Предупредили бы о приезде, мы остались дома, – говорила Диана, накрывая стол к завтраку.

– Зачем? Вам не надо менять своих планов из-за нас. У нас, дочка, так сказать, рабочая поездка. У меня шесть адресов. Мы неспеша проедем по ним, посмотрим, возможно, сделаем выбор или выводы. Зимой будут видны все снежные заносы, отопление. Вот так мы решили схитрить. Будет дом по вкусу – поторгуюсь, не найдем варианта, подождем до весны. Вы, почему не хотите сменить квартиру? Разнополым внукам по комнате надо.

– Пап, нас здесь все устраивает. Лет пять, как минимум, это будет устраивать и наших детей. Зачем нам большая жил-

площадь?

– Да это я к слову сказал. Ты же не признаешь ни няни, ни помощницы. Зачем тебе хоромы? От них одна лишняя морока. Ты имей в виду, что деньги я тебе верну, как только продадим свою квартиру.

– А вот это, я слышу в последний раз, папочка, если не хочешь со мной поссориться. Ты возвращаешься к тому, о чем мы тему закрыли. Хочешь бойкота?

– Упаси, Бог! Я хочу жить с вами в мире и согласии, Диана Александровна. Одолжите нам свою машину на время?

– Значит, будем жить дружно? Машина на стоянке, ключи на крючке в прихожей. Есть еще просьбы, пожелания? Нет? Тогда, извольте к завтраку.

Наталья Петровна смотрела на мужа и дочь и улыбалась. Их диалоги для нее всегда были непонятными. С одной стороны, можно было подумать, что их продолжение, непременно, приведет к ссоре или скандалу, с другой стороны, они, как будто напоминали соревнование в остроумии. Диана никогда не спрашивала совета у матери, хотя секретов от нее не имела. Могла рассказать, но не спросить. «Все свои вопросы она адресовала Аверину. Даже узнав о том, что теперь у нее два отца, эта привычка не изменилась. Она относилась к обоим почти одинаково. Ведь оба принимали участие в ее воспитании определенное время. Только тянулась она больше к Саше, ведь он чаще был с ней рядом. С рождения и до двенадцати лет он был для нее авторитетом. С появлением в

нашей семье Павла, она приняла его, но не забывала и встречалась с Авериным. Потом учеба, и опять Саша был рядом, а Павел наездами. Дочь наша, в отличие от своего кровного отца, умеет любить, а мы любим ее», – думала она.

– Мам, ты чего молчишь? Словесной дуэли не будет. Во-первых, спорить целому полковнику с майором не к лицу, во-вторых, на вверенной мне территории, свой устав, свои порядки и правила. Он это понимает и принимает. Я права, папочка? Не надо делать недовольную физиономию, иначе останетесь безлошадным, – говорила Диана, улыбаясь, заканчивая завтрак. – Расскажите мне о своих планах. Лера еще поспит, а Санька скоро сыграет подъем.

– Мы часов в девять позвоним продавцам и узнаем, когда подъехать. Ты может, Леру оставишь сегодня дома?

– Хорошо. Сегодня у нас вечером в планах было нарядить елку. Если не получится, сделаем это завтра. Утренник у нее был два дня назад, Саша дежурит первого, а сегодня хоть и рабочий день, но короткий.

– Мы проедемся по паре адресов, вечером отметим день рождения Саши, а завтра разберемся с елкой. Тебя устроит такой план, начальник?

– Картина маслом: «Укрощение строптивого»! Поезжай. У тебя же глаза блестят и буравчик в одном месте. Я здесь тоже время не теряла зря и нашла для вас приемлемые варианты. Мы живем на улице Залесского. По шоссе до коттеджного поселка «Лесная поляна» всего двадцать минут. Охра-

няемая территория, лес, река, но есть одна проблема: домов ниже двух этажей нет не только в продаже, а вообще. Зато экологически чистый район и тебе по карману. Из восемнадцати я выбрала шесть. Может, это и есть твой адреса? На холодильнике лежит список с адресами и телефонами. – Доброе утро, дорогой, – обратилась она к мужу, вошедшему в кухню и уже здоровавшемуся с гостями.

– По легкости на подъем, вы с отцом похожи, да и торопыга такая же, – присаживаясь к столу, сказал Александр. – Спасибо за поздравления, а вечером мы это дело отметим. Я приглашаю вас на ужин. Так что с адресами, Александр Николаевич? – спросил он, наливая кофе.

– Я смотрел дома в черте города, – оправдывался Аверин.

– Пап, ты больше десяти лет отсутствовал в этом городе. Ты должен помнить, что дома в городе – это квартира на первом этаже в высотке. Дома прижаты друг к другу. Да, есть новые, но участки под ними старые, а это значит: земли нет, как и гаража. Это плохой выбор, сам увидишь.

– Саша, ты завтракай, не обращай на них внимания, – сказала Наталья Петровна и заметила сонную внучку, входящую в кухню.

Дальше были объятия и поцелуи. Лера перекочевывала с рук бабушки на руки к деду. Посыпались предложения и пожелания. Лишь поцеловав родителей и поздравив отца, она убежала в комнату к бабушке с бабушкой, радуясь, что детский сад на сегодня отменяется.

– Саш, завтракай. Пенсионеры и дети сами разберутся. Им спешить некуда.

Звонок ее смартфона прозвенел в начале десятого. Звонила мама.

– Дина, приехали Сашины родители и собираются назад часов в пять, а телефон Саши не отвечает. Что нам делать? – говорила она взволнованно.

– Накорми завтраком, напои чаем и предложи поехать с вами. У Саши сегодня день рождения, вот они и сделали ему сюрприз. Дмитрий Васильевич строитель, подскажет: что и как. Вечером соберемся все вместе, а потом Саша их ответит. Хотя, дай им трубку. – Доброе утро, Дмитрий Васильевич! С новорожденным Вас! Просьбу сможете выполнить? – спросила она и, услышав согласие, продолжала: – Родители решили вернуться. Помогите им советом выбрать дом не в городе, а где-нибудь в хорошем месте, но недалеко. Я Вам доверяю. До вечера.

Рабочий день пролетел быстро, хотя голова была забита не работой, а мыслями, что приготовить на ужин. Вчера она сделала торт, приготовила «заготовки» на салаты, но, за утренними хлопотами, мясо из морозилки не достала, а это было большой ошибкой. Родители были в разъездах и сделать это было некому. Переживала Диана зря. К ее приходу домой, две мамы усиленно трудились на кухне и приготовили ужин на всех, вернувшись уже к пятнадцати часам. В квартире вкусно пахло отбивными, которые жарила Наталья

Петровна. Сделаны они были из свинины, которую привезли Смирновы и, которая, еще вчера, хрюкала. Деревенские родственники уже не так стеснялись столичных сватов. Их переезд или возвращение одобряли и готовы были помочь советом. Смирнов отец раздавал совету отцу Аверину, показывая все на практике. О ценах они разговор избегали. Одни потому, что считали цены заоблачными, вторые не хотели казаться круче, чем есть. На ужин были приглашены и Шаровы, но теперь уже со своим столом. Собираясь отметить день рождения Саши, они уже пригласили друзей и не надеялись на приезд родителей. Компания собралась большая: пять пар, включая детей. Столы поставили в гостиной, и места хватило всем. Впервые за несколько лет они собрались все вместе. Были поздравления и тосты в честь Саши, пили за детей и родителей, даже устроили танцы. Только часа через три, уже за чаем с тортом, Диана завела разговор о домах.

– Как прошел первый день в поисках нового жилища? – спросила она с любопытством. – Рассказывайте, я же вижу, что вам есть, что рассказать.

– Мы отлично провели время и побывали в чудном месте, в хороших домах в плане планировки и дизайна, – ответила Наталья Петровна. – Я давно не видела ничего подобного. Квартира – это одно, а дома, да еще такие, просто прелесть.

– Что верно, то верно. Дома хорошие, добротные. Я одного только не понял: для кого они строились? – удивлялся Дмитрий Васильевич. – Я понимаю гараж, баня, большая го-

стиная. Но зачем спальни по тридцать квадратов? Что они там собирались делать?

– Так нашли или нет? – спросила напрямик Диана. – Хотя бы один понравился?

– Понравилось целых два. Но один очень большой для нас, даже с учетом вас и внуков. Там одной уборки на двух горничных, – ответил Диане отец. – Второй, чуть поменьше и с фасада выглядит, как будто их два. Будто стоят друг за дружкой. Взгляни, – сказал он, протягивая дочери свой смартфон, который пошел по кругу. – Большая терраса или веранда за стеклом. Первый этаж: туалет, гостиная, из нее кухня и две спальни со своими санузлами. Между ними лестница на второй этаж, где две спальни и общий санузел. Есть гараж на две машины.

– Дина, дочка, там такая отделка и такой изумительный интерьер, что после уборки, заходи и живи.

– Мам, ну раз на втором этаже всего две комнаты, туда можно и не подниматься. Нагреем в гости, будет, где расположиться и нам.

– Мы еще посмотрим, нам не горит. Есть дома, которые вообще нам не по карману. Васильевич прав: для кого они строились? Или это визитная карточка: чем больше дом, тем круче хозяин? – говорила мать. – А место действительно хорошее и до города недалеко. Мы за двадцать минут были в поселке, выехав со двора.

– Дмитрий Васильевич, а Вы, что думаете? – обратилась

Диана к свекру.

– Думаю надо брать, но подальше от воды. Лес там кругом, улицы хорошие, а если у вас нет катера, вам близкая вода без надобности. Летом на рыбалку и так доберетесь. Затопить, может и не затопит, но и думать об этом не надо. Дина права насчет второго этажа. Отопление там отдельное. Зимой просто поддерживать комфортную температуру, а где сами, сделать теплее. Там мне кажется и соседи проще. Двор хотя и меньше, зато не весь в камне, зелень видать, деревья. Из того, что видели, это лучшее. Дому семь лет, он еще правнукам достанется. Главное в него вкладывать ничего не нужно. А больше всего мне, Николаевич, понравилось то, что нет у него двухметрового забора, ворота не кованые, а от соседей, заборы без колючей проволоки. У нас дом на четыре комнаты, а пользуемся двумя, – говорил он со знанием дела.

– Мы оставили хозяину номера своих телефонов, созреет, позвонит. У него есть свой интерес на квартиру папы. Отец сказал, что мы из Москвы, и он загорелся. Я бы уже ничего не искала, а остановилась на этом.

– Так останавливайтесь! От добра добро не ищут. Правда, сделку уже не оформить в этом году, а там праздники. Раньше десятого не получится.

– Теперь мы будем принимать хозяина в Москве. Посмотрит нашу жилплощадь в натуре и определимся. Мы, при удачном раскладе, сможем убить двух зайцев. Сразу и купим, и продадим.

Разговоры о покупке длились еще не меньше часа. Шаровых проводили домой, расселили родителей по комнатам и отправились спать после двадцати трех.

– Дина, может, ты тоже хочешь жить за городом? – спросил муж нерешительно. – Правда, денег у меня таких нет.

– Жить я хочу здесь и сейчас с тобой, – прижимаясь к мужу, говорила Диана. – Нам с тобой и детьми удобнее жить здесь. Мы привыкли к нашему гнездышку, и меня здесь все устраивает. Дети вырастут – школа рядом. Пойдем на пенсию, подумаем о переезде, а пока, будем проводить выходные на природе у родителей.

– Хорошо посидели в большой компании, но оставаться на дольше родители не соглашаются. Я утром, после завтрака, отвезу их домой. Наряжать елку с Лерой придется тебе. Кто-то, что-то говорил о жизни здесь и сейчас, не ты ли...

Александр увез родителей в поселок после завтрака. Отец и мать Дианы решили проехать еще по двум адресам. Она не возражала, ведь дом они выбирали для себя, и она предоставила им такую возможность. У них с Лерой была своя работа. Отец установил елку, а им вдвоем предстояло ее наряжать. Занятие было не трудным и приятным. Уже через два часа, коробка от елочных игрушек была пуста. Лесная красавица стояла нарядной, в огоньках гирлянд и звезды. После этого их ожидали примерки нарядов, привезенных московской бабушкой, в качестве подарков. Диане очень понравился костюм из прямых, чуть зауженных брюк темно-коричне-

вого цвета и короткого сарафана до бедер в коричнево-серую клетку. Костюм предназначался для беременных. «Надевай любую блузку, водолазку, обувай коричневые ботинки, купленные в Москве и ты в тренде», – думала она, вертясь перед зеркалом. Новый 2019 год они встречали вчетвером. Леру, уснувшую за столом, перенесли в кровать. Первого, проводив Сашу на дежурство, Диана начала готовится к поездке за город, беседуя с родителями о предстоящем переезде, покупке и продаже. Они вернулись с лесной трехдневной прогулки к вечеру шестого января. Дома их ждал сюрприз. Мама и отец приготовили для семьи дочери праздничный ужин и торт со свечками. Диане исполнилось тридцать четыре. Ужидали вместе с соседями Шаровыми. А потом устроили танцы для виновницы торжества. Александр включил музыку, пригласил жену на танец, а из динамика зазвучала песня Тимура Темирова «Женщина моей мечты»:

«Ты так красива, изящна, нежна и изменчива,

Самая добрая, самая милая женщина.

Мне без тебя, словно вечность, тоскливая, серая,

Только тебе я могу о любви говорить.

Если б ты знала, как сильно страдаю и жду тебя,

И по шагам твоим я узнаю, узнаю любя.

Если дыханье твоё вдруг не слышу любимая,

Кажется мне, что в тот миг я и сам не дышу.

Если б тебя в этом мире, любимая, не было,

Не целовал бы тебя и звёздное небо я.

Боль и печаль, тоску, всё на себя приму,

Но никому, никому я тебя не отдам...

Диане вдруг стало так уютно в объятиях мужа, так легко и радостно от того, что близкие ей люди все рядом, что на глазах невольно выступили слезы. Пары танцевали, меняясь партнершами, а одна музыка сменяла другую.

– Родители, какие вы все таки у меня молодцы, – говорила Диана, проводив семью Шаровых. – У меня в планах был праздничный семейный ужин, но только завтра.

– Завтра нам его и приготовишь к отъезду. Мы с мамой решили улететь завтра, вместе с продавцом. А день, если позволит погода, проведем с Лерой на свежем воздухе.

– Далеко собрались на этот раз? – спросила Диана.

– Понимаешь, дочка, сейчас у нас в Москве две квартиры. Мамина стоит гораздо больше моей. В две тысячи седьмом,

когда мне ее предоставили, она была служебной. В контракте был пункт, что проработав пять лет, я имею право выкупить ее с двадцати пяти процентной скидкой от балансовой стоимости, а через десять лет с пятидесяти процентной. Ты думаешь, я зачем держался там целых десять лет? В конце концов, я ее выкупил. Никто из нас никогда не рассчитывал на наследство Павла, а старость нужно было как-то попробовать обеспечить. Не могли же мы с мамой сесть тебе на шею в столь «молодом» возрасте? Теперь нам нужно принять решение. Мамина квартира стоит дороже дома вместе с мебелью миллионов на пять-шесть. Моя, если продавать быстро, близка по цене с домом. Нам нет разницы, мы будем продавать обе, но вот, какая устроит нашего продавца, а для нас он покупатель в одном лице, мы не знаем. Это он должен решить: стоит ли игра свеч?

– Пап, но при срочной продаже, вы потеряете, возможно, ни один миллион. У вас вообще есть в Москве потенциальные покупатели?

– Есть, но на одну квартиру, а вторую мы не выставяли на продажу. Поэтому, завтра и полетим показывать свои квадратные метры в апартаментах. Вот, как-то так. Ты меньше всего думай о нас. Мы с этим справимся. Ты лучше подумай, когда тебе лучше собраться в столицу. Надо что-то делать со счетом.

– Пап, я могу оставить все как есть. Перевод был в евро, а не франках. Какая разница, в каком банке он лежит?

– Тебе виднее, дочка, а вот я перестрахаюсь. Открою счет в банке, а потом погуляем. После переезда, переведу все средства сюда. А ты, все же посоветуйся с Сашей.

После отъезда, а точнее отлета родителей в Москву, Диана и Саша вышли на работу девятого января. Каникулы были позади. Александр сам завел разговор с женой о наследстве.

– У тебя есть два варианта перечислить деньги на счет сюда: либо ты это делаешь в ближайшем время, либо не раньше чем через полтора-два года. Решай сама. Я не отпущу тебя на пятом-шестом месяце, так же, как и с младенцем на руках.

– Хорошо, господин майор, я сделаю это в ближайшую субботу, вылетев утром и вернувшись в воскресенье. Так тебе будет легче? – спросила Диана, улыбаясь.

– Мне будет очень легко, если ты будешь себя вести осмотрительно и осторожно, если в твоей прекрасной голове не будет никаких посторонних мыслей, кроме, как обо мне и наших детях. С тех пор, как уехал отец, ты терзаешься сомнениями: как поступить правильно? Мне это не нравится. Я ясно выражаюсь?

– Более чем. Мне на прием нужно попасть восемнадцатого числа. Если доктор не будет против перелета, я улечу вечером или рано утром, взяв билет обратно на вечер субботы. Такое решение ты примешь? – говорила и спрашивала Диана одновременно.

– Если ты не сердишься на мой ультиматум, я его принимаю.

– Я не сержусь. Нужно это было сделать сразу, как только папа позвонил и сообщил. Я не знаю, чего я тянула больше месяца.

Диана получила разрешение и вылетела в Москву рано утром девятнадцатого января, взяв обратный билет на вечер этого же дня. Багажа у нее с собой не было. Завтракала вместе с родителями и узнала последние новости.

– Извини, что не сообщили раньше. Мамину квартиру покупают, внесли залог, а сделка пройдет в понедельник. Мы ее нашему продавцу и не показывали. Этот, что берет, просил цену сбросить, а как узнал, что у мамы на парковке и место есть, обеими руками ухватился. Одним словом, не торговался больше. А эта квартира продавца устраивает. Мы договорились: больше не торговаться, но за мебель в его доме придется доплатить. Перед нами теперь стоит дилемма: что оставить, а что заменить. Так что пакуем багаж в контейнер, так проще, и мы готовы к переезду, – сказал отец.

– Дина, такое везение бывает раз в жизни. Я говорю о совпадении и сроках, – продолжала мать. – Мы не спешим только потому, что там у него что-то с документами не в порядке. Саму сделку будем оформлять на месте.

– Главное, что вы оба довольны. Сделаешь, мама, все по своему вкусу, что не понравится – заменишь. Дом мне очень понравился. Он смотрится так необычно, как теремок, – радовалась за родителей дочь. – Вы будете нам сдавать комнату на выходные?

– Мы будем предоставлять вам даже место в гараже, только бы приезжали чаще, – обнимая дочь, говорила мать.

– Ну вот! Курица еще в гнезде, а вы обе у плиты со сковородкой, – смеялся отец. – Тебе, дочка, компанию составить?

– Пап, я большая девочка, справлюсь сама, но до обеда меня не ждите. Стану миллионершей на час, а вечером я улечу.

Дело, ради которого Диана прилетела, было закончено за час. Погода стояла слегка морозная, но без осадков, и она нагулялась вдоволь, при этом сделав небольшие покупки. Диана вдруг вспомнила, что они собирались в выходной купить Лере сменную обувь, а Саше новые перчатки. Что пора давно заменить мужу пуловер, из которого он «не вылезает», а Лере теплую пижаму, из которой он выросла. Так по мелочи и набралась целая сумка вещей для всей семьи, которую она купила по этому случаю. Диана прекрасно понимала, что покупки можно было сделать и дома, но ее приезда будут ждать, поэтому не могла приехать с пустыми руками. Пообедав и разговаривая с родителями, Диана поняла, что они ждут переезда и очень волнуются о том, что сделка может, по каким-то причинам, сорваться.

– Пап, не надо так волноваться. Я в понедельник зайду к нотариусу. У них единая база данных есть по всем кадастровым объектам. Узнаю, какие проблемы есть у нашего продавца. Давай мне его данные и адрес. Сашу отправлю, как покупателя и все мы выясним. К вечеру я позвоню, а до вечера у вас будет, чем заняться. Продавец может вешать тебе

лапшу на уши только в том случае, если у него есть еще один покупатель. Договорились?

Диана прилетела назад в пять утра с минутами. Домашние еще спали. Оставив сумку в прихожей и сняв верхнюю одежду, она прошла в кухню, плотно закрыв за собой дверь, включили чайник, и помыла под краном руки. Стоя у окна и глядя на еще спящий город, она почувствовала легкий толчок в живот и замерла. «Это то, что я думаю или это голод дает о себе знать? – пронеслось в голове. – Нет. Это сын есть просит, – улыбнулась она. – Будем, дорогой мой, завтракать. Не толкайся. Имей терпение, ты у меня мужчина». Дина открыла холодильник и поняла, что все продукты куплены вчера, в ее отсутствие, но по ее еженедельному списку.

– Доброе утро. Как долетела? – спросил Саша, входя в кухню, обнимая и целуя жену. – Как родители?

– Все нормально и у меня куча новостей, – улыбнулась жена. – Новость номер один: он дерется! – Прикладывая руку мужа к своему животу, сказала она. – Требуется завтрак.

– Корми своих мужчин, – услышав толчок под своей ладонью, ответил муж, еще сильнее прижимая жену к себе. – Садись. Я за вами поухаживаю, но ты сама договаривайся с ним о том, что он бы хотел съесть.

Тихо переговариваясь, рассказывая друг другу новости, они неспеша позавтракали.

– Дина, я съезжу к продавцу сегодня, не буду завтрашнего дня ждать.

Уже к вечеру понедельника Александр и Диана знали о том, что продавец сам позвонил Аверину и назвал дату сделки. Она должна состояться шестого февраля. У жителей столицы в запасе было две недели, чтобы собрать вещи, освободить квартиру и вернуться назад в город, который они покинули одиннадцать лет назад. Родители прилетели второго, а третьего, вместе с зятем разгружали контейнер. После сделки, поселились в доме, а в выходной мужчины уже ехали выбирать машину для тестя.

– Саш, выбирай авто, как для себя, я тебе доверяю.

– Александр Николаевич, Вы какую машину хотите? На какую сумму рассчитывать?

– Хочу Тойоту Ленд Крузер Прадо, согласно статусу и комплектации, но не старую, а года так семнадцатого. Цена не твой вопрос. Ты должен сам выбрать, из того что есть, лучшее.

– Лучшая – это моя. Я привык к ней, она ко мне. Меня моя устраивает. Возьмете? – шутил Саша.

Выбрали то, что хотел Аверин. Внешне «новая» машина мало отличалась от той, на которой они приехали. Александр был доволен, что у тестя теперь будет машина почти копия той, какую он подарил зятю больше десяти лет назад. Еще больше он был удивлен тому факту, что машина оформлялась на его имя. Он не до конца понимал цели такой покупки, пока Аверин просто не сказал:

– Теперь ты, Саша, просто должен вернуть мне мою ма-

шину, – говорил Александр Николаевич, улыбаясь.

Возвращались покупатели на двух машинах. «Двойняшки» въехали во двор.

– Как все прошло? – спросила негромко Наталья Петровна.

– Так, как мы с тобой и планировали, – улыбнулся муж, поцеловав ее в щеку. – Старый воин – мудрый воин.

Только Александр Смирнов не мог привыкнуть к мысли, что его Тойота Ленд Крузер Прадо помолодела на двенадцать лет.

– Сань, ты что недоволен? – спросил довольный Аверин.

– Доволен не то слово, но я не готов к такому сюрпризу. Как-то все неожиданно. Что Диана скажет?

– А причем здесь Диана? Мы с тобой сделали выгодный обмен. То, что мы сегодня купили, еще неизвестно будет ли ездить, а вот то, на что ее обменяли, всегда на ходу. Большого мне не надо. Успокойся. Все сделано правильно. Объясни, дочка, мужу, что дареному коню в зубы не заглядывают.

– Ты купил Сане машину новее, а старую забираешь себе? А он не продешевит? – смеялась Диана.

– Это уже его проблема. Назад хода нет. Главное то, что моя всегда будет на ходу. Признаю, что ход не самый честный, но мудрый.

– Ты потерял зятя на два выходных дня. Теперь он их проведет в гараже, знакомясь со всеми гайками и винтами, – сказала она отцу и обратилась к мужу. – Саш, что с лицом? Ты

не рад подарку?

– Неудобно как-то. От того и радости особой нет.

– Отбрось комплексы. Папа тебя, Санька, не покупает дорогой игрушкой, нет повода. Вы знакомы почти пятнадцать лет и, если бы он думал, что ты ее не достоин, он бы ее не купил. Лично мне приятно, что он тебя ценит. Мне машину менять не к чему, Лере рано, мама машину давно не водит, остаешься ты, дорогой. Отец сейчас может себе позволить сделать для тебя дорогой подарок. Он сделал это своеобразно. Машина не будет бросаться в глаза твоим сослуживцам, и при этом вы оба с транспортом. Согласись, что покупать еще одну «старушку» неразумно. Теперь, чтобы тебе спать спокойно, машина отца должна быть всегда на ходу.

– Какая у меня умная и рассудительная жена.

– Это я уже слышала. Ты добавляй к этому: экономная, практичная, а главное любимая. Покупку будем обмывать или с вечера поедem домой?

– Напьюсь и, на радости, устрою тебе ночь любви и страсти. Берегись! – обнимая жену, говорил Александр. – С Митяем я договарюсь.

Глава 13

Через месяц Наталья Петровна готовилась к новоселью. Все в доме было так, как ей хотелось. Две комнаты на втором этаже были практически пусты. Здесь стояли только кровати и шкафы, а на окнах висели шторы. Постельные принадлежности и белье лежали в шкафах. Стоило застелить постель, и комнаты сразу становились жилыми. К празднику Восьмое Марта ждали в гости родителей Александра. Их привез зять, забравший Платона на три выходных дня. Платону шел девятнадцатый год, и учился он уже на третьем курсе. Из хозяйства у Смирновых осталась корова и куры, а на хозяйстве остались дочь и внучка Оля, которой было пятнадцать лет. Платон, обучаясь три года в колледже, бывал в гостях у дяди не часто, но отношения с его семьей поддерживал. Смирновы, видевшие дом два месяца назад, одобрили и выбор, и интерьер, и стол, который накрыла Наталья Петровна. Теперь, после вкусного обеда и хорошей выпивки, два свата сидели на террасе и мирно беседовали.

– Ты, Николаевич, не представляешь, как я за Саньку рад. Не тому рад, что повезло ему с женой и родственниками, что живет в достатке, а тому, что ни город, ни деньги не испортили мужика. Когда он только к Дине переехал, я думал корысть у него на умную девчонку с квартирой, на теплое место, которое ты организуешь. Даже разнос ему устроил. Ан,

нет! Который год уже живут дружно. Хорошая квартира, машины, но ведь это не главное.

– Они бы жили и без большой квартиры и машин. Любят они друг друга и доверяют. Дина простит все кроме предательства, и он об этом знает. А то, что мы внезапно стали богатыми, так это не наша заслуга. Это все Павел, родной отец Дианы. Уезжая, он оставил Наташе недвижимость, Диане машину и счет в банке. Вот с тех пор мы постепенно разбогатели. Здесь все продали, в Москве купили жилье, теперь там продали, здесь купили, а разница в цене на квартиры там и здесь существенная. Мы с Наташей получали приличную зарплату, о которой здесь можно только мечтать. За десять лет многое в жизни изменилось. Павел уехал, женился и все эти годы жил за границей. Осенью он умер, а завещание оставил на дочь. Нет у меня от тебя тайн или секретов, Васильевич, как нет и левых доходов. Пенсия под сорок и на этом вся моя заслуга. Сашку я понимаю, как никто другой. Он напоминает меня в молодости. А Диану я очень люблю, как и Лерочку, и не дай Бог, ему их обидеть.

Диана уходила в декретный отпуск двенадцатого апреля, а четырнадцатого они всей семьей посетили кладбище. Со дня смерти Павла Ивановича прошло полгода. В понедельник, Диана отвела дочь в сад и неторопливо возвращалась пешком домой. «Да, спешить мне с сегодняшнего дня не зачем, у меня куча времени. Надо привыкать к новому ритму, а главное определить для себя первостепенные вещи, пока я

окончательно не стала неуклюжей, – размышляла она по дороге. – Лера хочет ходить на танцы. У меня есть теперь возможность водить ее в студию. Будет получаться у нее, мама сама предложила ее отвезить, когда родиться малыш». Она подходила к подъезду, когда ее окликнули.

– Извините, Вы Диана Александровна?

– Я, Диана Александровна. Чем я могу тебе помочь? – спросила она девушку лет двадцати, двадцати двух. – А ты кто?

– Мне нужно поговорить с Вами, – девушка явно волновалась, и это было заметно. – Меня Викой зовут.

– Где предпочитаешь разговаривать в квартире или на улице?

– Давайте прогуляемся или посидим на скамейке. Я не знала, что Вы в положении.

– Этот факт, что-то меняет в твоём решении?

– Многое, если не все. Но раз уж пришла, скажу, как есть. Я люблю Вашего мужа и хочу быть с ним.

– Давно любишь? А за что: за внешность, характер, ум?

– Какая разница? Я знаю его второй месяц и уже не могу без него. Он умный, симпатичный, богатый. Он особенный.

– То, что он особенный, я знаю. А вот он знает о твоей любви и планах на него? Вы были близки? Как он сам к тебе относится?

– Никак! Он меня не замечает или делает вид, что не замечает. Это все временно. Я умею своего добиваться.

– Ты хочешь сказать, что между вами ничего не было, ты на него просто молишься, как на идола, страдаешь и молчишь? А ко мне пришла зачем?

– Посмотреть на Вас и решить для себя: чем он так дорожит?

– Посмотрела? Решила? Какие выводы сделала? – улыбаясь, задавала вопросы Диана.

– Что Вы со мной, как с маленькой? Нет в Вас ничего такого особенного. Внешне я гораздо привлекательнее и моложе, да и в постели была бы не хуже, если не лучше.

– От скромности ты не умрешь, а вот выводы твои, на мой взгляд, ошибочны. Но если ты уверена в своей неотразимости и сексуальности, в чем проблема? Давай, вперед!

– А как же Вы?

– А что я? Я его очень люблю, но воевать с тобой я не буду, не потому, что боюсь проиграть, а потому, что доверяю Саше. Он не сделает того, чего ты от него добиваешься. Мы слишком дорожим друг другом. Ну, а случись такое, что его уведут из семьи, а он не сопротивляется, зачем его удерживать?

– Вы так уверены в его верности?

– Мы прожили с ним тринадцать лет. Как ты думаешь, Вика, сколько было желающих соблазнить моего мужа? Или ты думаешь, что ты первая? Хочу сказать тебе комплимент: среди них, ты самая порядочная. Думаю, Александр Дмитриевич устоит против твоих чар. Да, ты говорила, что он, кроме

всех достоинств, богат. Хочу тебя разочаровать: он никогда не был богатым. Всего доброго.

Диана возвращалась с такой необычной прогулки домой, анализируя свой разговор с девушкой. « Возможно, эта Вика в чем-то права, и мне стоит присмотреться к Саше. Зерно сомнений брошено, и вскоре оно начнет прорастать, как бамбук, – думала она, набирая телефон мужа. – Саш, я только что разговаривала с молодой девушкой по имени Вика. Я не знаю, что тебя связывает с ней, и не хочу тебя в чем-то обвинить, но, пожалуйста, избавь меня от подобных визитов и разговоров. Я не многого прошу? Извини. – Звонок мужу не только ее не успокоил, но и расстроил. – Почему я такая впечатлительная? Вика говорила о себе, а не о Саше. Для достоверности, она могла соврать и сказать о близости, но она этого не сделала. Я сама себя нагружаю и загоняю в угол». Разговор с мужем состоялся уже через пару часов.

– Диана, я похож на идиота? – спросил он с порога. – Сядь, пожалуйста, и послушай меня еще раз, в очередной раз, – говорил он, присаживаясь к столу в кухне, где Диана заканчивала готовить обед. – Ты забыла наш разговор о доверии и ревности? Что-то изменилось, и ты стала думать по-другому? Устный договор больше не действует? Что происходит? Ты готова поверить кому угодно и во что угодно, в то время, когда должна думать о себе и ребенке. Возрази мне. Я не знаю даже фамилии этой Вики.

– Зачем тебе ее фамилия? Когда есть молодая и симпа-

тичная, мало того, любящая девушка.

– Ты надо мной издеваешься?

– Саш, прости меня. Я сама себя не узнаю. Разговаривали мы с ней ровно, без сцен. Ну, любит тебя девушка, что тут сделаешь? Расстались мирно. Мне в какой-то момент показалось, что она в чем-то права, и меня заклинило.

– Ты подумала о том, что годы идут, мы становимся старше и привыкаем к тому, что имеем. Задала себе вопрос: что будет, если захочется новых ощущений? Я не ошибся? – спрашивал он, глядя ее по волосам, как ребенка.

– Ты всегда меня понимал. Я становлюсь похожей на толстую, неуверенную в себе, капризную особу.

– Такой ты мне тоже нравишься. Явление это временное, ты об этом знаешь, – говорил он, прижимая жену к себе. – Обещай мне не принимать, не только близко к сердцу, а вообще, любую подобную информацию. У нас был уговор, я о нем помню. Заруби это себе на носу. Ты понимаешь, что я не могу спокойно работать, когда ты, скажем так, на взводе?

– Обещаю и торжественно клянусь: больше никакой ревности и недоверия. Никаких мрачных дум и мыслей, только хорошее настроение. Может, пообедаешь раз ты уже здесь? Обед готов.

Прошел месяц. Диана чувствовала себя хорошо. Малыш рос и развивался согласно срокам. Сегодняшнее ожидание мужа с работы затягивалось. За пять часов, с тех пор, как они вернулись с Лерой из детского сада, они успели и погулять,

и поужинать, и поиграть. Она села за инструмент, но игра не получалась. Часы показывали двадцать один десять, а телефон мужа где-то отвечал рингтоном в пятый или шестой раз. Это было не столько не правильно, сколько безответственно. Александр не мог не перезвонить жене, увидав пропущенные вызовы. Звонок соседке Анне Шаровой и ее мужу ничего не дал, абоненты были недоступны. Звонить в дежурную часть и интересоваться, где находится ее муж, Диана посчитала преждевременным. Ее мысли прервал сигнал домофона. Приехал отец. В груди защемило от нехороших предчувствий. «Папа всегда приезжает после телефонного звонка, да и поздно для визитов», – подумала она, открывая входную дверь.

– Пап, что случилось? – с тревогой спросила она, беря его за руку и глядя прямо в глаза.

– Не волнуйся. Уже все в относительном порядке. Пойдем в кухню. Лера где? Присядь и не волнуйся, я обо всем расскажу. – Здравствуй, мой зайчонок, – обратился он к Лере, подхватив ее на руки и поцеловав. – Я поговорю с мамой и займусь с тобой. Идет?

– Пап, что-то с мамой? – спросила вновь Диана, провожая взглядом, выходящую с кухни Леру.

– Упаси, Бог! Мама жива и здорова. И Санька, слава Богу, жив. Я сказал: живой. Живее всех живых. Не успокойсья, я не скажу больше ни слова. Анна уже попала в роддом, но у нее срок родов завтра, а тебе еще месяц ходить. Ты о маль-

чонке подумай.

– Живой! – прошептала она, а в глазах блеснули слезы. – Я спокойна, пап, рассказывай: что с ними?

– У твоего мужа хорошая интуиция, неслабый опыт, но нет чувства самосохранения. Получил пулю в живот. Операция прошла успешно, но он потерял много крови. Ребята, конечно, помогли, но на восстановление нужно время. Сейчас он в палате интенсивной терапии. Рядом с ним Андрей. Он получил пулю в плечо. Это он мне позвонил и рассказал о случившемся. Я запретил тебе что-либо сообщать. А эту музыку, рингтон на телефоне Сашки, я выучил наизусть:

«Любимая моя жена, Одна на век ты мне нужна.

Ведь счастье только лишь с тобой, любви не нужно мне иной.

Моя любовь к тебе чиста. Я просто верю в чудеса.

И в эту ночь я не усну, в твоих глазах – я утону». – Отключить телефон я не мог, ты бы волновалась еще больше, и ответить не мог, пока шла операция. Чтобы я тебе сказал? Я там с семнадцати часов. Я позвоню маме и останусь с тобой до утра. Утром увезу тебя к нему, а мы с Лерой отправимся домой. Не надо со мной спорить, дочь. Сашке ничего не угрожает, а тебе стоит подумать о сыне.

– Пап, а с кем Сережка, если оба родителя по больницам?

– Его мама Ани забрала. Ты позвони Андрею и накорми отца ужином. Я очень хочу есть, после всех этих событий.

Диана поставила разогревать отцу ужин и набрала телефон Андрея. Еще не задав вопроса, она услышала его голос:

– Сашка спит после наркоза под капельницей. Температуры нет. Со мной все в порядке. Ты прости меня и не сердись. У меня сын родился три пятьсот. Оба в норме. Поговорим утром. Пока.

– Пап, как это произошло? – спросила дочь.

– Как всегда это бывает. Зачем тебе подробности? Злодеи взяли. Из четырех, два идут минусом. Сашка с пулей в животе достал двух: одному попав в задницу, второму в ногу, а вот как подставился сам, не знаю. Придет в себя, расскажет. Теперь все отдыхают в больнице. Кто в морге, кто под охраной, кто в палате интенсивной терапии, – говорил отец, принимая у дочери тарелку с ужином. – Составь мне компанию. Перекуси. Отвлекись.

Они поужинали, а на чай пригласили и Леру. Александр Аверин остался в квартире дочери, позвонив жене. Ночь для Дианы выдалась беспокойной. Она, то засыпала, то просыпалась от страха. Уже к восьми утра они втроем были в больнице. Поговорив с доктором, Аверин увез Леру к себе, оставив Диану с мужем. Она негромко переговаривалась с Андреем о том, как прошла ночь, звонил ли тот в роддом и как дела у Ани и новорожденного. Потом Андрей вышел из палаты, оставив их одних. Диана присела на стул у кровати, взгляды-

ваясь в родное лицо. Взяла свободную руку мужа в ладони, поднесла ее к своим губам и прикрыла глаза. « Сашка, возвращайся, пожалуйста, – тихо просила она. – Я жить без тебя не могу. Я дышать без тебя не могу. Ты просил меня и я вернулась. Теперь твоя очередь. Ты сильный, ты справишься». Она, сидя с опущенными веками, не заметила, что муж открыл глаза и теперь смотрит на нее.

– Ты это слышала и столько лет молчала? – спросил он негромко. – Тогда я всю ночь просидел у твоей кровати с одной единственной мыслью, чтобы ты пришла в себя. Я даже слово себе дал: не мозолить тебе глаза.

– Эти слова и вернули меня тогда к жизни. Я поняла, что мне не хватало именно их, чтобы я в тебя окончательно влюбилась. Как дела у моего героя? – спросила она, наклоняясь и целуя мужа.

– Все хорошо, принцесса Диана. Отосплюсь, отдохну от дел, но на долгое пребывание здесь я не рассчитываю. Как только ты согласишься меня, израненного, принять, я вернусь домой. Что говорят доктора? Какие прогнозы?

– Если ты собираешься на пенсию, то не рассчитывай. Органы твои все на месте. Пострадавшие есть, потерь нет. Лежать тебе здесь, минимум три недели. Настраивайся, но не расстраивайся. Как ты будешь встречать нас из роддома с дырявым брюхом? Лечись. Ты предпочитаешь отдельную палату или общую? Такая возможность у них есть.

– Андрей, как пить дать, через пару дней сбежит. Нет. Од-

ному мне нельзя. Я не хочу в одиночку. Кто меня будет прикрывать, когда я по сестричкам пойду? – пытался пошутить Александр.

– Ты сразу до туалета научись добираться, а уж потом можно и по девочкам, – поддержала шутку жена. – Как мы определимся с палатой? Хотя, зачем я у тебя об этом спрашиваю? Тебя отсюда попросят уже сегодня, и сами предложат вариант, а мы выберем. Я привезла тебе одежду, которую сочла удобной в данной ситуации. Ты настройся на то, что есть тебе первые сутки нельзя, как пить и вставать. Завтра потихоньку начнешь подниматься, через день садиться и только на четвертый «гулять». Так же и с питанием. Но этот вопрос я еще уточню. Швы снимут не раньше десяти дней, и к уколам привыкай. Колоть будут много и больно. Будешь хорошим парнем, буду приезжать утром и после обеда. Будешь хулиганить или капризничать, будешь есть больничную еду в мое отсутствие. Выбор за тобой. А вот и доктор пожаловал.

Первые две недели, Диана ехала с утра к мужу, приготовив ему то, что можно было уже пить и есть. После больницы она, иногда, ехала к родителям, забирала Леру из сада и вдвоем с ней навещала мужа. Через две недели, Смирнова выписали домой долечиваться еще на неделю. Жить стало проще, жить стало веселей.

Еще весь остаток апреля, май, и часть июня Диана вела активный образ жизни, хотя с ростом живота, это станови-

лось делать все труднее. Десятого июня она оставила Леру на попечение родителей, и больше не рисковала садиться за руль Лексуса, гуляя неподалеку от дома. Она давно провела «ревизию» кровати и коляски Леры. Да, они были не новыми, но вполне приличными. Ее «тревожный чемодан», вещи малышу на первое время, а так же на выписку из роддома ждали мирно своего часа. Валерия родилась осенью, а новорожденного ждали в июне, поэтому, все вещи для него покупались в летнем варианте. Она проводила Александра на работу четырнадцатого июня в семь тридцать, уже чувствуя некий дискомфорт. В восемь тридцать вызвала скорую помощь и с пакетом собралась спуститься вниз, передав ключи от квартиры соседке Ане, родившей месяц назад второго сына.

– Ты ребятам не звони, пусть несут службу спокойно. Лера у родителей. Все будет хорошо. Оклемаюсь, сама позвоню.

Мужу сообщили раньше и не Аня. Скорой помощи, которая с сиреной везла роженицу в родильное отделение, не уступил дорогу один водитель, которого пришлось объезжать по встречной полосе. Мало того, на последнем перекрестке, второй, не уступив дорогу, спровоцировал ДТП, врезался в карету скорой помощи, которая каким-то чудом не перевернулась. Хватило полминуты, чтобы врач скорой, ехавший в кабине с водителем, принял правильное решение. В салоне, где сидели медсестра и роженица, теперь обе лежали на полу.

– Зоя, очнись! Очнись, мать твою! – кричал он, хлопая медсестру по щекам. – Ты на работе. – Он проверял пульс Дианы. По ее лицу тоненькой струйкой текла кровь, и он не мог понять, где находится сама рана. – Быстро ее на носилки, волоком, – говорил он добровольным помощникам, наконец заметив, что у пациентки рассечена бровь. – Ставьте носилки на колеса. Быстрее мужики, быстрее. – Зоя, хватит охать. Бери ее пакет и вперед за мной, своим ходом, ребята помогут. Здесь метров триста не больше. – Петрович, звони на подстанцию, я за тобой вернусь. Ты один, их двое, – раздавал он команды и набирая на ходу номер телефона приемного отделения. Он даже не обращал внимания, что лоб его разбит, и вытирал его рукавом халата, думая, что это пот. Носилки катили вперед три мужчины, бросив свои авто, а над виновником ДТП уже устроили самосуд, не дожидаясь полиции.

Диану подняли в родильный зал. Сердцебиение младенца прослушивалось, и доктор, доставивший ее, сообщил, что схватки уже начались. Проблема была в том, что роженица не приходила в сознание. Мало того, никто не знал, каким образом она оказалась на полу в машине скорой помощи? Какие ушибы получила? Одежда на ней была чистой, но это ничего не объясняло. Вопрос не стоял: кого спасать мать или ребенка? Нужно было спасать обоих. Сама она не родит из-за своего состояния, кесарево сечение опасно на этой стадии. Разыскали мужа, объяснили ситуацию и приняли решение.

Диана, в ожидании наркоза, лежа на столе, неожиданно для всех, пришла в себя.

– Я Диана, я богиня... – недоговорила она, когда схватка прервала ее слова.

– Хочешь быть богиней, будь, – съязвила акушерка, только не мешай.

– Вы Антоновна не правы. Мамочка хотела сказать, что Диана, богиня не только охоты, женственности и плодородия, но и покровительница деторождения. Я правильно, мамочка, Вас понял? – говорил мужчина, сдвигая с лица маску. – Сейчас схватки заменят потуги, Вы успокойтесь, и будем рожать. Договорились? Об Олимпе и богинях мы поговорим чуть позже.

– Правильно. Я рожу сама, я смогу. Вы мне только помогите немного, – просила она, испытывая очередную схватку.

– Давай, девочка моя, давай! – говорила врач. – Парень заждался появления на свет божий. Раз богиня, помогай ему, он ждет от тебя помощи.

Откуда у нее взялись силы, не мог знать никто, но Диана родила в одиннадцать двадцать так аккуратно, что сын, весом три девятьсот и ростом пятьдесят два сантиметра, при появлении на свет, не доставил маме, ни малейшей травмы.

– Ты действительно богиня, – прикладывая ребенка к груди матери, сказала доктор. – Такого богатыря родила. Молодец!

– Как остальные люди в машине? – спросила Диана

негромко, боясь услышать плохие новости.

– Я же говорю: богиня страждущих и обездоленных людей, – улыбался анестезиолог. – Все в порядке. Отделались синяками и ссадинами. Сама, как себя чувствуешь? Голова не кружится? Лбом, где приложилась?

– Не знаю. Я очень испугалась, когда почувствовала удар в машину. В ней же ничего не видно. Чувствую усталость и сильную слабость. Как мой мальчик? – глядя на доктора, говорила она.

– Который родился или который в коридоре икру мечет? Один по шкале Апгар девять баллов, второй намного хуже, – неонатолог явно шутил, и это ободрило Диану. Значит все не так плохо. – Да, напугала ты нас. Кесарить поздно, ребенок в родовых путях, а она условия ставит. А вообще ты молодец, хотя и не богиня.

Доктора вышли из родзала, оставив Диану на попечение акушерки. В коридоре медсестра успокаивала папашу, который никак не хотел верить в положительный исход родов. Он не мог и предположить, что его жена справилась с ситуацией.

– Ваша жена и сын чувствуют себя удовлетворительно. Она пришла в сознание. Роды прошли естественным путем. Через час ее посмотрит невропатолог. Ее потерю сознания не обязательно списывать на травму головы. Это, возможно, было вызвано шоком, сильным страхом за ребенка. Вещи ей вернут, она отдохнет и сможет вам позвонить. Ей важен и нужен отдых. Малыш родился здоровым. Причин для вол-

нений нет. Будем надеяться, что все плохое позади. Вы где ее хотели бы разместить? Есть отдельные платные палаты, с посещением, туда вход со двора, есть общие.

– Я оплачу отдельную палату. Когда я могу навестить жену? –

– После семнадцати. Оплачивайте пока четыре дня, а там посмотрим. Я распоряжусь. Ваша жена, действительно Богиня.

– Я знаю, – рассеяно ответил Александр, не придав значения ее словам. Он был так взволнован хорошим известием, что плохо понимал, что все плохое позади.

Он спустился из отделения, нашел, где оплатить пребывание Дианы в роддоме, заключил договор, внес сумму и вышел на улицу, чувствуя дрожь во всем теле. Нервное напряжение, которое его держало в течение двух часов, вдруг уступило место радостной эйфории. Его трясло, но на лице сияла улыбка, и ему хотелось петь. Он сел в машину, закурил и прикрыл глаза, пытаясь успокоиться. «К родителям ехать пока нельзя, поеду домой. Анна подскажет мне: что делать, и в какой последовательности», – думал он, но ключ в замке зажигания повернул только тогда, когда почувствовал себя чуть спокойнее. Поднимаясь на лифте, он позвонил Анне. Она уже была в курсе всего, что случилось. Рассказав ей обо всем и получив дельные советы, Александр прошел в свою квартиру. Свои действия начал с кофе и звонков родителям. Через час, придя в норму окончательно, он купил со-

ки, фрукты и ехал к родителям Дианы, а около семнадцати часов он набрал ее номер телефона. Диана услышала рингтон: «Ты моя нежность, ты моё небо. За тобой встану, где бы ты не был. Ты моё сердце, ты моё чудо. Обниму нежно, и с тобой буду».

– Не волнуйся, с нами все в порядке. Я тебя очень жду.

В разовом халате и бахилах Александр робко переступил порог палаты. Палата была совсем небольшой. Диана лежала на кровати, а рядом стояла приготовленная детская кроватка.

– Как ты себя чувствуешь, дорогая? – присаживаясь рядом с кроватью на стул, спросил он. – Как же ты меня сильно напугала, – говорил он, держа ее ладони в своих руках и касаясь губами ее пальцев.

– Все обошлось. Успокойся. Я не заработала даже сотрясения мозга, в виду его полного отсутствия. Со мной все в порядке. Меня рассматривали, чуть ли не под микроскопом. Есть синяк на бедре и ссадина на локте, а вот обо что я разбила бровь, не знаю. Скоро принесут нашего сына. Он будет находиться все время рядом со мной, – говорила Диана, с любовью глядя на мужа.

– Я звонил своим родителям. Мама говорит, что отец даже прослезился, хотя я о подробностях не рассказывал. У твоих, был лично. Завтра они сами приедут. Больше всех радуется Лерка. Просят, чтобы мы первое время пожили у них. Так и Лера будет под присмотром и тебе будет легче. Хотя

сделаешь так, как решишь сама. Я не настаиваю.

– Саш, я такое устроила в родильном зале, стыдно вспомнить. Заявила, что я богиня. Меня теперь здесь все так и называют. Я не так выразилась, они не все поняли, а слух пошел.

– Тебя это так волнует? Диана действительно римская богиня охоты. Тебе нечего стесняться имени. Оно к тебе очень подходит. Ты меня сразила в самое сердце и держишь крепко в своих силках, который год. Сыну нашему помогла родиться. Тебя же к кесареву сечению готовили, я сам бумаги подписывал.

– Прости. Тогда мы с тобой правильно выбрали имя нашему сыну. Римская Диана близка греческим Артемиде и Деметре, а Дмитрий идет от Деметры, Дмитрий – земной плод, посвященный богине Деметре. Я сегодня в интернете прочла. Будет, как твой отец.

– Ты у меня необыкновенная, – целуя ее ладони, сказал муж. – Я привез все по рекомендации Анны и твоей мамы. Все передают тебе приветы. Но я на тебя сердит. Ты почему мне не позвонила, а вызвала неотложку? Мы могли избежать этой неприятности.

– Прости. Я думала, справлюсь сама, не заставляя вас всех волноваться. Саш, если я богиня, то почему я так часто попадаю в разные истории? То меня быют, то похищают, теперь эта авария.

– Родная моя, на Олимпе и Капитолийском холме тоже

бывало всякое. А ты подумай: почему эти истории заканчиваются для тебя, скажем, удачно? Ответ очевиден: ты действительно у меня богиня. Была принцессой Дианой, станешь богиней Дианой. Мне нравится. Дай я тебя обниму и расцелую, – успокаивал он жену, обнимая ее и целуя.

Их беседу прервала медсестра, которая принесла ребенка.

– Мальчишка есть хочет. Теперь вся забота о нем лежит на вас. Будут вопросы, я рядом, – сказала она, передавая ребенка на руки матери.

Родители смотрели на сына с любовью и восхищением, а он нашел для себя полезнее и приятнее занятие, чем простое созерцание этого неизвестного еще ему мира. На следующий день с утра, Диану с сыном навестили ее родители с Лерой, а после обеда приехали родители и сестра Александра. Три последующих дня с утра приезжал отец, а после работы заезжал муж. Восемнадцатого июня Александр получил четкие указания, что привезти завтра на выписку и уезжал, когда время посещения уже заканчивалось. Минут через десять в палате появилась медсестра.

– К Вам приехала сестра мужа, но время посещения уже закончилось, и я не могу ее пропустить. Извините.

– И не надо. Завтра мы уже будем дома. Не волнуйтесь, – ответила Диана, думая о своем: «Анна не могла приехать без звонка, да еще и на ночь глядя». Она набрала телефон мужа.

– Что-то забыла сказать? – спросил он весело. – Я еще в дороге.

– Саш, приходила женщина меня навестить, представилась твоей сестрой Аней. Ее не пропустили, но мне как-то не по себе. Кто это может быть? – голос Дианы был взволнован.

– Успокойся, я возвращаюсь, – говорил он, разворачивая машину и набирая телефон Андрея.

Прошло не больше получаса, когда дверь в палату открылась без стука и на пороге Диана увидела Настю в медицинском костюме. Она пододвинула стул ближе к кровати, присела на него.

– Не ждала? Не переживай. Мой интерес к Смирнову давно прошел, а к тебе остался долг. Тебе не интересно, как это жить с мечтой о мести много лет, а потом добровольно от нее отказаться? – спросила Настя. – Выйдя из колонии, я первым делом задалась целью все исправить. Мне пришлось выйти замуж и развестись ни один раз, чтобы мой паспорт стал «чистым». Я вернулась в наш город, устроилась на работу, снимала квартиру и даже влюбилась, чего не ожидала от себя. Прошло года четыре, когда я встретилась с Мельниковым. Мы с ним сотрудничали одно время. Мне пришла в голову идиотская мысль, когда он мне рассказал о вашей встрече. Я теперь уже и не помню, чья идея была подставить тебя, но одобрили ее мы оба. Жаль провалил он это дело. После разговора со Смирновым, я действительно пыталась о тебе забыть. Вышла замуж, казалось, была счастлива, ждала ребенка. Моя дочь родилась с патологией и умерла через семь минут. Муж пытался меня вытащить. Была послеродо-

вая депрессия и психиатрическая больница. Почему одним все, а другим ничего?

– Ты, Настя, не сумасшедшая и понимаешь, что я не виновата в том, что с тобой происходило все эти годы. Это ты пытаешься мне испортить жизнь время от времени. Чего ты хочешь на этот раз? – спросила Диана, вставая с кровати и отодвигая кровать сына дальше.

– На этот раз я тебя убью, как и твоего сына. Я устала за это время смотреть на ваши довольные жизнью физиономии.

– Тебе станет легче?

– Не знаю. В тюрьме или в психушке мне будет безразлично, а вот навязчивая идея, думаю, пройдет.

– Что тобой движет: злость, зависть, обида, но за что? – тянула Диана время в ожидании мужа. Она надеялась, что он им поможет. – Что я тебе сделала?

– Ты – сама доброта, я это всегда знала и помнила. А я – зло. Зло, которое меня душит. Если я его не выпущу наружу, умру сама. С кого начнем с тебя или с сына? Смерть будет безболезненной и быстрой, – говорила она, доставая из кармана шприц. – Один укол и ты на небесах. Начнем, пожалуй, с младенца.

– Ребенка не тронь, – говорила Диана, видя, что за спиной Насти приоткрывается дверь. – Я буду кричать.

– Кричи, тебя, вряд ли кто услышит. Я изучила график. Сейчас у персонала законный ужин, – говорила она, снимая колпачок с иглы, – Не дергайся, мне нет разницы, куда я по-

паду.

– Помогите, помогите кто-нибудь, – закричала Диана, увидев в проеме мужа.

Он в два шага оказался за спиной Насти. Левой рукой схватил ее за шею, а правой вывернул ее руку со шприцем так, что игла вошла ей в правый бок ближе к печени.

– Тебе осталось нажать на поршень или я это сделаю сам, – чуть слышно прошептал он.

В палате вдруг стало тесно от трех мужчин в форме, а тело Насти стало ватным. «Живите спокойно», – успела сказать она. Александр опустил ее на пол и подошел к жене, закрывающей собой кровать с сыном.

– Все кончено, родная моя. Я сейчас вернусь, только руки вымою, мало ли что, – говорил он, направляясь в санузел. – Давай выйдем отсюда, пока наведут порядок, – попросил он жену, беря сына на руки. – Работайте ребята.

Они несколько минут молчали, стоя рядом в коридоре, пока врач не предложил им перейти в другую палату.

– Хочешь, я заберу тебя прямо сейчас? Ну, не прямо сию минуту, мне еще расхлебывать все это нужно. Что думаешь? – положив сына в кровать, задал он вопрос и поцеловал жену.

– Я не думала, что это она. Просчитала, что Аня не может приехать и включила запись, как только она вошла в палату. Ты занимайся делами, а закончишь, зайди к нам и перенеси наши вещи, – ответила Диана, присаживаясь на кровать и

чувствуя дрожь во всем теле. – Пригласи мне доктора.

Был дежурный врач, была медсестра, была даже небольшая, чуть затянувшаяся, истерика, от уколов Диана не отказалась. Был разговор со следователем в присутствии мужа. Все это заняло часа два, и домой Александр отправился в двадцать два часа.

– Диана, богиня моя, может, я останусь и переночую рядом с вами? – решительно спросил Александр.

– Отправляйтесь, папаша, домой, – сказал дежурный врач. – Переполох скоро уляжется. Медсестра будет дежурить рядом с вашей женой до утра. И Вам и мамочке нужен отдых от такого стресса.

– Езжай домой. Обязательно поужинай и выспись. Ты должен завтра выглядеть веселым и счастливым отцом. Ничего не будем менять, и уж тем более посвящать домашних в сегодняшнюю историю, – прижавшись к мужу, говорила она. – Спасибо тебе.

– За что?

– За то, что ты есть в нашей жизни.

* * *

«Когда уходите на пять минут, не забывайте оставлять тепло в ладонях.»

В ладонях тех, которые вас ждут, в ладонях тех, которые вас помнят.

Не забывайте заглянуть в глаза, с улыбкой робкой и покорною надеждой.

Они в пути заменяют образа святых, даже неведомых вам прежде.

Когда уходите на пять минут, Не закрывайте за собою двери –

Оставьте это тем, которые поймут, которые сумеют в вас поверить.

Когда уходите на пять минут, не опоздайте вовремя вернуться,

Чтобы ладони тех, которые вас ждут, за это время не успели разомкнуться». Омар Хайям

При оформлении обложки была использована фотография <https://pexels.com/Renatoabati/2524363>